

2. 2023 март-апрель

Пути духовных исканий

Оксана Киянская

«Демон пропаганды». К истории деятельности М.П.Бестужева-Рюмина в Южном обществе декабристов _____ 6

Андрей Юрганов

Достоевский и «Отверженные»: опыт межкультурного взаимодействия _____ 50

Кирилл Соловьев

Идеологические поиски времен контрреволюции _____ 60

Страницы истории

Любовь Писарькова

Взаимодействие центральной власти и местной администрации. По материалам Корочанской приказной избы. 1643–1701 гг. _____ 74

Елена Жбанкова

Роль и место салонного танца в воспитании детей и взрослых в дореволюционной России _____ 104

Олег Волобуев

Люди и судьбы: штрихи к портретам. Симферополь. 1965–1972 _____ 124

Национальная доктрина

Салават Исхаков

«Мы, демократия мусульманских
народов России...»:

Захид Шамиль _____ 154

Редакционная почта

Даниэль Камари

Общественные советы
и трудовые отношения _____ 170

Contents in English look at the page 184

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного педагогического университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Умереть за свои убеждения –
значит придавать слишком
большую цену предположениям.

Бертран Рассел

...Но пусть даже его уничтожит
Вселенная, человек все равно
возвышеннее, чем она...

Блез Паскаль

Любуясь, как реформа
преображала русскую старину,
недоглядели, как русская
старина преображала реформу.

Василий Ключевский

Даже умные люди становятся
жертвами собственной
пропаганды.

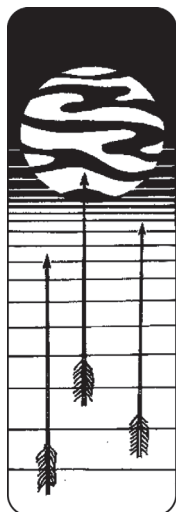
Николас Фрилинг

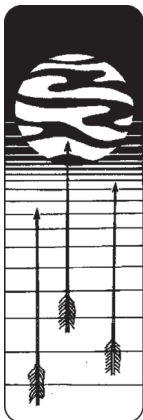
Человек человеку все-таки
ближе, чем ангел.

Готхольд Лессинг

У нас перемены к лучшему
следуют с такой быстротой,
что ничто хорошее
не успевает прижиться.

Хенрик Ягодзиньский

Оксана Киянская

«ДЕМОН ПРОПАГАНДЫ».

К ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.П.БЕСТУЖЕВА- РЮМИНА В ЮЖНОМ ОБЩЕСТВЕ ДЕКАБРИСТОВ

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
929

Статья посвящена анализу конспиративной деятельности декабриста М.П.Бестужева-Рюмина. Автор описывает момент вступления декабриста в заговор, его взаимоотношения с основными участниками Южного общества. По мнению следователя по делу декабристов А.Х.Бенкендорфа, молодой революционер был «демоном пропаганды». Доказывается верность этой характеристики: описываются переговоры Бестужева с Польским патриотическим обществом и Обществом соединенных славян.

The article is devoted to the analysis of conspiratorial activity of the Decembrist M.P.Bestuzhev-Rjumin. The author describes the moment when the Decembrist joined the conspiracy, his relations with the main members of the Southern Society. In the opinion of A.H.Benckendorff, an investigator in the Decembrists' case, the young revolutionary was "the demon of propaganda". The author believes that this characterization is correct. The article refers to the negotiations of Bestuzhev-Rumin with the Polish Patriotic Society and the Society of United Slavs.

Ключевые слова: М.П.Бестужев-Рюмин; Южное общество; Общество соединенных славян; М.М.Спиридов.

Key words: M.P.Bestuzhev-Ryumin; Southern Society; Society of United Slavs; M.M.Spiridov.

E-mail: kianoks@inbox.ru

13 июля 1826 г. Михаил Бестужев-Рюмин был повешен вместе с четырьмя другими лидерами декабристских тайных обществ. Он был самым молодым из казненных: за два месяца до казни ему исполнилось 25 лет. Автору этих строк уже приходилось обращаться к его биографии [19]. Однако за 22 года, прошедших с прошлой публикации, автор успел повзрослеть, написал несколько монографий о декабристах (П.И.Пестеле, К.Ф.Рылееве, С.И.Муравьеве-Апостоле), стал лучше разбираться в источниках, постарался отрешиться от максимализма в оценках. Именно поэтому возникла необходимость переделать прошлую работу, уточнить роль Бестужева-Рюмина в истории тайных обществ.

Основным источником статьи послужили следственные дела декабристов: самого Бестужева-Рюмина, его друга Сергея Муравьева-Апостола, руководителя Южного общества Павла Пестеля, членов Общества Соединенных славян, а также некоторые мемуары и переписка современников.

Памятник М.П.Бестужеву-Рюмину на его родине,
в селе Кудряшки Нижегородской области (фрагмент)

**«Муравьев мне
показал участие»**

Бестужев-Рюмин, пятый, младший сын в семье городничего уездного города Горбатова Нижегородской губернии Павла Николаевича Бестужева-Рюмина и его жены Екатерины Васильевны, урожденной Грушецкой, получил блестящее домашнее образование. Мечтая в юности о дипломатической службе, готовясь сдавать экзамен, позволявший сделать такого рода карьеру, он брал уроки, в частности, у университетских профессоров: Льва Цветаева, декана нравственно-политического отделения университета, профессора права, и Алексея Мерзлякова – тоже декана, но другого отделения, словесного, профессора российского красноречия и поэзии, поэта, друга Василия Жуковского. «Старался я более усовершенствоваться в истории, литературе и иностранных языках», – показывал Бестужев-Рюмин на следствии [6, с.49].

Кроме обязательного для дворян французского, на котором он вел «обширнейшую переписку» [27, с.497], Бестужев владел и немецким, и даже редким для русских дворян начала XIX в. английским: впоследствии Сергей Муравьев-Апостол будет просить отца прислать для друга английские книги [10, с.174]. Из всех наук, которые Бестужев-Рюмин изучал, готовясь к университетскому экзамену, больше всего ему нравились науки политические, привившие ему «наклонность к политике». Он «тщательно» занимался «естественным правом, гражданским, римским и политической экономией» [6, с.49, 92].

На экзамене в специальной комиссии при университете Бестужев-Рюмин показал «очень хорошие» знания «в правах естественном и гражданском, с приложением сего последнего к российскому законоискусству, и в законах уголовных». «Хорошими» были его успехи «в истории всеобщей, древней и новой, с частями, к ней принадлежащими, географией и хронологию, в истории российской и в статистике, особенно Российского государства», «в праве Римском и в политической экономии», а также «в арифметике, геометрии и физике».

Согласно полученному аттестату, «хорошие» успехи были у него и «в грамматическом познании российского языка, в сочинении на оном и переводах с французского, немецкого и англинского языков на русский» [2, оп.115, д. 147, л. 1, 4; Ср.: 46].

Но дипломатом Бестужев-Рюмин не стал: в 1818 г. он определился юнкером (унтер-офицером дворянского происхождения) в гвардейский Кавалергардский полк. Прослужив в нем год и 8 месяцев, так и не выслужив офицерского чина, он перевелся подпрапорщиком в Семеновский

полк, однако после известной Семеновской истории 1820 г.¹ был переведен на юг, в Полтавский пехотный полк. В январе 1821 г. он стал, наконец, офицером, получил чин прапорщика, в мае 1824 г. был произведен в подпоручики. На этом его офицерская карьера завершилась.

С 1822 г. рядом с Бестужевым-Рюминым был его старший друг – подполковник Сергей Муравьев-Апостол. Подполковник был старше Бестужева на 5 с половиной лет. Разница – по меркам начала XIX в. – была немалой: друзья принадлежали к разным поколениям, разделенным войной.

Отпрыск знатного, богатого и разветвленного рода, правнук украинского гетмана Даниила Апостола, средний сын известного всей образованной России дипломата и писателя Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола, подполковник, к 1821 г. уже 10 лет служил в военной службе, участвовал и в Отечественной войне, и в Заграничных походах, был кавалером нескольких боевых орденов и золотой шпаги «За храбрость». После войны он перевелся в Семеновский полк, где в чине капитана командовал 3-й фузилерной ротой. После «истории», получив чин подполковника, он был переведен, как и Бестужев-Рюмин, в Полтавский пехотный полк. Однако в Полтавском полку он фактически не служил, уже в апреле 1821 г. присоединившись к Черниговскому полку [10, с.59; Ср.: 33, с.265, 257]. Официальный же перевод в Черниговский полк состоялся в мае 1822 г.

Попав на юг, Муравьев-Апостол пережил тяжелый кризис. Следы этого кризиса хорошо видны в его письмах к отцу, написанных в начале 1821 г.: «Я чувствую всю тягость одиночества; я здесь один, совершенно один; не с кем ни чувств, ни мыслей разделить; это положение ужасно. Я на квартиры становлюсь всегда один и с офицерами полка не иначе знаком, как по службе», «я здесь живу в совершенном уединении», «по возвращении моем из Киева я совершенно все свое время посвятил службе; езжу по ротам, учу их, сержусь, показываю своим подчиненным сильнейшую военную страсть, а внутренно с трудом преодолеваю скуку, сопряженную с ничтожным ремеслом, коим я должен заниматься», «ни с кем не знаком и никого не вижу», «скучные переезды на скучные места, вот жизнь моя»; «пишу Вам уставший, охрипший, а более всего скучающий, поскольку мы на учениях восемь часов в день, а по воскресеньям, как и праздничным дням – четыре, чтобы дать нам отдохнуть. Вы не представляете себе, насколько такой образ жизни влияет не только на физическое, но даже и на моральное

¹ О Семеновской истории см.: [20, с.251–273].

состояние. Я уверен, что двадцать лет таких занятий низводят самого правильного человека до уровня скота, самого скотского» [10, с. 67, 149, 93, 155, 99].

Но в середине мая того же года в мироощущении Сергея Муравьева-Апостола наступил перелом: в письмах к отцу он сформулировал теорию, согласно которой, все люди «делятся на два класса: одни рождены, чтобы управлять, другие – быть ведомыми». «Рожденных управлять» подполковник считал «высшими» людьми, примером такого человека, призванного вести людей к высокой цели, он считал ветхозаветного пророка Моисея.

«Ведомые» же были для подполковника «стадом баранов», «слепыми», в царстве которых «одноглазые» – «короли». «Высшие люди, – утверждал подполковник, – то есть те, кому природа предназначила управлять, часто не управляют как раз из-за этого положения превосходства, которое становится слишком очевидным и которое возмущает стадо баранов, поскольку ничто не прощается менее, чем превосходство»; «возникает ясновидящий, – и одноглазые объединяются против него, а слепые идут за ними. Шушукуются; рассказывают, что было сказано такое-то злое словцо, сделана такая-то вещь, при необходимости это выдумывают, – и вот создана репутация. С такой репутацией человек, который должен управлять, оказывается в стороне, а посредственности – в довольствии» [10, с. 67, 149, 93, 155, 99, 79, 94; Ср.: 18; 20, с.297–298].

Себя подполковник безусловно относил к «высшим», и эта вера в собственные силы спасла его от депрессии, начавшейся после перевода на юг. В окружении «слепых» и «одноглазых» бывший гвардеец существовать просто не мог [10, с.94]. И новопроизведенный прапорщик оказался для него своим.

Бестужева-Рюмина Муравьев, естественно, знал и раньше, еще во время службы в семеновцах – но не обращал на него особого внимания. Сближение началось уже на юге, вероятно, при посредничестве полковника Александра Раевского, старшего сына знаменитого генерала Николая Раевского, командовавшего в начале 1820-х гг. 4-м пехотным корпусом со штабом в Киеве. Сергей Муравьев-Апостол тесно дружил с Александром Раевским и часто бывал в киевском доме его отца [20, с.299–305 и др.].

В этом доме – «на самой дружеской ноге» – принимали и Бестужева-Рюмина. Рассказавший об этом в мемуарах А.И. Михайловский-Данилевский называл Бестужева «шутом», вызывавшим у знакомых «насмешки». И отмечал, что общение с ним нельзя ставить в вину генералу Раевскому, «потому что в губерниях, особенно малороссийских, нельзя быть насчет общества столько разборчивым, как в столицах; скука заставляет иногда прибегать к людям, [от] которых бы мы в больших городах бегали». По мнению Михайловского-Данилевского, и в доме Раевского, и в других дворянских домах Малороссии Бестужева «принимали... как веселого собеседника, над которым можно было забавляться» [27, с.497–498].

Южное общение Муравьева-Апостола с Бестужевым тоже началось с насмешек над «шутом». Декабрист Иван Якушкин вспоминал: «В Киеве Раевские, сыновья генерала (Александр Раевский и его младший брат Николай. – *О.К.*), и Сергей Муравьев часто поднимали его на смех. Матвей Муравьев однажды стал упрекать брата своего за его поведение с Бестужевым, доказывая ему, что дурачить Бестужева вместе с Раевскими непристойно» [52, с.55].

«Бестужев был пустой малый и весьма недалекий человек, все товарищи постоянно над ним смеялись, – Сергей Муравьев больше других. "Я не узнаю тебя, брат, – сказал ему однажды Матвей Иванович Муравьев, – позволяя такие насмешки над Бестужевым, ты уничтожаешь себя, и чем виноват он, что родился дураком?" После этих слов брата Сергей Муравьев стал совершенно иначе общаться с Бестужевым», – утверждал сын Якушкина, Евгений [51, с.144].

История эта подтверждается «Рассказами о декабристах, записанными неизвестным лицом», автором которых исследователи считают Матвея Муравьева-Апостола, старшего брата Сергея [43, с.167]. Кроме того, в письмах Сергея Муравьева к отцу Бестужев-Рюмин поначалу действительно упоминается с иронией.

В июле 1821 г. Муравьев иронически рекомендовал отцу «оригинала» и «фанатичного доктринера» «по имени Бестужев-Рюмин». Бестужев, по словам автора письма, «проникся» к нему «пылкой страстью» и собирался посетить имение Муравьевых-Апостолов Хомулец Полтавской губернии, где может «позабавить» отца. А в ноябре сообщал из Фастова, что «с неделю назад» его «уединенный уголок» «украсился посещением многостранствующего Бестужева», который привез ему «письмо от Раевского с приглашением в Киев» [10, с.126–127, 152].

Но, познакомившись с Бестужевым-Рюминым ближе, Муравьев изменил свое мнение о «дураке». «Бестужев много выигрывает при ближайшем знакомстве; у него очень благородный характер, и я не ошибся, любезный папенька, когда говорил вам о его развитии», – писал он отцу в январе 1823 г. [10, с.213].

Отвечая на вопрос следствия об обстоятельствах, сблизивших его «с подполковником Сергеем Муравьевым-Апостолом», Бестужев-Рюмин писал: «Муравьев мне показал участие, и мы подружились. Услуги, кои он мне в разные времена оказал, сделали нашу связь теснее» [6, с.50, 57]. Конечно, показания эти расплывчаты, про «услуги» на следствии Бестужев-Рюмин предпочитал не распространяться. Однако он сказал главное: Сергей Муравьев-Апостол был, по-видимому, первым человеком, который «показал участие» высланному на юг прапорщику. Отвечая на дружеские чувства юного офицера, Муравьев и сам «страстно» полюбил его [30, с.227].

О дружбе Сергея Муравьева-Апостола с Бестужевым знали все, кто общался с друзьями и по службе, и в частной жизни. С поручениями от Сергея Бестужев-Рюмин ездил и к его отцу в Хомулец, и к другим родственникам. Отца Сергей благодарил за присылку книг для Бестужева, писал о большой «привязанности», которую испытывает Бестужев к Ивану Матвеевичу, а одному из родственников сообщал, что Бестужев благодарен ему «за знаки дружбы», которые тот демонстрирует [10, с.219; 40, с.130–131].

Родственнику Бестужева, мужу его двоюродной сестры Савве Мартынову, Сергей Муравьев-Апостол писал, что «лагерь при Белой Церкви», в котором летом 1824 г. проходили армейские маневры, «соединил» его с Бестужевым, с которым он был «неразлучен в течение всего времени, как продолжалась лагерная жизнь». А командиру Полтавского полка полковнику Василию Тизенгаузену, примкнувшему к заговору, Муравьев сообщал, что его хорошее отношение к подпоручику он расценивает «как личное одолжение» [32, с.225; 48, с.246].

За полмесяца до начала восстания Черниговского полка Сергей Муравьев-Апостол писал самому Бестужеву: «Есть что-то безнадежное в вашем молчании, любезный друг, завтра будет две недели, как вы уехали, и ни одного слова от вас... Что случилось с вами? Как ваша забота, ваша мечта, ваше здоровье, ваши мысли? Я беспокоюсь, когда думаю обо всем этом. Неужели нет никакой возможности для вас вернуться? Ваши письма доходят до нас так медленно... Боже мой!

Когда же придет час, когда я обниму вас так крепко, как люблю» [48, с.247–248].

Однако далеко не все, кто знал Сергея Муравьева-Апостола, дружил и общался с ним, были готовы одобрить эту дружбу. О Муравьеве-Апостоле современники неизменно отзывались с уважением и восхищением, считали его «другом человечества», обладавшим «высокой и благородной душой» и «благородным характером». Декабристы называли Сергея Муравьева-Апостола «знаменитым сотрудником, приговоренным умереть на эшафоте за его политические мнения». По их свидетельствам, «для отечества» он «готов был жертвовать всем», «не помрачил своего достоинства ни трусостью, ни подлостью» [3, с.387; 23, с.27; 14, с.37, 92; 44, с.179].

Тесное же общение «друга человечества» с «дураком» вызывало у современников отторжение.

Так, «удивление» этой дружбой выразил в начале 1823 г. Алексей Капнист, член Союза благоденствия, служивший тогда адъютантом генерала Раевского. Капнист, по его собственным словам, «взял смелость упрекнуть даже самого Муравьева» за дружбу с Бестужевым-Рюминым, «молодым» и «неосновательным» человеком. Сергей оборвал Капниста, сказав, что «он один раз сделав, от того назад не пойдет» [16, с.252].

Нетерпим был и генерал Михаил Орлов. Отношения генерала с Сергеем Муравьевым-Апостолом поначалу были вполне дружескими: подполковник рассказывал отцу, что Орлов был любезен с ним «как нельзя более», передавал ему новости о восставших греках и «оказал» «всевозможные знаки дружеского расположения» [10, с.87].

Однако Орлов на следствии 1826 г. писал о Бестужеве-Рюмине, что тот «с самого начала так много наделал вздору и непристойностей, что его к себе никто не принимал». Дружбу же Бестужева с Муравьевым он характеризовал двусмысленно и несправедливо: «Около Киева жили Сергей Муравьев и Бестужев, странная чета, которая целый год друг друга хвалила наедине» [37, с.171, 172–173].

В 1826 гг. англичанин Роберт Ли записал в дневнике рассказ «одного человека», который знал заговорщиков лично, «однако относился к ним очень враждебно». Согласно рассказу, Сергей Муравьев-Апостол имел «сильный характер» и вел себя «как человек чести». Беда же его состояла в том, что он «последовал за дураком» [53, р.100]. Ю.Г.Оксман, впер-

вые введший эту запись в научный оборот, полагал, что информатором Ли был Александр Раевский [35, с. XXIII].

Подобные отзывы широко распространились на юге – и оттуда попали в мемуары современников. Естественно, разговоры эти раздражали Сергея Муравьева-Апостола, вряд ли на них он реагировал иначе, чем при объяснении с Капнистом. Орлов показывал, что «Муравьев, обиженный за своего друга», перестал к нему «ездить и даже кланяться» [37, с.173].

Старший брат Сергея Муравьева-Апостола Матвей поначалу тоже считал, что Бестужев-Рюмин «родился дураком». В ноябре 1824 г. в письме к Сергею он сетовал на то, что брат говорит о своем друге «не иначе, как со слезами на глазах», и называл его «мнимым другом» [33, с.210]. А Ивану Якушкину тогда же написал: «Вспомните некоего Бестужева из Москвы, который затем служил в гвардии. Мой брат проникся к нему страстью, он хочет даже уверить меня, что это гений» [1, ф.279, оп.1, д. 82, л. 18, 19].

Однако старший брат сумел понять младшего, дистанцироваться от общественного мнения. Уже в декабре того же года Матвей просил Якушкина «вычеркнуть из памяти» впечатление, которое он мог произвести своим «ложным суждением» о Бестужеве-Рюмине. Матвей объяснял, что эти отзывы явились, в частности, следствием «разнообразных сплетен» [1, ф.279, оп.1, д. 82, л.28].

Отношения между Матвеем Муравьевым-Апостолом и Бестужевым тоже стали дружескими, хоть и не столь «страстными». К письму, в котором Сергей сетовал, что за две недели не получил от «любезного друга» «ни одного слова», сделал приписку и Матвей: «Я очень желал бы, дорогой друг, чтобы вместо письма вы приехали бы сами... Я благодарю бога, что нахожусь сейчас возле брата, иначе наш добрый Сергей был бы более одинок, чем когда-либо» [48, с.247–248]. Впоследствии Матвей будет вспоминать «знаки истинной дружбы», которые оказал ему Бестужев-Рюмин, а Бестужев напишет в показаниях, что «любил» Матвея [48, с.248; 6, с.122].

Но если с Матвеем Муравьевым Бестужева связывала лишь симпатия, то его «любовь» к «Сергею Ивановичу Муравьеву-Апостолу доходила до обожания». Своему другу Бестужев был предан «душою и телом», за Сергея Муравьева-Апостола он «готов был броситься в огонь и воду» [4, с.341, 92; 17, с.398]. И тому, конечно, были причины: не будь в его жизни подполковника Муравьева, Бестужев, скорее всего, так и умер бы, ничего не совершив. Но старший друг помог незадачливому бывшему

кавалергарду найти свою дорогу в жизни, сумел за маской «странного существа» разглядеть талантливого вольнолюбивого юношу, которому, как и ему самому, было тесно в рамках службы и который хотел переделать мир.

Сам Сергей Муравьев-Апостол давно состоял в тайном обществе: был одним из основателей Союза спасения, членом Коренного совета – управляющего органа Союза благоденствия. Но, по его признанию на следствии, «до начала 1822-го года» он был в тайном обществе «самый недеятельный, а следственно, малозначащий член», не всегда присутствовал на собраниях, «мало входил в дела, соглашался с большинством голосов и во все время не сделал ни одного приема».

В январе 1822 г. Муравьев-Апостол, уже уверовавший в себя, встретился в Киеве, на Контрактовой ярмарке, со своим старым петербургским приятелем Павлом Пестелем, не согласившимся с роспуском тайного общества на Московском съезде 1821 г., пытавшимся возродить организацию и возглавившим Директорию Южного общества. «В начале 1822-го года я свиделся в Киеве с Пестелем, узнал от него, что вся южная управа, им предводительствуемая, не признала уничтожения общества... я присоединился к нему, и Южное общество восприняло свое начало», – показывал Муравьев-Апостол на следствии.

У Муравьева появился хороший шанс проверить свою теорию в деле, доказать и себе, и окружающим право «повелевать». С момента присоединения к обществу Пестеля подполковник, по его собственным словам, «имел деятельнейшее участие» в делах заговорщиков [33, с.273, 275].

По возвращении из Киева Сергей Муравьев предложил Бестужеву-Юмину стать конспиратором. «Сделано было мне предложение вступить в общество; я имел безрассудность согласиться», – показывал Бестужев на следствии [6, с.49].

Сергей Муравьев принял Бестужева в общество не случайно: подполковник был одним из немногих, кто в его глазах не принадлежал к «стаду баранов». Друга подполковник тоже отнес к числу «высших», избранных. Об этом он – аккуратно, не нарушая правил конспирации и не называя имен – рассказал Савве Мартынову. По мнению подполковника, «есть ошибки, которые в молодом человеке являются предзнаменованием будущего его превосходства». Однако «общество»

«инстинктивно... делается покровителем посредственности», а талантливый молодой человек становится объектом «остервенелых» нападок «при первом его ложном шаге». Для того, чтобы такой человек не впал «в апатию» и не перестал верить в себя, необходимо присутствие «снисходительного друга», который «поддержит и направит» его. Муравьев-Апостол писал Мартынову, что «часто беседовал об этом предмете с Бестужевым, который также имеет некоторое право говорить о нем» [32, с.226].

Бестужев, узнав о тайном обществе, с энтузиазмом воспринял возможность новой для себя жизни. От Муравьева Бестужев-Рюмин узнал и о «Русской Правде» Пестеля, своеобразном своде законов, которые следовало принять после победы революции, и о будущем революционном походе. В начале следующего, 1823 г., Бестужев был уже полностью в курсе конспиративных дел.

«Пестель торжественно открыл заседание»

20 января 1823 г. в Киеве, снова на Контрактной ярмарке, состоялось знаменательное в жизни прапорщика, которому шел 22-й год, событие: он участвовал в совещании – или, как такого рода собрания называли сами заговорщики, «съезде» – руководителей Южного общества². Съезд проводил 29-летний полковник Павел Пестель, руководитель управляющей Директории Южного общества, командир Вятского пехотного полка. Присутствовали же его близкие друзья: сопредседатель Директории, 36-летний генерал-интендант 2-й армии Алексей Юшневский, 34-летний генерал-майор и командир армейской пехотной бригады князь Сергей Волконский и отставной полковник Василий Давыдов, ровесник Пестеля. Подполковнику же Сергею Муравьеву-Апостолу было в тот момент 27 лет. Кроме Юшневого, всю жизнь прослужившего в статской службе, и, собственно, Бестужева-Рюмина, остальные участники совещания воевали и получали боевые награды, а Давыдов в Бородинской битве исполнял обязанности адъютанта легендарного генерала Петра Багратиона.

Сведений о том, какие аргументы нашел Сергей Муравьева-Апостол для того, чтобы его друг-прапорщик был на это совещание допущен, не сохранилось. Однако буквально накануне друзья нашли сильный аргумент в пользу значимости Бестужева-Рюмина для общего дела: не будучи поначалу никем уполномочены, они начали искать контакты с су-

² Обоснование даты этого совещания см.: [20, с.371–372].

ществовавшими в Польше тайными организациями. Там же, в Киеве, они познакомились с отставным 46-летним генералом графом Александром Хоткевичем, которого друзья «предполагали членом польских обществ» «по образу его мыслей» [33, с.282]. Впоследствии выяснилось, что Хоткевич на тот момент в польском заговоре уже не состоял, но действительно знал его участников [6, с.43].

Нетрудно предположить, что возможные переговоры с поляками о совместных действиях оказались сильным аргументом в беседе Бестужева-Рюмина с Пестелем, предшествовавшей общему заседанию. Поляки могли помочь русской революции, восстав одновременно с русскими заговорщиками и изолировав при этом наместника русского царя в Польше, официального наследника престола цесаревича Константина. Согласно «Русской Правде», Польша в случае победы русской революции получала независимость. «Должна Россия даровать Польше независимое существование», – гласил программный документ Южного общества [38, с.123].

Беседуя с глазу на глаз с Бестужевым-Рюминым, Пестель предупредил его о возможности получить «несколько пуль в лоб», если тот решится на предательство [6, с.119].

День 20 января 1823 г. оказался для Бестужева знаменательной датой. Допущенный на съезд, он – в иерархии заговора – стал равным и Пестелю, и Юшневскому, и Волконскому, и Давыдову. С ним стали советоваться, к его мнению прислушались. Для молодого обер-офицера, вызывавшего у большинства современников лишь ироничные улыбки, потерпевшего фиаско в гвардейской службе, не имевшего никаких карьерных перспектив, это был пропуск в новую жизнь.

Естественно поэтому, что столь важный для себя день он запомнил в подробностях, которые и воспроизвел на следствии: «На квартире Василия Давыдова, по вступлении моем в общество, собрались все тогда в Киеве находящиеся члены, кои суть: Пестель, Юшневский, Давыдов и Волконской. Меня и Сергея Муравьева туда пригласили, и Пестель торжественно открыл заседание, спрашивая нас: согласны ли мы на введение республиканского правления в России. – Мы сказали "да". Пестель спросил потом у нас: согласны ли мы со мнением общества о необходимости истребления всей императорской фамилии. Мы сказали, что нет. Тут возникли жаркие и продолжительные прения: Муравьев

в своем мнении устоял, а я имел несчастье убедиться доводами Пестеля. – Видя, что Муравьев начинает сердиться, Пестель переменял разговор и предложил другой вопрос, относительно народных выборов, требовал нашего мнения, "будут ли выборы прямые или косвенные". Муравьев отвечал, что он предпочитает прямые, на собственности основанные. Тут прения возобновились. Пестель, Юшневский, Давыдов стремились доказать, что косвенные лучше. Я держался мнения Муравьева, а Волконский молчал. После сего Пестель предложил окончательный вопрос: останется ли господствующая религия или одинаковое покровительство будет всем оказываемо. – Единодушно положили, что останется религия господствующая» [6, с.110–111].

Как следует из этих показаний, форма проведения совещания отличалась от большинства других таких же. Вместо разговоров «между Лафитом и Клико» прошло «торжественное» заседание с формальным голосованием. Видимо, «торжественность» и официальность были организованы специально для Муравьева-Апостола и его друга: в общении Пестеля с единомышленниками нужды в «торжественности» не было. Обсуждали государственное устройство будущей постреволюционной России, «Русскую Правду», формы будущих демократических выборов («прямые» или «косвенные»), религиозное устройство будущей российской республики.

Главным вопросом был, конечно, вопрос о цареубийстве и убийстве царской семьи, обсуждение которого тоже, по-видимому, было постановочным. Пестель прекрасно знал, что Юшневский, Волконский и Давыдов и в этом вопросе были его единомышленниками. «Мнения членов были: Пестеля, Юшневского, В.Давыдова, князя Волконского: истребить всех. Бестужева: одного государя. Мое: никого», – показывал Сергей Муравьев-Апостол [33, с.278].

Причем председатель Директории заставил собравшихся рассматривать вопрос об «истреблении» императорской фамилии и в практической плоскости. Он вынес на обсуждение свой проект разделения будущего революционного действия на «заговор» и «собственно революцию». Цель «заговора» – цареубийство, этот акт должен быть осуществлен особым «обреченным отрядом». Возглавить «отряд» мог бы, по мысли Пестеля, его старый приятель Михаил Лунин, известный своей решительностью и отвагой. «Ежели бы такая партия была составлена из отважных людей вне общества, то сие бы еще полезнее было», – показывал Пестель на следствии [39, с.179–180]. Совершенное в столице

цареубийство должно было стать сигналом к началу «собственно революции» – революционного выступления армии.

Сергей Волконский, участник совещания, посвященный во многие планы южного руководителя, отметил в мемуарах: Директория использовала обсуждение проектов цареубийства как «обуздывающее предохранительное средство к удалению из членов общества». По законам Российской империи умысел на цареубийство приравнивался к «деянию». И тот, кто согласился на эту меру, подвергался «полной ответственностью за первоначальное согласие» [12, с.366–367].

Пестель, вероятно, еще не вполне доверявший Муравьеву-Апостолу и его другу, отнял у них возможность «передумать» и выйти из заговора. Несмотря на то, что Муравьев «жестоких мер» не поддержал, в случае провала тайной организации и он не мог избежать ответственности. Он знал об «умысле» на цареубийство и убийство царской семьи, но не донес о нем властям – и уже по одному этому должен был понести суровое наказание.

После «цареубийственного» голосования ни у кого из его участников пути назад не было.

В итоге Бестужев и Муравьев-Апостол, оставшиеся в меньшинстве, предложили оставить вопрос о судьбе императора и его семьи открытым «до другого времени, ибо вопрос таковой важности не может быть решенным шестью человеками, что было принято» [33, с.278].

Тогда же Бестужев рассказал всем присутствующим о контактах с Ходкевичем и предложил «воспользоваться положенным "Русскою Правдою" возвращением полякам независимости... для составления связи с тайными польскими обществами, буде таковые у них существуют. Предложение его было обществом одобрено», а исполнять решение должен был он сам вместе с Сергеем Муравьевым [33, с.282].

Кроме того, на совещании было подтверждено деление Южного общества на управы. Две из них: Тульчинская под руководством Пестеля и Каменская под руководством Давыдова и Волконского, действовали еще со времен Союза благоденствия. Третью же, Васильковскую, возглавили Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин. В истории декабристского заговора это был первый и единственный случай, когда не имевший никаких конспиративных заслуг, только что официально принятый в тайное общество заговорщик сразу стал одним из руководителей конспирации.

По-видимому, на этом повестка дня «торжественного заседания» была исчерпана.

Уезжая из Киева, Бестужев-Рюмин вместе с Муравьевым постарался «короче познакомиться» с Хоткевичем; друзья «открыли» поляку «существование и намерения» российского тайного союза. Хоткевич «не сознался» в своей принадлежности к польской конспирации, но пообещал познакомить с людьми, состоявшими в Польском Патриотическом обществе [33, с.282]³.

Новая жизнь, начавшаяся для Бестужева-Рюмина после киевской встречи, оказалась насыщенной и интересной. Быстро освоившись в среде заговорщиков, Бестужев-Рюмин активно включился в обсуждение судьбы «высочайшей фамилии». Он не был твердо убежден в необходимости убийства императора. Сразу после совещания, возвратившись «домой», Сергей Муравьев доказал другу, что «можно ввести представительное правление, не прибегая к ужасной мере, на коей настаивает Директория» [6, с.109]. Рассуждения на эту тему продолжились и впоследствии – например, в конце 1823 г. в деревне Каменка, имении Давыдова.

Результатом колебаний Бестужева-Рюмина в вопросе о судьбе Александра I и его семьи была первая из известных в тайном обществе его «речей», посвященная «опасности жестоких мер» [6, с.46, 60]. Написав эту «речь», Бестужев подал ее в Директорию, т.е. передал генерал-интенданту Юшневскому [33, с.278].

Содержание ее в целом установить, видимо, уже не удастся, однако некоторые ее фрагменты содержатся в показаниях подследственных. Настаивая на том, чтобы васильковские заговорщики поддержали необходимость уничтожения «фамилии», Пестель и его друзья «представляли» Бестужеву-Рюмину «то междуусобную войну, то реставрацию (в оригинале «ресторацию». – *О.К.*) и повсюду неминуемым последствием» умеренности в этом вопросе. В случае же ликвидации «фамилии», – говорили они, – некому уже будет сопротивляться преобразованию», никто не сумеет разрушить воздвигнутое революционерами «здание» [6, с.91].

В «речи» содержалось опровержение этих мыслей. Бестужев-Рюмин утверждал, что «к анархии, от анархии к деспотизму, а затем к иным потрясениям» в ходе английской (середины XVII в.) и французской (конца

³ Подробно о Польском патриотическом обществе, его целях и формах деятельности см.: [25, с.276–319; 36, с.81–164].

XVIII в.) революций привели именно «жестокие меры», примененные революционерами. Для того, чтобы избежать реставрации российской монархии, не нужно убивать царствующий дом – следует лишь хорошо проработать будущую законодательную базу. «Дадим хорошую конституцию, дадим хороший свод законов России – она будет их держаться и защищать от нападений. Чтобы поднять нацию, что можно будет ей обещать, – если мы для нее все уже сделали?» – объяснял Бестужев-Рюмин [6, с.91].

Кроме того, по словам читавшего эту «речь» Юшневского, в ней сохранился и пассаж о том, что в случае уничтожения царской семьи революционерам следует опасаться «какого-либо властолюбивого человека, который бы влиянием своим в армии или в народе захотел присвоить себе исключительную власть» [6, с.166]. В пример Бестужев-Рюмин приводил английскую революцию: по его мнению, реставрация английских Стюартов – «плод тирании Кромвеля и долго продолжавшихся беспорядков, кои утомили народ» [6, с.91].

Однако вряд ли Бестужев, составляя «речь», ставил своей целью переубедить Пестеля и его друзей. Это было невозможно: Пестель давно, еще со времен Союза благоденствия был сторонником «жесточких мер», взгляды свои он от своих товарищей не скрывал и менять их не собирался. Очевидно, что цель, может быть, даже четко и не проговоренная, была другой: заставить главных деятелей Южного общества признать в авторе «речи» идеолога, автора важных, судьбоносных для тайного общества «мнений».

Недаром Сергей Муравьев-Апостол «дабы увеличить» «репутацию» своего друга, стал главным «распространителем» его «речей». Эту первую «речь» Муравьев читал Сергею Трубецкому, ее «помнил наизусть» родственник Сергея Муравьева-Апостола, полковник-заговорщик, командир Ахтырского гусарского полка Артамон Муравьев, о ее существовании знал и Матвей Муравьев-Апостол. По словам самого Бестужева-Рюмина, созданный им текст стал известен «всему обществу» [6, с.145, 91, 46, 60; 33, с.253].

Вопрос же о судьбе «фамилии» был в данном случае вторичен и для Бестужева, и для Муравьева-Апостола: недаром в итоге, после «долгих споров» и «насмешек» со стороны Пестеля и его друзей, оба друга согласились с необходимостью насильственной смерти Александра I. Согласились же они на это «не по убеждению... в необходимости политической сей меры, а потому, что оно было господствующее мнение

в обществе», потому, что «все члены без исключения полагали необходимостью лишить государя жизни» [33, с.349; 6, с.91].

В вопросе о судьбе семьи Александра они тоже уступили большинству, признав необходимость «убиения» цесаревича Константина [33, с.370]. Именно Константину – вернее, необходимости его физического устранения – была посвящена еще одна письменная «речь» Бестужева-Рюмина, известная также как письмо члену Польского патриотического общества Анастасию Гродецкому. Эта «речь», написанная в конце 1824 г., противоречила первой: по словам Бестужева-Рюмина, он, в частности, «советовал» полякам, собиравшимся в случае начала революции в России лишь задержать цесаревича, «истребить Константина Павловича». Читавший письмо Матвей Муравьев-Апостол конкретизировал его содержание: Бестужев утверждал, что «нельзя совершить переворота без помощи армии и что пока цесаревич будет жив, польское общество не может полагаться на свои войска, которые преданы цесаревичу» [33, с.253]. Копию письма Сергей Муравьев-Апостол дал принятому им в общество офицеру и литератору Александру Корниловичу; Корнилович отвез ее в столицу и передал князю Сергею Трубецкому [6, с.145; 21, с.329]. В курсе содержания послания были Александр Поджио [6, с.111], тогда майор Днепровского пехотного полка, князь Сергей Волконский и Пестель.

Кроме того, накануне решающих событий, в конце декабря 1825 г., Сергей Муравьев показал этот текст одному из участников польского заговора, графу Петру Мошинскому. Русский заговорщик объяснял польскому, что «хотя общество польское и обещало в случае возмущения в России не выпускать великого князя из Варшавы, но обществу нашему вернее кажется лишить его жизни»; «речь» Бестужева он просил «сообщить в Директорию» польского общества. Однако Мошинский, не дав Муравьеву «никакого ответа, сказал только, что он никак не смеет принять писаного мнения, ибо это против законов их общества» [33, с.370–371].

Чаще всего, сочиняя «речи», Бестужев не доверял импровизациям. Но иногда обстоятельства заставляли импровизировать. И выяснялось, что, и не подготовившись заранее, он вполне мог рассуждать о серьезных предметах и делал это таким образом, что присутствовавшие не имели повода сомневаться в его компетенции.

Так, в конце 1825 г. он с глазу на глаз дискутировал с командиром Полтавского полка Василием Тизенгаузенем о возможности и сроках начала русской революции. Комментируя слова Артамона Муравьева,

настаивавшего на немедленном начатии революционного похода, Тизенгаузен сетовал, что у заговорщиков «ничего не готово». Бестужев-Рюмин «отвечал: "Что вы подразумеваете под словом ничего? Перед началом революции должны быть две вещи готовы. Первая – это хорошая конституция, ибо изготовив (в оригинале «изготовь». – *О.К.*) ее прежде восприятия действий, мы избегнем долговременности и ужасов революций английской и французской; другая вещь – та, чтоб иметь под рукой значительное число войск благонадежных. Я не согласен с Артамоном в немедленном начатии, но не полагаю, чтобы мы могли безопасно откладывать предприятие наше далее будущего года; тогда с большою вероятностью в успехе, можем начинать"». Тизенгаузен не согласился с подчиненным, отвечав: «Разве чрез десять лет».

Разговор на этом не окончился – вскоре он был продолжен с участием Артамона и Сергея Муравьевых, а также некоторых других заговорщиков. Тизенгаузен сказал, что немедленное восстание невозможно и по причине «незрелости России». На это Бестужев ответил, что «в России легче сделать переворот, нежели в прочих землях: 1) потому что нет полупросвещения, вещь самая пагубная в революции; 2) что со времен Петра Великого духовенство не играет никакой роли в государстве, 3) потому что у нас дворянство не пользуется особенными правами». Сергей и Артамон Муравьевы поддержали оратора – и «Тизенгаузен замолчал» [6, с.92].

**«Закоренелая ненависть
присуща только варварским
временам»**

Генерал Александр Бенкендорф не зря называл Бестужева-Рюмина «демоном пропаганды» [5, с.338].

Главным действием его в заговоре действительно была «пропаганда». Активно используя ораторские средства, пропагандируя идеи тайного общества, он занимался расширением возможностей Южного общества. Первым его действием на этом пути стали переговоры с Польским патриотическим обществом; контакты Бестужева с поляками начались еще до съезда 1823 г.

Отношение к этим переговорам даже среди его товарищей по заговору было неоднозначным: в случае победы революции и отделения Польши сразу встал бы вопрос о границах. Польша претендовала на часть своих старинных земель, давно уже вошедших в состав России. К тому же в 1812 году поляки воевали на стороне Наполеона. Генерал Орлов, узнав впоследствии о переговорах, сказал Бестужеву: «Вы сделали вздор и разрушили последнюю нить нашего знакомства. Вы не рус-

ский; прощайте». «Его (Бестужева-Рюмина. – *О.К.*) предложение было даже поводом некоторого негодования между сочленов», – показывал на следствии Сергей Волконский [13, с.131]. Никита Муравьев, троюродный брат Сергея Муравьева-Апостола, один из лидеров тайной организации в столице, узнав о южных переговорах, тоже оказался их противником. Он утверждал: северная организация полагала, «что не должно уступать приобретений и собственности России и входить в сношения с иноплеменниками, хотя бы они под одним управлением с нами находились» [29, с.300; 37, с.187].

Негативная реакция на переговоры с поляками Бестужева-Рюмина не останавливала. Похоже, он считал, что отторжение от России некоторых территорий – не слишком высокая цена помощи в деле подготовки русской революции. В сентябре 1823 г., действуя уже от имени Директории, он совершил «вояж в Вильно», где, по показаниям Матвея Муравьева-Апостола, «должен был снестись с одним посланным от польского общества» [31, с.128]. Впрочем, от этой поездки было мало толку. Общаясь в Вильно с князем Константином Радзивиллом, представителем Польского патриотического общества в литовских губерниях, говоря «о несовершенстве нынешнего правления и о необходимости реформы оногo», он не добился сочувствия. Впоследствии Радзивилл показывал, что «взгляды» и «образ мышления» Бестужева-Рюмина произвели на него «невыгодное впечатление» [25, с.282; 36, с.93].

Однако и виленская неудача не обескуражила Бестужева. География его последующих переговоров с поляками прослеживается по показаниям Сергея Волконского: кроме Вильно – «Киев, Житомир, Васильков и Ржищев» [13, с.128].

Бестужев-Рюмин свидетельствовал, что в ходе переговоров Сергей Муравьев-Апостол «ни во что почти не входил» [6, с.65]. Показания эти не вполне точны: подполковник от переговоров не устранился, но, будучи командиром батальона, «многостранствовать» не мог. Когда же служебные обстоятельства позволяли, он на переговорах присутствовал. Точнее другое свидетельство подпоручика: в тех случаях, когда с эмиссарами польского общества они общались совместно, поле деятельности Муравьев оставлял другу [6, с.87]. По показаниям польского заговорщика, подполковника Северина Крыжановского, с которым васильковские руководители познакомились в Киеве в январе 1824 г., «Муравьев говорил мало», «Бестужев не давал ему отвечать, а только сам все говорил» [25, с.284].

Роль Бестужева в переговорах с поляками оценила и Следственная комиссия: ему инкриминировалось «составление умысла» «на отторжения областей от империи», тогда как Муравьев-Апостол оказывался виновен лишь в «участии» в умысле [44, с.224–225].

Переговоры с Польским патриотическим обществом в целом проходили успешно. Выполняя данное ему в Киеве поручение, Бестужев предложил полякам заключить договор, текст которого он представил в Директорию [6, с.63–65, 69–74]. Согласно договору, Польше предоставлялась независимость, при этом поляки могли «рассчитывать на Гродненскую губернию, часть Виленской, Минской и Волынской» [6, с.72]. Впрочем, вопрос о конкретных границах Муравьев и Бестужев старались обходить.

Кроме того, русские заговорщики брали на себя обязанность «стараться уничтожить вражду, которая существует между двумя нациями», считая, что «в просвещенный век» интересы «всех народов одни и те же и что закоренелая ненависть присуща только варварским временам» [6, с.73].

Поляки же, в свою очередь, обязаны были признать подчиненность южной Директории, начать восстание в Польше одновременно с русским восстанием, помешать великому князю Константину вернуться в Россию, блокировать расквартированные на территории Польши русские войска, не давая им выступить. Польское патриотическое общество обязывалось предоставить русским заговорщикам сведения о европейских тайных обществах, а после победы революции «признать республиканский порядок» [6, с.72–73].

В этих первых в своей жизни переговорах Бестужев-Рюмин проявил свои немалые дипломатические способности. Он не мог не видеть, что граф Хоткевич, Гродецкий, Северин Крижановский – официальные представители поляков, офицеры польской гвардии – были гораздо старше и опытнее него. Он понимал, что поляки не доверяют ему не только потому, что он русский, но образом потому, что он молод. Так, Крижановский объяснил русскому заговорщику, что «его речи могут иметь худые последствия» [25, с.284]. А Гродецкий впоследствии рассказал Пестелю, что «всегда опасался ветренности Бестужева».

Разговаривать с ними официальным тоном было невозможно, поэтому переговорщик вел «сношения с поляками более в виде частного личного знакомства и дружества, нежели официальным образом от общества к обществу» [39, с.164]. Договор же, который он заключил с поляками,

был составлен устно, в виде неких «суждений», и обрел письменную форму только в отчете Бестужева Директории [6, с.133].

За успехи в переговорах с поляками Бестужева официально поблагодарил и даже «обнял» Алексей Юшневский [41, с.70]. Правда, по словам Юшневого, сделал он это по просьбе Василия Давыдова, «который заметил, что сие польстит самолюбию Бестужева, тогда недавно принятого в общество» [50, с.78].

Но в итоге переговоры Бестужева-Рюмина с поляками закончились скандалом, и связан этот скандал был с упоминавшимся выше письмом к Гродецкому. По свидетельству Бестужева, письмо это было написано по просьбе Пестеля: руководитель русского заговора не верил полякам, полагал, что они могут воспользоваться слабостью русских «во время переворота, чтобы вооруженной силой взвести на престол Константина Павловича, дабы он из благодарности возвратил им независимость». Пестель «именем Директории велел мне требовать от польского общества немедленного истребления цесаревича», – рассказывал следователям Бестужев-Рюмин [6, с.111]. Однако до адресата письмо не дошло: князь Волконский, который, собственно, и должен был передать его полякам, отвез послание Пестелю. «Сие мне письмо более всего показалось невозможным к отдаче», «письмо было мною взято, но с тем, чтоб его не вручить», – утверждал Волконский [13, с.132]. В российском тайном обществе, как и в польском, существовал строгий запрет на письменные сношения.

«Директория истребила сию бумагу, прекратила сношения Бестужева с поляками и передала оные мне и князю Волконскому», – показывал Пестель [39, с.116]⁴.

После этого личные отношения Волконского с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым были разорваны. Волконский показывал, что «на слова начальника Васильковской управы с некоторого времени перестал иметь веру» [13, с.118]. Вероятно, именно вследствие истории с письмом Бестужев едва не поссорился и с Пестелем: в 1826 г. подпоручик показывал, что руководитель Директории – «человек нрава вспыльчивого» и «не всегда размерял свои слова» [6, с.119].

Стоит отметить, что в начале 1825 г. переговоры с поляками взялся вести сам Пестель и согласованные Бестужевым-Рюминым «суждения»

⁴ *Обобщение показаний на эту тему см.: [25, с.298].*

были отвергнуты [39, с.130]. С польскими эмиссарами Пестель обращался не так, как Бестужев. «Во всех сношениях с ними, – показывал Пестель на следствии, – было за правило принято поставить себя к ним в таковое отношение, что мы в них ни малейше не нуждаемся, но что они в нас нужду имеют, что мы без них обойтись можем, но они без нас успеть не могут; и потому никаких условий не предписывали они нам, а напротив того – показывали готовность на все наши требования согласиться, лишь бы мы согласились на независимость Польши» [39, с.119].

Результат был тоже другим. Вмешательство председателя Директории погубило все дело. Поляков оскорбил тон русского заговорщика, которому еще самому предстояло доказать свое право на решение вопросов польской независимости. Начавшись в январе 1825 г., официальные переговоры Пестеля с Польским патриотическим обществом тогда же и были прерваны, хотя неофициальные контакты продолжались.

«Сборище людей исступленных»

Второе важнейшее предприятие Бестужева-Рюмина по укреплению структуры заговора – присоединение к Южному обществу Общества

соединенных славян. Общество это, как и Польское патриотическое общество, было частью общественного феномена Александровской России 1810-х – 1820-х годов: повсеместного распространения тайных обществ. В.М.Бокова в специально посвященной этому феномену книге насчитала в 1-й трети XIX в. 160 организаций такого рода [8, с.624–628].

Напряженная внутриполитическая ситуация, связанная с только что закончившейся войной, ожиданием реформ и последующим разочарованием в реформаторских намерениях императора рождала у образованных россиян желание найти единомышленников. В легальной российской жизни существовала жесткая сословная структура, за пределы своего сословия человеку выйти было крайне сложно. И тайные общества играли роль своего рода «социальных лифтов», позволявших, сломав сословные перегородки, сделать карьеры если не в официальной жизни, то в маргинальных эрзац-организациях.

Тайные общества далеко не всегда были политическими, у них были разные цели: литературные, морально-нравственные, просветительские. Были и те, которые носили «оргиастический» или даже «гомосексуальный» характер, но не были при этом лишены и «идейного содержания» [8, с.14, 228]. «Тайна» же такого рода обществ заключалась только

«в принятой форме собраний, – негласных, более или менее замкнутых, непубличных» [42, с.35].

В основе идеологии Общества соединенных славян, основанного в 1823 г. молодыми офицерами-артиллеристами братьями Андреем и Петром Борисовыми и поляком Юлианом Люблинским, лежала утопическая, но красивая идея объединения всех славянских племен в единую федерацию. «Ты еси славянин, и на земле твоей при берегах морей, ее окружающих, построишь четыре флота: Черный, Белый, Далмацкий и Ледовитый, а в середине оных воздвигнешь город, и в нем богиню просвещения и своим могуществом на троне посадишь. Оттуда будешь получать для себя правосудие и ему повиноваться обязан, ибо оное с дороги, тобою начертанной, совращаться не будет», – гласили «Правила соединенных славян». «Славяне» придумали для себя «тайные знаки», заменяющие некоторые слова, и потому «город» в «Правилах» был нарисован как «параллелограмм (без верхней стороны), внутри которого проведена черта, выше ее две точки и ниже три точки, а под ними одна точка, над параллелограммом проведена волнообразная линия (изображение башни или вообще здания)» [9, с.13].

Первые «славяне» были либералами и вольнодумцами, и наряду с мечтами о славянском объединении мечтали и о переменах в своем отечестве. «Не желай иметь раба, когда сам быть рабом быть не хочешь», – гласили правила общества [9, с.12]. Андрей Борисов, будучи «предан умеренной монархии», хотел, «умноживши значительно число членов, требовать открыто от императора законов», и только после этого приступить к организации «федерации». А его брат Петр, напротив того, «был ослеплен федеративным союзом славянских республик» и думал, что, «умноживши членов и распространив свои правила между всеми славянскими народами», легко можно будет провести реформы и в России [9, с.56].

При этом рядом с политическими у общества существовали и морально-нравственные цели: членство в обществе предполагало «простоту, трезвость и скромность», любовь к просвещению, «почитание» «наук, художеств и ремесел», веротерпимость и терпимость «к обычаям других народов», человеколюбие, отказ от социальных «предрассудков». От «славянина» требовалась также готовность с помощью оружия «защищать невинность» [9, с.12–13]. Вступая в общество, ее член должен был поклясться, в частности, в том, что он готов пройти «тысячи смертей, тысячи препятствий» и посвятить «последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян» [9, с.18].

Особых действий, кроме медленного пополнения собственного состава, до сентября 1825 г. общество не предпринимало, тем более что, по словам Петра Борисова, его организация не имела «никакого управления». «Славяне» понимали, что их усилия «укоренить свои мнения и распространить общество оставались без желаемого успеха. Многие из них убеждались даже, что время нимало не сближает их с целью», – вспоминал Иван Горбачевский, один из «славянских» лидеров. Но, по его же словам, «славяне», «все без исключения люди молодые, пылкие, доверчивые и решительные, не могли ограничиваться одними желаниями: деятельность сделалась потребностью их души» [9, с.29; 14, с.5, 34].

О «славянах» рассказал Бестужеву и Муравьеву-Апостолу капитан Пензенского пехотного полка Алексей Тютчев, бывший подпоручик-семеновец. Тютчев к Семеновской истории отношения не имел, в момент волнений он находился в отпуске в Брянске, рядом с тяжело больным отцом. Переведенный, как и все, в армию, он просился в отставку, но не получил ее. Отец пытался облегчить судьбу сына: «в проезд Государя императора через Брянск» просил генерала Ивана Дибича, тогда начальника штаба 1-й армии, о переводе его в другой полк, расквартированный ближе к дому, написал письмо Александру I, прося отпустить сына со службы. Но ни Дибич, обещавший помощь, ни император ничего для Тютчева не сделали. Бывший семеновец просил начальство отпустить его хотя бы проститься с отцом, который оказался «при смерти», – но и этого позволено не было [49, с.429–459, 437–438]⁵. «В отчаянье» Тютчев стал членом славянского общества.

В августе 1825 г., во время сбора войск 3-го пехотного корпуса (в который входили, в частности, Пензенский, Черниговский и Полтавский полки) под местечком Лещин недалеко от Житомира Тютчев встретился со своими бывшими однополчанами: Сергеем Муравьевым и Бестужевым-Рюминым. «Приехав к ним на квартиру, – показывал Тютчев, – спрашивал, не слышать ли нам милости государя или разрешения отставок или отпусков». На что получил ответ: «Нам надо самим отыскивать свободы, не хочешь ли ты вступить [в] тайные общества?»

Тютчев заявил Муравьеву и Бестужеву, что он уже состоит в тайном обществе – в Обществе соединенных славян. На вопрос же о цели этой тайной организации капитан ответил, что общество стремится к «достижению революции и уничтожению законов» [49, с.439]. Вскоре стало

⁵ А.И. Тютчев, судя по его следственному делу, плохо владел родным языком; в показаниях его множество орфографических ошибок. В статье эти показания цитируются в соответствии с современными нормами правописания.

понятно, что общество это многочисленно, в него входили, в основном, молодые обер-офицеры 8-й и 9-й артиллерийских бригад и нескольких пехотных полков 3-го корпуса; с некоторыми из них Тютчев познакомил Муравьева и Бестужева.

При первой встрече Тютчев рассказал, что у общества есть и свой устав. «Я просил Тютчева, – сообщал следствию Муравьев-Апостол, – стараться достать сей устав, что он действительно через несколько дней и исполнил». Из устава, «написанного на одном листе, никем не подписанного и, впрочем, довольно темного и неудовлетворительного» можно было узнать, что слова Тютчева не соответствовали реальности: на самом деле «общество имело целью соединить все племена славянские в один народ». «Какими же средствами общество хотело достичь своей цели, о том нельзя было узнать по сему уставу», – показывал Муравьев [33, с.280].

Выяснить же, каким образом «славяне» планировали добиться цели, взялся Бестужев-Рюмин, ему же предстояло заставить «славян» войти в Южное общество. «Сношения между нашим и славянским обществами, – показывал Муравьев-Апостол, – были препоручены Бестужеву, сам же я непосредственно с оными не сносился» [33, с.280].

30 августа в Лещине, во время церковного парада в честь тезоименитства императора Александра I, произошла еще одна знаменательная встреча. Бестужев-Рюмин лично познакомился со своим четвероюродным братом, 29-летним Михаилом Спиридовым. Спиридов за два месяца до этой встречи был произведен в майоры, за две недели до нее принял командование батальоном в Пензенском пехотном полку, а до того в чине капитана командовал ротой в Саратовском пехотном полку, где заслужил уважение нижних чинов.

Спиридов происходил из родовитой и известной в российской истории семьи. Его дед, адмирал Григорий Спиридов, прославился победами во многих морских битвах, самой громкой из которых была Чесменская битва 1770 г.: в ней адмирал командовал эскадрой. По материнской линии майор был внуком историка Михаила Щербатова, автора книги «О повреждении нравов в России», отец его, Матвей Спиридов, тоже был историком, автором работ по генеалогии.

Майор давно думал о переустройстве страны. Он не учился в учебных заведениях, но обстановка в его семье располагала к наукам. В юности ему, как и Бестужеву-Рюмину, нанимали домашних учителей, учивших его математике, русской словесности, истории и иностранным языкам. Гувернеры его тоже были иностранцами. К тому же Спиридов занимался

самообразованием: на следствии он особо подчеркивал, что «семя» «почерпнутого корня» либерализма и вольномыслия появилось в нем от «беспредастного чтения различных книг». Развитие же либеральных мыслей произошло вследствие житейских наблюдений [47, с.117].

Задолго до Лещинского лагеря Спиридов увлекся переводами и сочинительством: переводил, в частности, фрагменты трактата швейцарского философа Франсуа-Родольфа Вейсса «Правила философии, политики и нравственности». На следствии он сообщил и о «собственных сочинениях» под названиями «О воле и вольности человека», «Правила жизни собственно для себя», «Голос патриота» и т. п. [47, с.147–148]. Как и сам Бестужев-Рюмин, и другие молодые люди декабристского поколения, он жаждал деятельности на благо отечества, а вынужден был довольствоваться службой в провинциальном полку, не оставлявшей надежд на социальную реализацию.

Семьи Бестужевых-Рюминых и Спиридовых дружили: старший брат Бестужева Николай, учась в благородном пансионе при Московском университете, жил у Спиридовых, общался с отцом будущего декабриста и перенял от него «славянофильские» взгляды. Михаил Бестужев-Рюмин, безусловно зная о существовании кузена, не был с ним знаком; Спиридов воевал, а с 1816 г. служил вне столиц. В знакомстве с ним Бестужев не видел необходимости и после перевода на юг: за пять лет службы в Полтавском полку, при всем своем «многостранствовании», он так и не нашел времени познакомиться с родственником.

Теперь же, после того как в Пензенском полку обнаружались «соединенные славяне», это знакомство стало актуальным.

Мгновенно сблизившись со Спиридовым, Бестужев-Рюмин предложил ему «тут же» встретиться «с подполковником Муравьевым», но «по скорому окончанию литургии и молебна сие не успелось» [47, с.110]. На следующий день, 31 августа, Спиридов приехал в палатку к Муравьеву и Бестужеву вместе с Тютчевым.

Бестужева не оказалось дома, и гости разговорились с Муравьевым-Апостолом. Спиридов объяснял на следствии: разговор шел «о различных государственных предметах». В разговоре выяснилось, что многие мысли майора были сходны с мыслями подполковника. Спиридову не нравилось «злоупотребление законов», «угнетение крестьян» и «неумеренный взыск военных начальников» [47, с.110].

Выслушав речь майора о российских неурядицах, подполковник заметил: «Дела не так отдалены, как вы думаете» и предложил Спиридову «участвовать в сем приближении». На слова же Спиридова, что

он «более ничего, как армии майор», но готов принести «пользу отечеству», последовал ответ: «Завтра придет к вам Бестужев и все скажет» [47, с.111].

На следствии «славяне» без колебаний называли майора в числе участников своей организации [9, с.20; 15, с.186; 3, с.378]. Основываясь на их показаниях, следователи пытались выяснить у Спиридова, когда он вступил в Общество соединенных славян, кем это общество было основано, как управлялось, с кем имело связи. На эти вопросы Спиридов ответить не смог, поскольку, по его словам, «в сие общество» он «никогда не вступал». Он считал себя членом именно Южного общества, утверждая, что «был принят 1825 года в 1-х числах сентября месяца подполковником Муравьевым и подпоручиком Бестужевым» [47, с.124].

Спиридов был прав: Муравьев-Апостол принял его в Южное общество, после чего Бестужев «присоединил» родственника к «славянам» [33, с.280].

Можно согласиться с выводом М.В.Нечкиной: «По типу своему этот человек более подходил к Южному обществу, и, вероятно, Муравьев и Бестужев надеялись на то, что этот знатный по происхождению дворянин, родственник князьям Щербатовым, будет проводником их замыслов в скромной среде "соединенных славян"» [34, с.62]. Спиридов был авторитетным командиром: командуя ротой в Саратовском полку, он был любим и солдатами, и офицерами; несколько офицеров и Саратовского, и Пензенского полков состояли в славянском обществе. Командуя батальоном в Пензенском полку, Спиридов был любим и солдатами, и офицерами, а несколько офицеров-пензенцев, как и Тютчев, состояли в славянском обществе. Слово майора могло стать решающим при соединении обществ. Майор присутствовал на большинстве совещаний, посвященных слиянию «славян» с Южным обществом.

«Но, – продолжает Нечкина, – надежды их (Муравьева и Бестужева. – *О.К.*) не оправдались, и Спиридов стал вести себя самостоятельно, противореча руководителям Васильковской управы» [34, с.62]. «Славянофильская» обстановка в родительском доме научила майора размышлять, но не сделала из него радикального революционера. Конечно, он искренне не хотел мириться с несправедливостью, ненавидел крепостное право – и в этом сходился и со «славянами», и с васильковскими руководителями. Но в революции он участвовать не собирался, желал мирных изменений, хотел, чтобы «нашелся кто у нас в России из приближенных к государю, который бы, вникнув во все подробно», исправил бы ситуацию [47, с.110].

На следующий день после общения с Муравьевым Бестужев-Рюмин принес Спиридову «краткое начертание конституции под названием "Государственный Завет"». Текст этого документа был составлен Бестужевым под диктовку Пестеля. Согласно «Государственному Завету», после революции в России должна установиться республика, будет принята настоящая конституция и избран двухпалатный парламент, а главные законы будут обсуждаться на референдумах.

«Завет» не понравился Спиридову. Майор рассказывал на следствии: «Когда я все прочел и не заметил ничего о государе, то мой вопрос был: где же царь?» на что Бестужев-Рюмин «отвечал по-французски: "можно отделаться"». «Тогда, – показывал Спиридов, – я бросил сии листки и сказал, что такая конституция, которая вводится ножом, есть конституция варварская, тираническая и что я не хочу соучаствовать не токмо в смерти моего монарха, но и ни одного из соотечественников». Бестужев ушел, оставив, однако, родственнику «листки» [47, с.111]. Размышляя над оставленным документом, майор написал свои возражения: он желал бы в будущем видеть свою страну не республикой, а конституционной монархией, не соглашался с идеей отмены сословий, «восставал» против «безначалия, везде против междуусобия и против мнимого невозможного равенства» [47, с.111]. Сомнениями относительно добротности «конституции» он поделился с некоторыми своими товарищами, в том числе и с Тютчевым.

Таким образом, первоначальный план действовать на «соединенных славян» через Спиридова провалился. Задача Бестужева-Рюмина усложнилась. С одной стороны, необходимо было уговорить «славян» соединиться с Южным обществом. Однако мнения «славян», уже получивших первые сведения о Южном обществе, «разделились». Одни «чрезвычайно радовались сему случаю» и желали объединения, другие же – и среди них основатель общества подпоручик Петр Борисов – не доверяли Муравьеву и Бестужеву, желали, «чтобы Славянский союз удержал свои формы». А некоторые даже «вознегодовали на Тютчева» и «требовали его смерти как примерного наказания за нескромность» [14, с.8; Ср.: 9, с.33]. Несмотря на начавшиеся переговоры о слиянии, «славяне» в ходе лагеря активно принимали в свою организацию новых членов.

С другой же стороны, Бестужеву-Рюмину предстояло нейтрализовать возникшее неожиданно для васьковских лидеров влияние Спиридова, обладавшего немалым авторитетом в армейской среде и через того же Тютчева и других офицеров-пензенцев уже вошедшего в круг «славян».

Переговорная ситуация в этом случае оказалась другой, не похожей на ту, которая была в истории с поляками. Там молодость и эмоциональность играли против Бестужева, теперь же «славян» нужно было сделать союзниками именно с помощью эмоций. Большинство из них, как и он, были обер-офицерами, упустившими в силу возраста возможность принять участие в Отечественной войне. Однако многие «славяне» происходили из бедных семейств, они не служили в столице, не входили в петербургский свет и уступали Бестужеву в образованности. И если с поляками нужно было снижать статус переговоров, договариваться о серьезных вещах «в виде частного личного знакомства», то теперь сопредседателю Васильковской управы предстояло доказать «славянам» собственную официальную значимость.

Объединению обществ предшествовала череда эмоциональных собраний, точное число и состав участников которых установить сложно. Сложно выяснить и круг вопросов, обсуждаемых на каждом конкретном заседании. Показания и «славян», и самого Бестужева на эту тему крайне противоречивы, а позднейшие «Записки» «славянина» Ивана Горбачевского весьма логичны, концептуальны и содержательны, но далеко не всегда точны. Хронология событий поддается восстановлению лишь примерно, однако стоит отметить, что на переговоры ушло чуть больше двух недель: с Тютчевым Муравьев и Бестужев познакомились в последних числах августа, в середине сентября лагерь под Лещином завершился, а воинские части разошлись по своим постоянным квартирам.

Бестужев-Рюмин показывал, что лично он участвовал в трех совещаниях [6, с.85]; вероятно, на всех трех он и председательствовал. На этих совещаниях ему очень пригодились уроки профессора Мерзлякова, автора популярного учебника красноречия – «Краткой риторики, или Правил, относящихся ко всем родам сочинений прозаических». К 1820-м годам учебник этот выдержал несколько изданий. Ту форму общения, которую он демонстрировал «славянам», его учитель называл «политическим красноречием».

Такого рода «красноречие», согласно рассуждениям профессора, требовало от оратора «точного и подробного сведения о правах и выгодах своего отечества», «основательного познания обо всем, что служит к его пользе и вреду». Политический оратор должен знать «спасительные средства к общему благу», уметь демонстрировать «твердые дока-

зательства на все свои предложения», иметь «надежные планы», осуществив которые, можно принести отечеству пользу. Оратора должно отличать «мужество и решительность к преодолению всех препятствий и затруднений», он «должен быть свободен от своекорыстия, от всех страстей и от частных привязанностей» [26, с.109–110].

Общаясь с аудиторией, Бестужев не забывал и о других постулатах учения Мерзлякова. Профессор учил: истинный оратор должен сделать так, чтобы его «цель» сделалась «целью самих слушателей», а его «склонность и желание» стали бы «общими склонностями и желаниями». Слушатели должны не только одобрять «его советы, но с великою охотою» быть готовыми «действовать вместе с ним» [26, с.104].

Бестужев уже хорошо представлял себе, какие цели ставили перед собою «соединенные славяне», однако, показывая уважение присутствующим, он еще раз стал выяснять их желания и намерения. На первом совещании, состоявшемся в Лещине в квартире Петра Борисова и другого «славянина»-артиллериста, подпоручика Александра Пестова, Бестужев, «севши за стол, просил всех выслушать со вниманием и начал говорить». После «нескольких в подобном случае употребляемых фраз» он «стал расспрашивать» собравшихся «о их цели и планах». «Они отвечали, что цель их соединение всех славянских племен в одну республику, но что о планах еще совещаемо не было» [7, с.279, 268].

Сразу же ему пришлось воспользоваться еще одним советом учителя: в ходе дискуссии следовало «утолить» страсти – разумеется, те, которые «противны цели оратора» [26, с.105]. Собравшимся Бестужев «возразил, что цель их неудобноисполнительна, и что мы, русские, должны иметь единственно в предмете на твердых постановлениях основать свободу в отечественном крае, что сие может только совершиться вооруженной силой» [7, с.279; 11, с.218]. «Надобно больше думать о своих соотечественниках, чем об иноземцах», – объяснял он «славянам» [9, с.31].

«Бестужев говорил тут об угнетении солдат, об обидах, делаемых начальниками младшим офицерам, о несправедливости высших властей и проч. ...и потом о необходимости у нас в России перемены правления. Причем уверял, что это уже будет скоро, и что Россия будет иметь совершенную конституцию», – показывали участники совещания [7, с.279; 11, с.218].

«Славянам» было рассказано, что в Южном обществе «конституция уже давно сочинена»; вынув «лист писаной бумаги», Бестужев-Рюмин «скоро и отрывками» прочитал выдержки из Государственного Завета и «объявил, что целию конституции есть демократия» [7, с.279].

При этом он пресек попытки обсудить замечания Спиридова (не присутствовавшего на заседании) на «Государственный Завет», убеждая собравшихся, что рассматривать замечания «совершенно лишнее» – «из сего могут произойти ссоры и несогласия», а также «потеря времени» [7, с.279]. Он сообщил «славянам», что «конституция» была составлена в 1816 г. и «очень хорошо обдумана, которую князь Трубецкой возил за границу для одобрения к известнейшим публицистам» – «великим умам» эпохи [7, с.279].

«Совершенно готовая» конституция, по словам Бестужева-Рюмина, будет введена «без всякого шума, для того, что к этому уже все совершенно готово». Когда же присутствовавшие усомнились в возможности мирной перемены правления, он ответил: «Это пустой страх, это уже очень давно все обдумано, одним словом, это только неизвестно здесь, впрочем, вся армия уже готова, в Москве же около 300 чиновников находятся определенными на своих местах и по первому знаку все примет свой вид. Насчет же кровопролития я вам боюсь, что тут не будет ни одной капли» [11, с.218].

Заканчивая этот первый разговор, Бестужев заявил «славянам», что если они «хотят променять цель невозможную на истинно для России полезную, то они должны присоединиться к нашему обществу» [6, с.116].

Сведения об итогах встречи разнятся: Бестужев утверждал, что все присутствовавшие «с восхищением согласились» на соединение обществ. Но, согласно мемуарам Ивана Горбачевского, оратор не рассказал о своем обществе ничего конкретного, его ответы были «неудовлетворительны», они «поколебали большую часть "славян"»: сомнение вкралось в сердца многих, требовали доказательств, делали возражения» [14, с.9]. А прапорщик Владимир Бечаснов утверждал: «Заметил Бестужев, между прочим, что его не слушают: курят трубки, смеются, занимаются посторонними разговорами – а потому и просил быть другой раз внимательнее» «и с тем уехал» [6, с.116; 7, с.279, 268].

В любом случае сопредседатель Васильковской управы сумел заронить в «славянах» интерес к собственной персоне, в общих фразах рассказал о Южном обществе, о его революционных планах, заронив в души молодых армейских офицеров сомнение в достижимости их высокого идеала. Удалось ему и пресечь ненужные дискуссии о «Государственном Завете». Но достичь главной цели – подчинить «славян» Васильковской управе ему не удалось. Предубеждение слушателей «против оратора»,

согласно Мерзлякову, могло «сделать недействительными самые величайшие усилия блистательного красноречия» [26, с.106].

Вскоре «славяне» собрались вновь уже без Бестужева. Обсуждая возможность соединения с «южанами», они избрали майора Спиридова «посредником» между двумя организациями [9, с.35; 7, с.300]. Майор сразу стал вести себя как руководитель: предложил, чтобы «присоединение членов» было возможно только с его разрешения, чтобы членам общества не было позволено «выходить в отставки», потребовал «быть осторожным в разговорах, хранить тайну и т. п.» [47, с.129].

Вновь появившись среди «славян» в селении Млинищах, на квартире артиллерийского подпоручика Якова Андреевича, Бестужев-Рюмин, вероятно, сделал вывод из не вполне удачного первого заседания.

Он явно хотел быть конкретнее: объявил, что является «посредником между Державною Думою», управлявшей Южным обществом, «и 3 корпусом» [47, с.128]. «Взяв лист белой бумаги», он «начертил на нем круг, внутри коего написал "Державная Дума", от сего круга провел радиусы, на конечностях которых поставил маленькие кружки и сказал, что средний круг, или Центр, составляет Державную Думу, что линии, от оного проведенные, суть посредники, а кружки суть округа, которые с Державною Думою имеют сношения не прямо от себя, но чрез посредников, что между собою округа не имеют никакого сношения; члены округов не вправе сами сношаться с посредником, но должны чрез начальников округов» [47, с.129]. Горбачевский рассказал в «Записках», что Бестужев даже «назвал имена» нескольких десятков членов общества [14, с.10] – однако на следствии никто из «славян» не вспомнил об этом.

Рассказ его прервал непокорный Спиридов, облеченный теперь властью посредника. Спиридов пытался узнать, «кто составляет Державную Думу и где она» [47, с.128]. В таких случаях Мерзляков советовал «со всею быстротою, со всею ловкостью предупредить, останавливать или ослаблять всякое нечаянное нападение» [26, с.105–106]. Бестужев противопоставил оппонента аудитории. Он сам, а за ним другие присутствующие говорили: «Зачем таковое любопытство, должно поставлять себе щастием быть в таковом общепольном важном деле». Майор показывал, что в ходе «негодования» против него кто-то – ему показалось, что это был Бечаснов – произнес: «Кто тут и не приста[н]ет и донесет, тому 10 пуль в лоб». «Я на сие отвечал: "Достаточно одной, было бы за что"» [47, с.128].

Но это, конечно, был не Бечаснов. Слова про «10 пуль в лоб» для предателя сказал Бестужев-Рюмин и потом эти слова он повторял ре-

гулярно. На следствии он сам признался: «Я говорил всем членам, что кто донесет правительству об обществе, тому полетят несколько пуль в лоб». Подпоручик не сам придумал эту фразу. «Мне самому то объявил Пестель, первый раз как меня видел», – показывал он [6, с. 119].

Кроме того, Бестужев поведал, что цель общества, которое он представляет, «есть сделать республиканское правление чрез военную революцию» [22, с.363]. Присутствующие поинтересовались, что значит «военная революция». Бестужев-Рюмин ответил: «Военная революция – значит начать возмущение от войска, когда войска будут приготовлены» к тому, чтобы «свергнуть монархическое правление».

Спиридов снова не смолчал: «Должно правилом поставить избежать одной капли пролития человеческой крови» – «и многие голоса подтвердили то же». «Тут Бестужев уверял, что это легко можно сделать, что ежели войска будут готовы, то некому будет противустоять, жители, верно, не будут, не могут. Тогда Спиридов говорит: "Могут быть противники", но Бестужев: "Тогда необходимость заставит пролить кровь". Спиридов говорит: "Это главное, чтобы избежать сей необходимости". Бестужев: "Тогда цель общества не совершится, и оно должно погибнуть", прибавя: "Спиридов много имеет самолюбия, это похоже было на раздор". После чего оба замолчали» [22, с.363–364].

Майор заставил кузена признать, что кровопролитие в ходе революции вполне может случиться. Вероятно, устав спорить с ним, Бестужев впервые поднял вопрос о царубийстве – заявив, что «введение нового порядка вещей требует уничтожения монарха», объясняя, что это необходимо «для ввода конституции». Присутствующие колебались: с одной стороны, им не хотелось проливать кровь, с другой же – им объяснили, что иным путем справедливого общественного устройства не достигнуть. Заколебался даже Спиридов, сказав: «Если сие так и нужно для блага отечества, никто и я не откажуся, однако ж решиться на сие не иначе лъзя, как в крайнейших обстоятельствах» [15, с.209; 47, с.153. Ср.: 6, с.117].

Со «славянами» оратор поступил так же, как в свое время Пестель поступил с ним самим: им был предоставлен выбор между предательством и тяжелым обвинением в пособничестве царубийству. «Очень хорошо», согласно полученному аттестату, знавший «законы уголовные», Бестужев-Рюмин наверняка понимал, что он делает.

Тут же было назначено третье собрание: формально для окончательного решения вопроса о соединении обществ. Действительной же причиной было нежелание видеть имевшего «много самолюбия» майора

посредником: Бестужев хотел «каким-нибудь образом Спиридова отдалить от сего поста».

Потом, частным образом, Бестужев-Рюмин поведал об истинных причинах созыва третьего собрания «некоторым членам» славянского общества; его поступок они на следствии называли «интригой... насчет отдаления майора Спиридова». Впрочем, сам майор об этой «интриге» так и не узнал [7, с.300].

К третьей встрече со «славянами» сопредседатель Васильковской управы подготовился основательно. Согласно профессору Мерзлякову, систему аргументов оратор должен дополнять воздействием на человеческие эмоции, помня, что «убеждение рассудка» служит лишь средством достижения другой цели – «сильнейшего воспламенения страстей». «Самое важное дело оратора, желающего обладать сердцами своих слушателей, есть возбуждение страстей. Они оживляют все наши мысли и воображение», только так, «воспламеняя страсти», можно «действовать на волю», – утверждал Мерзляков [26, с.97, 104].

Собственно, это и сделал Бестужев, произнеся знаменитую «речь», которую он написал заранее, выучил наизусть и несколько месяцев спустя по памяти воспроизвел на следствии: «Век славы военной кончился с Наполеоном. Теперь настало время освобождения народов от угнетающего их рабства, и неужели русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно отечественной, русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении Отечества, счастливое преобразование коего зависит от любви нашей к свободе? Взгляните на народ, как он угнетен. Торговля упала, промышленности почти нет, бедность до того доходит, что нечем платить не только подати, но даже недоимки. Войско все ропщет.

При сих обстоятельствах нетрудно было нашему обществу распространиться и прийти в состояние грозное и могущественное. Почти все люди с просвещением или к оному принадлежат, или цель его одобряют. Многие из тех, коих правительство считает вернейшими оплотами самовластия – сего источника всех зол – уже давно ревностно нам содействуют. Самая осторожность ныне заставляет вступить в общество, ибо все люди благородно мыслящие ненавистны правительству, они подозреваемы и находятся в беспрестанной опасности. Общество

по своей многочисленности и могуществу – вернейшее для них убежище. Скоро оно воспримет свои действия – освободит Россию и, быть может, целую Европу.

Порывы всех народов удерживает русская армия. Коль скоро она провозгласит свободу – все народы восторжествуют. Великое дело свершится, и нас провозгласят героями века» [6, с.117].

В ходе последовавшего затем общего разговора Бестужев-Рюмин снова рассказывал об огромных силах Южного общества, о том, что общество «так велико, что может противустать правительству, и потому сделано предположение, чтобы начать действовать будущего 1826 года, где соберется корпус на смотр государю, что к нам присоединятся многие полки 2-й армии, что гвардия совершенно приготовлена и дело начнется тем, что государю поднесут подписать конституцию. Если же он не согласится на сие, то лишит его жизни».

«Тут, – свидетельствовали «славяне», – поднялся общий шум, что правилом положено не проливать невинной крови, и, лишив жизни императора, можем произвесть ропот в солдатах». Спиридов говорил: «Что нам за надобность, кто бы ни был государем, лишь бы вводим был законом». Бестужев парировал весомым аргументом: если император останется в живых, «он может солдатам сказать слово, и вы же все сгниете в цепях» [22, с.364].

Чтобы этого не произошло, «славянам» следовало не только признать необходимость царевубийства, но и действовать на солдат, «вселяя в них любовь к отечеству», «открывать» им, «сколь важен пост солдата», «показывая и объясняя им несправедливость нынешнего правительства» и «выставляя на вид пользу от перемены правления» [3, с.386].

В итоге молодые армейские заговорщики, несмотря на свои возражения и нежелание проливать кровь, не устояли перед обаянием оратора, а Спиридов был посрамлен. «Посторонним разговорам» и курению трубок на этом собрании места не было: настал черед действовать «на волю».

«Теперь остается нам только поклясться и исполнять все постановления свято», – заявил Бестужев. Он «снял [с] себя образ», «поцеловал сам и положил на стол». Нашлись противники клятвы, закричавшие: «зачем целовать образ», «мы и без того будем исполнять». Но Бестужев «отвечал, что того требует порядок» [22, с.364].

«В сем собрании по требованию его (Бестужева-Рюмина. – *О.К.*) мы поклялись не щадить своей жизни для достижения предпринятой цели, при первом знаке поднять оружие для введения конституции, нам уже

известной. Сию клятву подтвердили, целуя образ, который Бестужев снял с своей шеи», – показывал Петр Борисов [9, с.35].

Клятву на образе запомнили все присутствовавшие. Впоследствии Иван Горбачевский красочно описал этот момент в воспоминаниях:

«Бестужев-Рюмин, сняв образ, висевший на его груди, поцеловал оный пламенно, призывая на помощь провидение; с величайшим чувством произнес клятву умереть за свободу и передал оный славянам, близ него стоявшим. Невозможно изобразить сей торжественной, трогательной и вместе странной сцены. Воспламененное воображение, поток бурных и неукротимых страстей производили беспрестанные восклицания. Чистосердечные, торжественные страшные клятвы смешивались с криками: "Да здравствует конституция! Да здравствует республика! Да здравствует народ! Да погибнет различие сословий! Да погибнет дворянство вместе с царским саном!".

Образ переходил из рук в руки: славяне с жаром целовали его, обнимали друг друга с горящими на глазах слезами, радовались как дети, одним словом, это собрание походило на сборище людей иступленных, которые почитали смерть верховным благом, искали и требовали оной» [14, с.27–28].

Горбачевский вспоминал, что Бестужев-Рюмин и сам не ожидал столь бурной реакции, был поражен «порывом энтузиазма» «славян», не понимал, как на это следует реагировать. И тут же совершил классическую ошибку, о которой специально предупреждал начинающего политического оратора профессор Мерзляков. По правилам, описанным профессором, оратор «должен быть свободен от своекорыстия».

Согласно «Запискам» Горбачевского, Бестужев «сказал со слезами на глазах:

– Вы напрасно думаете, что славная смерть есть единственная цель вашей жизни; отечество всегда признательно: оно щедро награждает верных своих сынов; наградою вашего самоотвержения будет не смерть, а почести и достоинства; вы еще молоды и вас ожидает не мученический конец, но венец славы и счастья».

По свидетельству одного из участников совещания, реплика Бестужева была более прозаичной. Он, «указывая на свои эполеты, говорил, что не будем в таких, а в генеральских» и обещал, что «те, которые состояли в обществе», будут «награждены великими наградами».

«Сии слова... – продолжал Горбачевский, – в одно мгновение переменили сцену: шумные восклицания умолкли, негодование заступило место успокоению.

- Говоря о наградах, – вскрикнули многие, – вы обижаете нас!
- Не для наград, не для приобретения почестей хотим освободить Россию, – говорили другие.
- Сражаться до последней капли крови: вот наша награда! – закричали с неистовством некоторые.

Бестужев-Рюмин смешался, видя, что неуместно выразился насчет наград».

Однако он нашел слова, успокоившие собеседников, «справедливое негодование» прошло, и «славяне» «снова предались излианию своих чувств» [14, с.28; 24, с.277]. Спиридов поклялся на образе вместе со всеми.

В конце собрания, уже безо всякого труда, Бестужев изменил придуманную «славянами» без него структуру подчинения Южному обществу. Было предложено назначить не одного «посредника» – Спиридова, а двух: одного от пехоты, а другого – от артиллерии. Одним из таких «посредников» все же остался непокорный майор, другим же был избран артиллерийский подпоручик Иван Горбачевский.

«По сему случаю Общество соединенных славян нашлось уже разделенным, ибо пехотные офицеры отделились от артиллерийских», – констатировал Спиридов [47, с.129]. Пехотные офицеры потеряли право общаться с артиллеристами, которых среди «славян» было подавляющее большинство.

В финале «объединения» Бестужев с помощью Сергея Муравьева-Апостола устроил общее собрание «славян» и Васильковской управы. «Славяне» «застали у Муравьева и Бестужева блестящее общество видных военных, перед которыми им пришлось бы стоять навтыжку на каком-нибудь параде или при случайном разговоре», отмечает М.В. Нечкина [34, с.71]. Присутствие на собрании полковых командиров (Артамона Муравьева, Тизенгаузена, Ивана Повало-Швейковского) и нескольких штаб-офицеров должно было произвести, и, конечно, произвело на «славян» должное впечатление.

Однако на этом трагическая «объединительная» история не закончилась; клятва на образе оказалась не единственной. «Бестужев, – утверждает Нечкина, – еще не довел до конца своего замысла: ему нужно было набрать группу лиц, готовых на цареубийство, по терминологии Южного общества, – "заговорщиков"» [34, с.80].

Еще в ходе киевского «съезда» 1823 г. Пестель предложил идею разделения будущего действия на «заговор» и «собственно революцию». «Заговор», подразумевавший цареубийство, должен был быть приведен в исполнение «шайкой отважных людей, вне общества состоящих» [39, с.137]. Бестужев-Рюмин, включив «славян» в Васильковскую управу, решил завербовать среди них такого рода «заговорщиков». Соединившись с Южным обществом, «славяне» уже не могли «состоять вне общества», но «шайкой отважных людей» вполне могли стать.

В самом конце лагерных сборов, когда воинские части собирались уже уходить из Лещина, Бестужев-Рюмин пригласил к себе в палатку «якобы для получения последних наставлений» [34, с.80] Спиридова и Горбачевского; при разговоре присутствовали подполковник Муравьев-Апостол и один из «славян», подпоручик 9-й артиллерийской бригады Александр Пестов. Разговор сначала был общим: обсуждали, в частности, вопрос о соотношении революции и религии. При этом «подполковник Муравьев вынимал из ларчика выписку из Библии и читал тексты из "Книги Сираха"», смысл которых клонился «к опровержению существования царей», – показывал Спиридов [47, с.127].

Но от общего разговора речь быстро перешла на конкретику. Взяв список «славян» у Горбачевского и Спиридова, Бестужев спросил: «буде необходимость окажется для свершения переворота наложить руку на государя», кто конкретно из «славян» может иметь «достаточно духу» покуситься на императора [6, с.85; 47, с.113]. Спиридов утверждал: «Горбачевский назначил себя» и еще двоих, Бестужев «отметил Тютчева и сказал, что он за него ручается». Пестов «долго не соглашался, однако же Бестужев отметил и его». В число цареубийц были включены и основатели общества братья Борисовы.

Спиридов на допросе утверждал, что «совершенно отказывался» от помещения себя в список. Но и он не устоял перед Бестужевым. Судя по показаниям майора, родственник пенял ему, что он «не имеет духа» войти в число «заговорщиков». Спиридов отвечал: «Я его имею, как вы». «Итак, вы будете с нами, только сие предприятие требует твердой решимости», – сказал, по словам Спиридова, его родственник и поставил над фамилией майора «знак» [47, с.154]⁶. Бестужев заставил присутствовавших снова поклясться на образе, на этот раз в готовности убить царя, и Спиридов, как и двое «славян», сделал это [47, с.54].

⁶ Впрочем, на следствии Бестужев-Рюмин утверждал, что Спиридов сам отметил свою фамилию в списке [6, с.115].

Список Бестужев потом сжег, но с непокорным майором все было решено: он при свидетелях согласился стать цареубийцей и больше не был опасен Васильковской управе. «При прощанье» Спиридов сказал кузену: «Я замечаю, [что] вы на меня в неудовольствии». На что последовал ответ: «Это правда, но теперь все кончено» [47, с.155]. Тяжело отступая перед риторической техникой «демона пропаганды», майор, тем не менее, не стал разрывать отношения с ним, становясь, таким образом, все более преступным в глазах власти. Нетрудно предположить, что, несмотря на все политические и личные разногласия, именно Бестужев-Рюмин был для Спиридова тем человеком, который открыл ему возможность реализовать себя, принести реальную пользу отечеству. В случае же разрыва отношений майора ждал прежний удел – удел простого исполнителя чужих приказов. Подпоручик Полтавского полка открыл ему возможность новой жизни – так же, как самому Бестужеву эту возможность открыли Сергей Муравьев-Апостол и Пестель.

На следующее утро стать цареубийцей лично поклялся Петр Борисов, специально для этого пришедший к Бестужеву-Рюмину. Борисов показывал: «Когда я вошел к нему, то он встретил меня следующими словами: "А! Борисов! Я и думал, что вы будете". Потом спросил: "Слышали ли вы? Сказывал ли вам Горбачевский?" – "Слышал и знаю все", – был мой ответ. "Решаетесь ли вы на это?" – "Я назначен и не отказываюсь". – "Помните, это тайна для других членов". – "Знаю". – "Клянитесь". Я клялся и поцеловал образ, висевший у него на шее» [9, с.36, 47].

Пестелю же Бестужев-Рюмин сообщил, что «некоторые славяне выжились быть заговорщиками» [6, с.138].

Заключение

В ходе совещаний Бестужев-Рюмин откровенно мистифицировал «соединенных славян»: в 1816 г. в обществе еще не было никакой «конституции», да и через девять лет далеко не все заговорщики были едины в своих конституционных устремлениях. Лидер Северного общества князь Сергей Трубецкой «конституцию» за границу не возил, соответственно, и никакого одобрения у «известнейших публицистов» она получить не могла.

«Дабы присоединить их («славян». – *О.К.*) к нашему обществу, нужно было им представить, что у нас все обдуманно и готово. Ежели бы я им сказал, что конституция написана одним из членов, то «славяне», никогда об уме Пестеля не слыхавшие, усумнились бы в доброту его со-

чинения. Назвал же я «славянам» Трубецкого, а не другого, потому что из членов он один возвратился из чужих краев; что, живши в Киеве, куда «славяне» могли прислать депутата, Трубецкой мог бы подтвердить говоренное мною», – показывал Бестужев-Рюмин на следствии. Согласно Бестужеву, Трубецкой, «быв человеком зрелых лет и полковничье-го чина», мог внушить «славянам» «более почтения и доверенности», нежели он сам, молодой армейский подпоручик [6, с.78].

Сопредседатель Васильковской управы откровенно лгал, когда рассказывал о «многочисленности и могуществе» Южного общества, о таинственной и грозной «Державной Думе», о трехстах чиновниках, готовых поддержать революцию, и т. п. Он не был искренен, призывая слушателей «больше думать о своих соотечественниках, чем об иноземцах», поскольку незадолго до того объяснял членам Польского патриотического общества, что «в просвещенный век» интересы «всех народов одни и те же».

Более того, к «славянам» Бестужев относился с большой долей иронии. На следствии, опровергая одно из их показаний, он скажет: «Я даже не припишу этого их раздражению против меня, но только малому навыку мыслить и некультурности» [6, с.140]. И добавит в другом показании: «Я из "славян" пятой доли не знал, ибо видел их толпою, и то только три раза», «как "славяне" были многочисленны и незначащи, то, разделяя их на управы, я не давал себе труда узнавать поименно членов, предполагая в случае нужды снести с начальниками управ» [6, с.85. Ср.: 6, с.82]. Следует признать справедливым и вывод Нечкиной: Бестужев смотрел на членов Общества соединенных славян «как на орудие революции, пушечное мясо» – и в ходе «объединительных» совещаний «ловко провел "славян"» [34, с.68, 86].

Однако, по мнению профессора Мерзлякова, оратор, чтобы иметь успех у слушателей, «должен быть живо проникнут теми же самыми чувствами, которые хочет возбудить в других; он должен быть уверен в той истине, в которой хочет уверять своих слушателей» [26, с.106]. Житейски мудрый и опытный Савва Мартынов писал Бестужеву, что «красноречие производит эффект только тогда, когда оно основано на истине, – без этого оно просто ребячество, игра словами, которая нам наскучает, не будучи в состоянии нас убедить» [28, с.216].

Бестужев-Рюмин был эффективным оратором. Блефуя на переговорах в частностях, он был искренен в главном: верил в возможность осуществления – с помощью и поляков, и «соединенных славян» – своей мечты о построении нового, справедливого мира. Подпоручик не хотел ми-

риться с унылым и несправедливым настоящим, с крепостным правом, с унижением народа, с тупой армейской шагистикой, с тем, что «все люди, благородно мыслящие, ненавистны правительству», «подозреваемы и находятся в беспрестанной опасности». Безусловно, он мечтал видеть свою страну не страной бесправных подданных русского царя, а свободной демократической державой, в которой были бы представительное правление, конституция, расцвет торговли и промышленности.

Он верил, что «русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеонова», сумеют свергнуть собственное самодержавное «ярмо», а тайное общество, в котором он сам состоял, способно в самом скором времени «освободить Россию и, может, целую Европу».

Вместе с ним эту веру разделял его старший друг – Сергей Муравьев-Апостол. Не участвуя напрямую в совещаниях со «славянами», он был полностью в курсе происходившего, принимал их у себя, подолгу разговаривал с ними, подтверждал то, что они слышали из уст Бестужева-Рюмина. Рассуждая о прекрасном будущем страны, и «славяне», и Бестужев-Рюмин, и Сергей Муравьев-Апостол, и Пестель «входили... в такое восхищение и, сказать можно, восторг», что были готовы «не только согласиться, но и предложить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению» нового «порядка вещей» [39, с.91].

Главная же правда заключалась в том, что, поклявшись на образе «умереть за свободу», «демон пропаганды» клятву исполнил. Во имя торжества своих идей пошел до конца и погиб на виселице.

Большинству же «славян» действительно предстояло долго «гнить в цепях». Верховный уголовный суд приговорил к вечной каторге майора Михаила Спиридова, подпоручика Ивана Горбачевского, обоих братьев Борисовых и еще нескольких наиболее активных «славян», 20 лет каторжных работ получил капитан Алексей Тютчев.

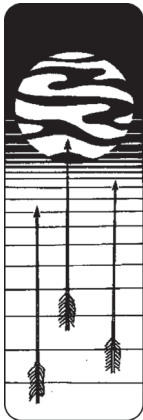
Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.279 (Якушкины). Оп.1. Д.82.
2. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф.418 (Московский университет). Оп.115. Ед.х.147. Л.1, 4.
3. Андреевич Я.М. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т.5. С.346–408.

4. Басаргин Н.В. Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 544 с.
5. Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. М.: Рос. фонд культуры; Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2012. 760 с.
6. Бестужев-Рюмин М.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950. Т.9. С.26–176.
7. Бечаснов В.А. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т.5. С.262–315.
8. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003. 656 с.
9. Борисов П.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т.5. С.6–75.
10. «Ваш покорный сын». Письма Сергея Муравьева-Апостола к отцу. 1821–1823. М.: РГГУ, 2022. 273 с.
11. Веденяпин Ап.В. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1975. Т.13. С.211–246.
12. Волконский С.Г. Записки. Иркутск: Вост.-Сиб. книжное изд-во, 1991. 512 с.
13. Волконский С.Г. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. Т.10. С.95–180.
14. Горбачевский И.И. Записки, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 354 с.
15. Горбачевский И.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т.5. С.181–259.
16. Капнист А.В. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т.20. С.237–258.
17. Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М.: ГПИБ, 2008. Т.1. С.328–473.
18. Киянская О.И. «В царстве слепых одноглазые – короли»: Этические представления декабриста Сергея Муравьева-Апостола // Философические письма. 2022. №1. С.117–134.
19. Киянская О.И. Декабрист М.П.Бестужев-Рюмин // Отечественная история. 2001. №6. С.3–23.
20. Киянская О.И. Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. 768 с.
21. Корнилович А.О. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1969. Т.12. С.319–342.
22. Лисовский Н.Ф. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1975. Т.13. С.357–378.
23. Лунин М.С. Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. 496 с.

24. Мазган П.Д. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1975. Т.13. С.267–285.
25. Медведская Л.А. Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество // Очерки из истории движения декабристов. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. С.276–319.
26. Мерзляков А.Ф. Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. Изд. 4-е. М.: Тип. Моск. ун-та, 1826. 113 с.
27. Михайловский-Данилевский А.И. Вступление на престол императора Николая I // Русская старина. 1890. №11. С.489–523.
28. Модзалевский Б.Л. Страница из жизни декабриста М.П.Бестужева-Рюмина // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т.3. С.202–227.
29. Муравьев Н.М. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т.1. С.288–331.
30. Муравьев-Апостол М.И. (?) Примечания к очерку Ф.Ф.Вадковского «Белая Церковь» // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М.: ГПИИБ, 2008. Т.1. С.227–228.
31. Муравьев-Апостол М.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т.9. С.177–284.
32. Муравьев-Апостол С.И. Письмо к С.М.Мартынову // Декабристы. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1938. С.224–227.
33. Муравьев-Апостол С.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т.4. С.227–412.
34. Нечкина М.В. Общество соединенных славян. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 245 с.
35. Оксман Ю.Г. Восстание Черниговского полка // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. Т.6. С.IX–LXVII.
36. Ольшанский П.Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1959. 226 с.
37. Орлов М.Ф. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т.20. С.145–188.
38. Пестель П.И. «Русская Правда» и сочинения, ей предшествующие. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. 692 с.
39. Пестель П.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т.4. С.1–226.
40. Письма С.И. и М.И.Муравьевых-Апостолов к А.Д. и А.И.Хрущевым // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т.1. С.108–139.
41. Поджо А.В. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. Т.11. С.31–88.
42. Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 226 с.

43. Рассказы о декабристах, записанные неизвестным лицом // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2004. Т. XIII. С. 165–172.
44. Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 480 с.
45. Роспись государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда осуждаемым к разным казням и наказаниям // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 224–236.
46. Рохленко Д. Кавалергарда век недолог // Литературная Газета. 2000. № 50–51 (20–26 декабря). С. 5.
47. Спиридов М.М. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 102–180.
48. Тизенгаузен В.К. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. Т. 11. С. 238–412.
49. Тютчев А.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 427–459.
50. Юшневский А.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. Т. 10. С. 37–94.
51. Якушкин Е.И. Замечания на «Записки» (“Mon Journal”) А.М.Муравьева // Мемуары декабристов. Северное общество. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 141–145.
52. Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. СПб.: Наука, 2007. 740 с.
53. Lee R. The last days of Alexander, and the first days of Nicholas (emperors of Russia). London: Printed by Richard Bentley, 1854. 210 p.

Андрей Юрганов

ДОСТОЕВСКИЙ И «ОТВЕРЖЕННЫЕ»:

ОПЫТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
929

В статье рассматривается ситуация межкультурного взаимодействия, которое определяется через потребность мирового развития собраться в единое человечество не путем соединения в одной культурной традиции, а в признании единства разных традиций, которые, как оказывается, необходимы друг другу по принципу дополнения. Именно так «собираются» два великих писателя, Виктор Гюго с его романом «Отверженные» и великий русский писатель Ф.М.Достоевский, которому понравился роман, выразивший национальный дух Франции, но затронувший Достоевского темой «восстановления» человеческого достоинства, – не только в сугубо правовой (формальной) плоскости, но и через осознание того, что всякому формальному праву всегда требуется и справедливость нравственного порядка.

*The article deals with the situation of intercultural interaction, which is defined through the need of world development to gather into a single humanity not by joining in one cultural tradition, but in recognition of the unity of different traditions, which, as it turns out, need each other on the principle of complementarity. This is how two great writers, Victor Hugo with his novel *Les Misérables* and the great Russian writer F.M. Dostoyevsky, who liked the novel that expressed the national spirit of France, but touched Dostoyevsky with the theme of the "restoration" of human dignity – not only in the strictly legal (formal) plane, but also through the realization that any formal law always needs also justice of moral order.*

Ключевые слова: Виктор Гюго; роман «Отверженные»; роман «Идиот»; Ф.М.Достоевский.

Key words: Victor Hugo; novel *Les Misérables*; novel *The Idiot*; F.M.Dostoyevsky.

E-mail: iurganov@yandex.ru

Сегодня мир переживает драму *собираения человечества* во всечеловеческое – и этому процессу можно и нужно найти смысловой аналог: литературный, прежде всего...

Федору Михайловичу Достоевскому, яркому славянофилу, нравился роман Виктора Гюго «Отверженные», хотя роман был отражением прежде всего национального духа Франции. Выразителем его стал не кто-нибудь, а Жавер, тот самый, кто несправедливо преследовал Жана Вальжана. Почему так? Потому что в основе самосознания Жавера – законничество, самый традиционный элемент не только государства французского, но и французской революции тоже! И хотя Гюго не объясняет это сам, но история революций во Франции хорошо известна помимо Гюго: революционное выступление 1832 г., описанное в романе, связано было с тем, что возникло общественное мнение (в среде республиканцев) о нарушении Луи-Филиппом Конституции 1830 года...

Достоевский не был склонен раздавать комплименты другим писателям. И уж тем более, не стал бы хвалить роман за то, что он хорошо выражает собой «французский дух». Великий писатель не стал бы хвалить роман Гюго за ярко выраженную революционность, потому что он не был сторонником баррикад и к атеизму французскому – основе всех революций во Франции – относился очень враждебно.

Что же тогда?

Достоевский писал о романе:

«Его мысль есть основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия, и этой мысли Виктор Гюго как художник был чуть ли не первым провозвестником. Это мысль христианская и высоконравственная, формула ее – **восстановление погибшего человека**, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков. Эта мысль – оправдание униженных и всеми отринутых парий общества. Конечно, аллегория немислима в таком художественном произведении, как например “Notre-Dame de Paris”. Но кому не придет в голову, что Квазимодо есть олицетворение пригнетенного и презираемого средневекового народа французского, глухого и обезображенного, одаренного только страшной физической силой, но в котором просыпается наконец любовь и жажда справедливости, а вместе с ними и сознание своей правды и еще непочатых, бесконечных сил своих. Виктор Гюго чуть ли не главный провозвестник этой идеи “восстановления” в литературе нашего века. По крайней мере, он первый заявил эту идею с такой художественной силой в искусстве. Виктор Гюго бесспорно сильнейший талант, явившийся в девятнадцатом столетии во Франции» [2, с.61].

Обратимся к роману Достоевского «Идиот», опубликованному через шесть лет после романа Гюго, в 1868 году. В романе содержится важное обстоятельство – князь Мышкин противопоставляет Россию и Запад, и говорит так, что во всей его речи слышится именно Достоевский. Это противопоставление может открыть нам окно в мир той симпатии, которую испытывал Достоевский к роману «Отверженные».

Князь Мышкин предлагает основу для сравнения в самом начале романа: страшный эпизод, когда человеку вот-вот отрежут голову на французской гильотине... Против чего протестует Достоевский? Против «законничества»! Убийство за убийство: это закон, это приговор, сухой остаток, ничего личного. Так казнили короля Людовика XVI – по приговору суда. Разве это было сделано без закона? Нет! Никакого варварства. Что же беспокоило Достоевского? Князя Мышкина?

Проблема «четверти секунды»!

Если Гюго утверждал в романе, что общество и государство, держа людей в нищете – именно по этой причине – не имеют права судить людей, то Достоевский шел гораздо дальше – он говорил о преступном законе, который лишает жизни человека, пусть даже совершившего тяжкое преступление. Эту концепцию князь Мышкин проговаривает дважды в романе.

«– Знаете ли что? – горячо подхватил князь, – вот вы это заметили, и это все точно так же замечают, как вы, и машина для того выдумана, гильотина. А мне тогда же пришла в голову одна мысль: а что, если это даже и хуже? Вам это смешно, вам это дико кажется, а при некотором воображении даже и такая мысль в голову вскочит. Подумайте: если, например, пытка; при этом страдания и раны, мука телесная, и, стало быть, все это от душевного страдания отвлекает, так что одними только ранами и мучаешься, вплоть пока умрешь. А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот, что вот знаешь наверно, что вот через час, потом через десять минут, потом через полминуты, потом теперь, вот сейчас – душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что наверно. Вот как голову кладешь под самый нож и слышишь, как он склизнет над головой, вот эти-то четверть секунды всего и страшнее. Знаете ли, что это не моя фантазия, а что так многие говорили? Я до того этому верю, что прямо вам скажу мое мнение. Убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем самое преступление. **Убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойничье.** Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу или как-нибудь, непременно еще надеется, что спасется, до самого последнего мгновения. Примеры бывали, что уж горло перерезано, а он еще надеется, или бежит, или просит. А тут, всю

эту последнюю надежду, с которой умирать в десять раз легче, отнимают наверно; тут приговор, и в том, что наверно не избежнешь, вся ужасная-то мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете. Приведите и поставьте солдата против самой пушки на сражении и стреляйте в него, он еще все будет надеяться, но прочтите этому самому солдату приговор наверно, и он с ума сойдет или заплачет. Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия? Зачем такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: "Ступай, тебя прощают". Вот эдакой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя...» [3, с.22–23].

Такая постановка вопроса не может не удивлять: разбойник-убийца менее ужасен, чем карающая гильотина французского государства, не оставляющая никакой надежды, ибо это формальное основание приговора. В формальном законе нет правды – а значит, нет ничего человеческого.

Сравним эту в высшей степени необычную мысль Достоевского с тем, как Гюго «строил» образ Жавера, пережившего большое разочарование в том, что человеческое в людях оказалось неожиданно выше формального закона... Жавер не вынес всей правды о законе, ибо поклонялся ему, как верующий язычник поклоняется избранному фетишу.

Гюго так описал минуты жизни Жавера перед тем, как он покончил с собой:

«Его удивляло, что Жан Вальжан оказал ему милость, и ужасало, что он, Жавер, в свою очередь помиловал Жана Вальжана.

Что с ним такое стало? Он искал прежнего самого себя и не находил.

Что теперь делать? Выдать Жана Вальжана нельзя, оставить Жана Вальжана на свободе тоже неправильно. В первом случае человек, облеченный доверием правительства, опускался еще ниже преступника, во втором – каторжник поднимался выше закона и попирает его ногой. В обоих случаях позор ложился неизгладимым пятном на Жавера. Какой ни сделать выбор, это все равно падение. Жизнь определяет границы, перешагнуть за которые невозможно, за этими крайними точками уже нет жизни: там бездна. Жавер как раз и стоял на одной из этих точек.

Больше всего его угнетало то, что он вынужден был думать. К этому побуждала его даже сама сила этих противоречивых ощущений. Он не привык думать, и это состояние было для него в высшей степени болезненным.

В процессе мышления всегда есть известная доля внутреннего сопротивления, и ему было досадно сознавать это.

Он всегда считал бесполезным и унижительным думать о чем бы то ни было, не входящем в узкую сферу его обязанностей, но думать, вспоминая истекший день, было для него и вовсе мучением. А между тем после таких потрясений все-таки надо было заглянуть в свою совесть и дать отчет самому себе о самом себе.

При одном воспоминании о том, что он сделал, его кидало в дрожь. Он, Жавер, признал справедливым вопреки всем полицейским правилам, вопреки закону отпустить Жана Вальжана на волю, он нашел, что так будет для него самого лучше, он поставил свои личные интересы выше долга: как назвать такой проступок? Каждый раз, как он вспоминал о содеянном, которому он не мог подыскать даже подходящего названия, он весь вздрагивал. Как ему теперь быть? Оставалось только одно средство: вернуться как можно скорее на улицу Омм Армэ и снова арестовать Жана Вальжана. Очевидно, так именно и следовало поступить, но он не мог. Что-то его удерживало. Что же это такое? Что именно? Неужели на свете существует что-нибудь другое, кроме суда, приведения в исполнение приговоров, полиции и власти? Жавер был сбит с толку.

Каторжник, личность которого является священной! Каторжник, который избежит кары правосудия! И все это благодаря Жаверу! Разве не ужасно, что Жавер, созданный для того, чтобы карать, и Жан Вальжан, созданный для того, чтобы терпеть кару, разве не ужасно, чтобы оба этих человека, всецело подчиненные закону, дошли до того, что оба стали выше закона? Что же это такое, наконец! Совершаются такие чудовищные вещи, и никто не будет наказан! Жан Вальжан, более сильный, чем весь социальный строй, остается на свободе, а он, Жавер, будет продолжать есть хлеб правительства!

Эти мысли постепенно сводили его с ума.

Такое направление мыслей могло бы дать ему повод упрекнуть себя до известной степени и в том, что он сам отвез бунтовщика на улицу Филь-дю-Кальвер, но он об этом даже и не вспоминал. Мелкая провинность затмевается более крупной. Кроме того, бунтовщик был все равно что мертвый, а с точки зрения закона со смертью прекращается всякое преследование.

Воспоминание же о Жане Вальжане подавляло его мозг.

Жан Вальжан вконец сбил его с толку. Все, что он в течение своей жизни считал непреложной истиной, что служило для него опорой, все это теперь было развеяно в прах этим человеком. Великодушие Жана Вальжана по отношению к нему, Жаверу, подавляло его. Ему припомнились другие факты, но которые он в то время считал глупостью

и заблуждением и которые теперь предстали перед ним в другом, истинном свете. Из-за Жана Вальжана выступил Мадлен, обе эти фигуры сливались одна с другой и получалась личность, заслуживающая полного уважения. Жавер чувствовал, что в его душу проникло что-то непостижимое – преклонение перед каторжником. Уважение к каторжнику, мыслимо ли это? Он весь трепетал при одной только мысли об этом и в то же время не мог от нее отделаться. Он тщетно боролся с самим собой, потому что в глубине своей души не мог не признать величия этого отверженного. И это было нестерпимо.

Преступник в роли благодетеля, каторжник оказывается человеком сострадательным, кротким, услужливым, милосердным, человеком, который платит за зло добром, прощает обиды вместо того, чтобы ненавидеть, относится с сожалением вместо того, чтобы мстить, предпочитает лучше погибнуть самому, чем дать погибнуть своему врагу, спасает того, кто его терзал, и, коленопреклоненный, стоит на вершине добродетели, более близкий к ангелу, чем к человеку! И Жавер должен был сознаться, что такой человек существует.

Так больше продолжаться не могло.

Само собой разумеется, и мы настаиваем на этом, он не без внутренней борьбы сдался этому отверженному, этому оскверненному ангелу, этому безобразному герою, который в одинаковой степени и возбуждал в нем гнев, и изумлял его. Пока он сидел в карете лицом к лицу с Жаном Вальжаном, закон, точно хищный тигр, двадцать раз принимался рычать у него в душе. Двадцать раз хотел он броситься на Жана Вальжана, схватить его и сожрать, то есть арестовать. Что может быть проще этого на самом деле? Стоило только крикнуть, когда они проезжали мимо любого полицейского поста: "Вот осужденный преступник, укрывающийся от руки правосудия!" Позвать жандармов и сказать им: "Этот человек принадлежит вам!" потом уйти, покинуть осужденного, забыть о всем остальном и ни во что более не вмешиваться. Этот человек осужден на то, чтобы всю свою жизнь быть пленником закона, закон имеет право поступать с ним так, как ему угодно. Что может быть справедливее этого? Жавер говорил себе все это, он искренне хотел поступить именно таким образом, арестовать сидевшего рядом с ним человека, но как тогда, так и теперь, не мог, и каждый раз, как его рука конвульсивно тянулась вверх, чтобы схватить за шиворот Жана Вальжана, какая-то страшная сила заставляла ее опускаться, и он чувствовал, как в глубине души какой-то странный голос кричал ему: "Ты хорошо придумал. Предай своего спасителя, а потом, как Пилат, прикажи принести воды и умой свои когти".

Затем его мысли обратились к нему самому, и тогда рядом с Жаном Вальжаном, ставшим великим, он видел низко упавшего Жавера.

Каторжник был его благодетелем!

Но как это могло случиться, что он позволил этому человеку даровать ему жизнь? Он имел право быть убитым на баррикаде. Он должен был воспользоваться этим правом. Позвать к себе на помощь против Жана Вальжана других революционеров и вынудить их расстрелять себя – это было бы гораздо лучше.

Но больше всего его мучило исчезновение уверенности в себе. Он чувствовал себя как бы вырванным с корнем. От свода законов ничего не осталось. В душе его возникали вопросы совести, доселе ему неизвестные. Он чувствовал пробуждающуюся в нем чувствительность, резко отличающуюся от требований закона, которыми до сих пор он только и руководствовался. Его не удовлетворяли уже прежние понятия о честности. Перед ним неожиданно предстал целый ряд новых фактов, которые завладели им. Душе его открылся новый необычайный мир: благодеяние оказанное и возвращенное, самопожертвование, милосердие, снисходительность, насилие, совершенное жалостью над строгостью, беспристрастие, отрицание полного осуждения, снятие клейма порока, возможность появления слез в глазу закона, какое-то новое для него правосудие божеское, идущее вразрез с правосудием человеческим. Он видел во мраке восхождение неизвестного ему странного нравственного солнца; оно и ужасало и ослепляло его, точно сову, которую принуждали смотреть на солнце, как смотрит на него орел.

Он говорил себе, что это так и должно быть, что бывают исключения, что власти могли ошибиться, что закон мог быть неправильно применен в данном конкретном случае, что все не может быть включено в свод законов, что возможны и такие неожиданности, с которыми нельзя не считаться, что добродетель каторжника могла поймать в сети добродетель чиновника, что этот необычайный человек и в самом деле мог быть таким необычайным, что судьба иногда ставит такие западни, и он с отчаянием думал, что ему уже не удастся уберечь себя, чтобы снова как-нибудь не попасться в такую же ловушку... Он был вынужден признать, что добро существует. Этот каторжник был добр. И он сам – удивительная вещь! тоже только что совершил доброе дело...» [1, с.647–651].

Мир сегодня пытается объединиться в единое человечество. Вопрос – на каких основаниях? Смысл «всечеловеческого», а это понятие, которое заново обосновано российским философом А.В.Смирновым [5], я вижу в противопоставлении двух основных логических процедур, не имею-

щих контекстуальных оснований, но действующих, как таблица умножения: либо люди *соединяются* – это одна логика, либо они *собираются* – это другая логика. Разница велика и даже абсолютна: *соединяются* в организацию (партийную или иную), *собираются* в человечестве (будучи изначально разными).

Вечный вопрос о России и Европе, о притяжении и отталкивании, по-прежнему в центре внимания.

Роман Виктора Гюго задел Федора Достоевского не только изображением униженных и оскорбленных, но прежде всего – «русской» постановкой вопроса о «правде» (или о «восстановлении человека»), которая может быть выше «закона»... Французская национальная культура создала культ «законничества», против которого и был написан роман Гюго, социальный роман-протест против несправедливости. Дух Франции, французских революций XIX столетия, выражает не Жан Вальжан, а отрицательный персонаж романа – Жавер, ибо ни одна революция после Великой Французской, не проходила без апелляции к закону, который выше любого монарха.

Гюго показал впервые, что «законничеству» (особенно после принятия Кодекса Наполеона) не хватает социальной правды жизни. Достоевский хвалил роман за стремление к «правде», поскольку в русской традиции не было никогда духа формального «законничества».

Если взглянуть на русскую средневековую историю, то можно увидеть в ней господство обычного права и только корректирующее значение всяких «правд», судебных, которые лишь уточняли и дополняли не оговариваемое в письменном виде обычное право. Русский мыслитель Федор Карпов выразил это состояние отсутствующего в правовой традиции формального «законничества» такими словами:

*«Милость без правды малодушество есть,
а правда без милости мучительство,
и обе они разрушают царство
и всякое общежитие.
Но милость, правдой поддерживаемая,
а правда, милостью укрощаемая,
сохраняют царю царство на многие дни»* [4, с. 514].

Ну чем Федор Карпов не Достоевский XVI века? Русская традиция – это традиция саморегулирующихся понятий, а не завершенных юридических формул, как во Франции, где синтез варварских правд и римского права породил уникальную историческую традицию.

«Русская цивилизация» – по словам князя Мышкина – это все то, что против принципа законного насилия на Западе! И тут – Достоевский и Гюго в некотором смысле совпадают.

Роман «Отверженные» – роман отчасти исторический, ретроспективный, т.к. закончен был в 1862 г., а события, в нем описанные, охватывают в основном период 20–30-х гг. Роман написан человеком, пережившим гораздо более кровавую революцию 1848 года, лишившимся дома, написавшим массу манифестов с призывами прекратить кровопролитие, во многом поспособствовавшем избранию Луи Наполеона президентом Второй республики. Он ненавидел Луи Бонапарта, уехал из Франции надолго, но во время революции ходил по баррикадам и уговаривал прекратить кровопролитие. Вот поэтому он изобразил «жертвенную революцию» 1832 г., а не кровавую 1848-го года.

Гюго был против государства богатых, но он был и против насилия со стороны бедных. Он был, как настоящей француз – за закон, но против насилия! Образ Жана Вальжана, не ставшего революционером, чуждого всякого осмысленного бунтарства, но также чуждого и духу Жавера, духу французского законничества, свидетельствует о своеобразном юродстве главного героя, который утверждает *то, чего нет* как в реальности бунтующей Франции, так и в реальности Жаверовской Франции – духа примиряющей любви друг к другу. Жан Вальжан не соединяется ни с кем, ни с революцией, ни с государством, он пытается собрать людей в примирении между собой!

Правда человека, человеческого достоинства – выше буквы закона: эта область затронута была Гюго (в социальном аспекте), и не могла не понравиться великому русскому писателю (в метафизическом аспекте).

Самая глубокая связь двух писателей – в той области, где Вальжан защищает Козетту. Защищает фанатично – не просто преданно, а отдавая всего себя, жертвуя собой полностью и без остатка! Как-то по-юродски! С безумством...

Тема ребенка, детства была очень близка автору романа «Идиот», ибо юродство князя Мышкина покоилось на утверждении Достоевского (в самом романе), что настоящее единение людей достигается детским сознанием. Князя называют не только юродивым, но и «совершенным ребенком»! Он как ребенок обнаруживает невиданную силу в простоте общения, и эта ясность сознания обезоруживает опытейших интриганов, потому что князь не стыдится того, чего стыдится взрослый, он смеется залиvisto как ребенок, когда другие смеются над ним.

Миру взрослых, где не может жить князь, противопоставлен через его образ мир детей, в котором царствует простота и искренность. Если во французском романе – социальная защита ребенка *предельная грань* отношений с детством, то для русского сознания, которое концептуально выразил Достоевский – детское сознание и есть райское состояние человечества, объединяющее человечество – но и недостижимое, как утраченный рай.

Бесхитростность и простота Вальжана в социальном мире и бесхитростность и простота князя Мышкина в мире взрослых – явления рядоположенные.

Итак, вне-«законническая» эстетика Достоевского, воспроизводящая славянофильский дух писателя, утверждала область истинно человеческого в том, что было Правдой метафизической – что выше Закона земного; Гюго образом Вальжана тоже утверждал, но в границах мира социального, не метафизического, право человека *на неподсудность*, если под судом оказывается социальная справедливость. Вот эта область неподсудно Человеческого, а не «законнического», и является парадоксальным рецептом собирания людей в человечестве.

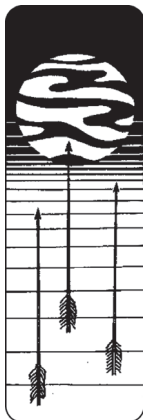
Скоро Достоевский поймет, что Правда человеческая может оказаться не только правдой детства, как у князя Мышкина, но и социальной правдой бесов (1871), и тогда отрешенный от правды Закон покажет свою утраченную силу – в восстановлении всечеловеческой правды. Гюго не откажется от романтизма, но сильно разочаруется в способности революции принести людям социальное счастье.

Притяжение и отталкивание России и Западной Европы – в том, что как одним, так и другим не хватало и не хватает дополнения – либо правды к закону, либо закона – к правде. Объединение людей в новое человечество немислимо без признания *разных моделей* культурно-исторического опыта как опыта не единственного (в логике соединения), а всегда дополняющего (в логике собирания).

Библиографический список

1. Гюго В. Отверженные. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019.
2. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Л.: «Наука», 1993.
3. Достоевский Ф.М. Идиот. М.: Издательство АСТ, 2017.
4. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С.514.
5. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. С.214.

Кирилл Соловьев

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ ВРЕМЕН КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК

93/94

Статья посвящена интеллектуальному поиску русских консерваторов конца 1870 – начала 1880-х гг. Речь идет об осмыслении характера политического кризиса конца царствования Александра II, а также перспектив выхода из него. В сущности, имеется в виду складывавшаяся система представлений, которая легла в основу государственной политики времен Александра III. В историографии продолжают споры, можно ли интерпретировать проведенные в те годы преобразования как контрреформы. Автор оспаривает эту точку зрения. Если иметь в виду целеполагание авторов той поры, их настроения, то было бы точнее говорить об идеологии контрреволюции, которую разделяли и многие представители бюрократических сфер.

The article is devoted to the intellectual search of Russian conservatives in the late 1870s – early 1880s. It is about the understanding the nature of the political crisis at the end of the reign of Alexander II, as well as the prospects for overcoming it. In essence, this refers to the folding system of ideas that formed the intellectual basis of the government policy of the times of Alexander III. Disputes continue in historiography whether the transformations carried out in those years can be interpreted as counter-reforms. The author disputes this point of view. If we keep in mind the goal-setting of the authors of that time, their mood, then it would be more accurate to talk about the ideology of counter-revolution, which was shared by many representatives of bureaucratic spheres.

Ключевые слова: Александр III; реформы; правительство; идеология; консерватизм.

Key words: Alexander III; reforms; government; ideology; conservatism.

E-mail: kirillsol22@yandex.ru

Современник событий конца 1870 – начала 1880-х гг. констатировал разлад и неурядицы, которые мог объяснять по-своему. Одни полагали, что цикл правительственных преобразований не был завершен. Другие упрекали правительство в чрезмерном радикализме. Оно-де не чувствовало собственной страны, собственного народа. И те, и другие не были довольны сложившимся положением и предрекали острую фазу кризиса [22, с.359–364].

Ожидания революции, страх перед ней (в независимости от того, насколько он был оправдан) в значительной мере определили повестку следующего десятилетия. События 1 марта 1881 г. стали несомненной вехой в истории общественной мысли. Тогда она развернулась решительно вправо. Дипломат И.Я.Коростовец записал, «что теперь все, даже молодые, чувствуют, что со смертью государя [Александра II] они переступили какую-то грань, что теперь всякого ожидает что-то неведомое, новое...» [2, с.63]. Публицист консервативного направления К.Ф.Головин подчеркивал в своих воспоминаниях, как удивительно быстро поправело русское общество в начале 1880-х гг.: «Странно было слышать, как чурались всякой мысли о представительстве люди, прежде громко мечтавшие о близкой конституции» [6, с.52]. 29 апреля 1881 г. князь В.М.Голицын, в скором будущем московский губернатор, а в далеком – видный представитель либеральной общественности, записал в дневнике: «Обнаругован манифест, где главная тема есть сохранение самодержавной власти. Это разрушает все конституционные грезы, так сильно смущавшие наши умы в это последнее время, внеся призраки Земских соборов...»¹ Консервативный поворот определил общую тональность газет и журналов, любых публичных высказываний и даже частных бесед. По словам Б.Н.Чичерина, «восстановление власти, перед которой все должно преклониться, – таков был клич, раздавшийся из-за журнального стола, и правительство последовало этому зову... Утверждение власти, способной подавить обнаружившиеся в таких ужасающих размерах революционные стремления, было бесспорно потребностью времени после события 1 марта» [32, с.34].

¹Однако, по мнению Голицына, не все было сказано в Манифесте: «Следовало сказать что-нибудь о дворянстве, на которое теперь сыплются отовсюду обвинения, следовало опровергнуть слухи о передаче земли [крестьянам]». И все же Голицын не ставил под сомнение значение данного акта, к которому на тот момент относился сугубо положительно: «Разрешен спор об отставке Лориса, Милютина и Абазы вследствие Манифеста, круто повернувшего нас на путь самодержавия. Теперь положен предел всем толкам о представительстве и об уступках обществу (как будто у нас есть общество в политическом смысле)» [5, л.5об.–6]. Поразительно, как эволюционировали политические взгляды князя В.М.Голицына к началу XX столетия [30, с.114 – 176].

В самодержавной России любая партийность оставалась неприемлемой. Не могло быть и речи о консолидации сторонников тех или иных (пускай даже консервативных) взглядов. Следовательно, общественная мысль была предельно дисперсной. Речь могла идти о точках зрения, концепциях отдельных авторов, не искавших общей платформы со своими оппонентами. Отчасти это объясняет вариативность и разнообразие консервативной и либеральной мысли конца XIX в. Было бы сильным упрощением свести, например, консерватизм того времени к совокупности нескольких характеристик. Он был слишком разный. Его составляли мистики и рационалисты, сторонники абсолютной монархии и те, кто противопоставлял ей исконное русское самодержавие, славянофилы и их оппоненты.

В ряду прочих консервативных течений славянофильскую традицию было бы справедливым поставить на первое место – правда, отнюдь не потому, что она была доминировавшей. Конечно, И. С. Аксаков и публицисты его круга (А. А. Киреев, К. Н. Пасхалов, С. Ф. Шарапов и др.) пользовались несомненным влиянием, их тексты получили широкое хождение в интеллектуальных и даже в правительственных кругах [23, с. 37–39]. Однако они встречали серьезное противодействие со стороны оппонентов, в том числе консервативных убеждений. Славянофильство у многих вызывало раздражение: и у К. П. Победоносцева, и у К. Н. Леонтьева² и у др.

Сила славянофильства была в другом – отнюдь не в многочисленности адептов этого учения. Оно влияло на интеллектуалов *разных* убеждений и настроений *исподволь*. Оно выстроило собственную версию истории России и ее политического настоящего, подразумевавшую уникальность государственного уклада страны. Согласно их пониманию, инструментарий правового анализа, выработанный в Западной Европе, был совершенно непригоден для России. Она практически не знала социальных конфликтов. Следствием того становилась особая организация власти [3, с. 291–292]. Если в Западной Европе она была результатом борьбы всех со всеми, то в России – консолидации общественных сил. С точки зрения славянофилов, это объясняло характер подлинного самодержавия, которое даже не напоминало абсолютную монархию. Власть в России строилась не на насилии имущих, а на социальном мире, более или менее обеспечивавшем нуждавшихся. Соответственно, и западно-

² Так, К. Н. Леонтьев полагал славянофильство в любом случае «более или менее либеральным» и антисловным, что, конечно, не вызывало у него одобрения [11, с. 362; 29, с. 167; 14, с. 465–466].

европейское право лишалось всякого смысла при описании российских реалий. Законы во Франции или Германии – это латентная форма насилия. Принципы общественной жизни в России были совсем другими [3, с. 293].

При всем полярном отношении к славянофильству ему удалось выработать формулы, прочно вошедшие в общественное сознание. В сущности, братьями Аксаковыми и их последователями был выработан «метаязык» разговора о политической жизни России, весьма удобный в условиях господствующего консерватизма. Это был язык, устраивавший представителей самых разных взглядов – и охранителей, и сторонников институциональных реформ. Иными словами, славянофильство становилось своего рода интеллектуальной «площадкой» для «благонамеренного» диалога о будущем российской государственности. В том числе, по этой причине славянофильские понятия и концепции получили широкое хождение и становились «кирпичиками» для построения различных теорий, например, катковского направления [24, с. 227–228; 10, с. 18]. Такой язык позволял одновременно декларировать свою лояльность консервативной традиции и в то же самое время критиковать сложившееся положение вещей, отнюдь не ограничиваясь частными замечаниями. Идеальной политической системой провозглашалось самодержавие. При этом, согласно такой точке зрения, государственный строй России XIX в. принципам самодержавия скорее не соответствовал [3, с. 300–301]³. Путь к новой России должен был быть проложен Земским Собором, учреждение которого одновременно обозначало и дань прошлому, и заметное обновление государственной жизни [1, с. 241–266].

Значение славянофильства еще и в том, что консерваторы конца XIX в. выстраивали собственные теории, отчетливо противопоставляя себя как раз аксаковскому течению, при этом многое у него заимствуя. Они переняли мысль об уникальности политических и правовых институтов России, о недопустимости их прямого сопоставления с западно-европейскими аналогами. Тем не менее мыслители этого направления по духу, по приоритетам и, следовательно, по выводам сильно расходились со славянофилами. Во-первых, они были несомненными этактистами. Славянофилы же противопоставляли царской власти земское начало, равнозначное государству [3, с. 294–295; 25, с. 300]. Консерваторы

³Л.А.Тихомиров определял самодержавие «как монархию истинную, составляющую верховенство народной веры и духа в лице монарха». Его он противопоставлял «монархии деспотической» и монархии абсолютной, «в которой монарх по существу имеет только все власти управления, но не имеет верховной власти, остающейся у народа, хотя без употребления, но в полной потенциальной силе своей» [26, с.100].

последней четверти XIX в. такой проблемы не видели. Свои труды они посвящали государству, его самоценности и значению в русской истории. Во-вторых, они были пессимистами. Они предчувствовали скорый конец той общности, певцами которой были. Они застали государственность на краю бездны. Надо было напрячь все усилия правительства и общества, чтобы удержать Россию от рокового шага. Причем в ряде случаев признавалось, что он в действительности неминуем. Это значит, что его нельзя было избежать, а только отсрочить.

Осознание этого придавало особый драматизм интеллектуальным конструкциям русского консерватизма. Его адепты предлагали стратегию действий правительства «последних времен», что ставило администрацию в чрезвычайные обстоятельства и предоставляло ей особые полномочия. В этих условиях власть не должна была стесняться собственной диктатуры. Она должна была не плыть по течению, а формировать собственную повестку.

Конец XIX в. – видимо, «золотой век» русского консерватизма. Много ярких имен оставили след в публицистике того времени: Н.П.Гиляров-Платонов, Ю.Н.Говоруха-Отрок, К.Ф.Головин, А.А.Киреев, Н.А.Любимов, В.П.Мещерский, Д.И.Пихно, Д.Ф.Самарин, С.Н.Сыромятников, А.С.Суворин, Л.А.Тихомиров, М.Г.Черняев, С.Ф.Шарапов и многие другие [21; с.112–114, 117–118, 123–126, 237–239, 278–280, 296–299, 356–359, 499–500, 502–506, 515–521, 545–546, 569–571, 572–577]. И все же в консервативной мысли того времени особое значение имели три автора, во многом расходившихся, но все же скорее дополнявших друг друга: К.П.Победоносцев, М.Н.Катков, К.Н.Леонтьев.

В течение четверти века, с 1880 по 1905 гг., обер-прокурором Св.Синода был Константин Петрович Победоносцев (1827–1907). Он преподавал правоведение и Александру III, и Николаю II. Отчасти это объясняет влияние Победоносцева и на одного монарха, и на другого в начале их правления. Вместе с тем не стоит преувеличивать возможности обер-прокурора Синода. С середины 1880-х гг. он явственно ощущал, что не пользуется прежним влиянием на государя. В феврале 1886 г. начальник Главного управления по делам печати Е.М.Феоктистов писал: «Он [Победоносцев] еще более съежился, замкнулся в свою скорлупу и доводит это даже до непонятной крайности... Он ни единого раза не был ни в Государственном совете, ни в Комитете министров» [28; л.47 об.]. В сановных кругах у него была репутация вечно колебавшегося, во всем сомневавшегося человека. Как писал в дневнике А.А.Киреев, «Победоносцев – человек без воли, делающий не то, что говорит и да-

Победоносцев К.П.

же, что желает сделать» [9, л. 14об.]. Управляющий канцелярией МВД А.Д.Пазухин полагал, что Победоносцев находился под влиянием более сильных личностей, способных подавить его волю (например, министра юстиции Н.А.Манасеина) [16, л. 102]. Однако Победоносцев был одним из немногих людей в ближайшем окружении императора, кто имел вполне определенные идеологические взгляды.

Победоносцев констатировал слабую укорененность государственности в России. Культурный слой оставался в стране очень тонким. Социальные силы, готовые поддержать существовавший правопорядок, – малочисленными. При этом силы стихии, анархии могли в любой момент обрести разрушительную мощь [20, с.365]. Этому по мере своих сил способствовала интеллигенция, настаивавшая на необходимости политической реформы – конституции. Она была в плену ложного идеала [18, с.285–287; 19, с.103–114]. Ориентируясь на западноевропейские реалии, российская общественность имела в виду внешние формы, а не сущность политических процессов во Франции, Англии, Германии и т.д. Интеллигенция, видимо, невольно подталкивала Россию к катастрофе. Победо-

носцев был убежден в неизбежности революции. Перед правительством стояла почти неразрешимая задача оттянуть ожидавшийся конец исторической драмы [28, с.219].

Современники часто указывали, что К.П.Победоносцев точно подмечал слабые места в интеллектуальных построениях своих оппонентов. При этом у него не получалось предложить собственную программу [4, с.331]. Для обер-прокурора Св.Синода было важнее сохранить государственную власть, которая обеспечивала социальный и правовой порядок. «Всякое управление имеет, прежде всего, своей целью обеспечение мира в стране» [8, с.338].

В сущности, это было основанием консервативной идеологии конца XIX в. Консерваторы «этой волны» не боялись всеислия государственной власти. Более того, порой они даже высоко ставили бюрократию, что казалось странным даже в чиновничьей среде. По мнению современного исследователя А.Э.Котова, чрезвычайно влиятельный издатель газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник» Михаил Никифорович Катков (1818–1887) был сторонником как раз «бюрократического национализма» [10, с.12]. При всей условности данного определения оно многое объясняет в построениях Каткова. Он верил не в народ, а во власть, творившую историю и творившую тот самый народ. Власть в интерпретации Каткова не абстрактна, а теснейшим образом связана с исторической традицией, а главное – с политическими институтами современной ему России. По словам К.Н.Леонтьева, «Катков не щадил ни студентов, ни народ, ни земство, ни общество и предпочитал (основательно) официальную, казенную Россию... Катков понимал, что одним "чиновником" дышать и развиваться нельзя нигде, но что же делать с неофициальной Россией, когда она слабее, глупее, бесчестнее и несогласнее, пьянее, ленивее и бесплоднее "казенной"» [11, с.383].

Примечательно и другое: в отличие от многих консерваторов Катков не боялся термина «нация», что лишний раз подчеркивает своеобразие его политических построений [15, с.31–35; 25. с.298]. Он использовал термин, семантически связанный с событиями Французской революции конца XVIII в. Говоря о нации, издатель «Московских ведомостей» вполне сознательно подчеркивал ее субъектность в современном политическом процессе. Однако носителем идеи национальности в его интерпретации было не общество, не массы народные, а как раз несимпатичная многим бюрократия [7, с.393–395, 410–412].

В годы царствования Александра III М.Н.Катков пользовался немалым влиянием. Газета «Московские ведомости» ежедневно ложилась

M. N. Katkov

М. КАТКОВЪ.

Катков М.Н.

на стол императора. Сам Катков регулярно переписывался с К. П. Победоносцевым, министром государственных имуществ М. Н. Островским, министром внутренних дел Д. А. Толстым, министром народного просвещения И. Д. Деляновым, государственным контролером Т. И. Филипповым, Е. М. Феоктистовым и др. Они полагали его «почти правительственной силой» [10, с. 11]. Высшие сановники империи советовались с ним, сообщали о всех встречах, совещаниях, имевших место в чиновничьей среде; более того, просили у него советы, даже получали указания. Незадолго до смерти Каткова видный публицист славянофильского

направления, генерал А. А. Киреев в ужасе писал: «Смерть Каткова будет для нас такое же несчастье, как для Германии смерть Бисмарка, почти такое же. Государь останется совершенно один против разных Зиновьевых, Шуваловых, Черевиных и т. п.» [9, л. 5].

Победоносцев и Катков непосредственно и порой существенно влияли на принятие правительственных решений. Однако, пожалуй, ярчайшим представителем консервативной мысли второй половины XIX в. был другой публицист, никак не участвовавший в процессе законотворчества. Это был Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891). Его политическая философия несла в себе черты личности автора и была глубоко трагичной. Выстраивая логику развития общества, он констатировал неизбежность его гибели. Это касалось и России, которая достигла этапа «цветущей сложности», за которым должен был последовать период «вторичного упрощения», то есть гниения и смерти. Этот процесс нельзя было развернуть назад или вовсе избежать его. Можно было только задержать приход неизбежного. Для этого власти следовало прибегнуть к чрезвычайным

Леонтьев К.Н.

средствам. В сущности, речь шла об установлении диктатуры. Так можно было временно «подморозить» Россию [29, с. 44]⁴. Впрочем, Леонтьев, видимо, не слишком верил в лечение, им самим прописанное. Он предсказывал повсеместное утверждение в Европе буржуазной республики. По мысли Леонтьева такая перспектива грозила и России: «Если будущая Россия готова уступить Западу и отречься от Церкви Восточной (не для папства, а для нигилизма) и от династии своей для режима хамов штатских, то... черт ее возьми, черт ее возьми... Такую подлую и проклятую дурацкую Россию и жалеть нечего» [11, с. 365].

Леонтьев, будучи весьма радикальным мыслителем, не смущался таких выводов. Во многом это определялось его личным ценностным выбором. Он этике предпочитал эстетику, морали – прекрасное, правилам – героев.

⁴Эта фраза у Леонтьева звучала так: «Нельзя же действовать теперь противу привилегий, которых нет; а надо, напротив того, действовать в наше время противу равенства и либерализма... То есть надо подморозить хоть немного Россию, чтобы она не "гнила"...» [13, с. 72–73].

«Юлий Цезарь был гораздо безнравственнее Акакия Акакиевича, и даже Скобелев был несравненно развратнее многих современных нам "честных тружеников", и если у вспомнившего эти факты есть эстетическое чувство, то что же ему делать, коли невозможно отвергнуть, что в Цезаре и Скобелеве в тысячу раз больше поэзии, чем в Акакии Акакиевиче...» [11, с.389]. Красота подразумевала сложность, а не простоту, а значит неравенство. Сохранение неравенства предполагало власть, не склонную к излишней сентиментальности – в сущности, власть тираническую. По словам Леонтьева, «...государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно. Вообще сурово, иногда и до свирепости... Церковь должна быть независимее нынешней. Иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее. Церковь должна смягчать государственность, а не наоборот... Быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада, единстве...» [11, с.385–386].

Слова Леонтьева в 1880-е гг. звучали настолько громко, что их можно было считать программными для своего времени. В историографии давно идет спор о характере преобразований царствования Александра III [17, с.19–20; 31, с.184–187]. Для одних это были контрреформы, направленные на свертывание предыдущего курса, для других – политика стабилизации, столь необходимая после бурных изменений. Аргументы приводят обе стороны. И вроде бы есть все основания согласиться с теми, кто не считает возможным проведение контрреформ как таковых. Нельзя обратить время вспять. Никто в правительственных кругах и не рассчитывал возродить крепостное право или, например, вернуться к прежнему, дореформенному суду. Самые смелые сторонники «нового курса» пытались скорректировать сделанное предшественниками.

Проблема в том, что о контрреформах в России писали не только либеральные историки, но и несомненные консерваторы. При этом оценки тех и других, конечно, существенно расходились. Консерваторы подобным изменениям только радовались. Среди них был как раз К.Н.Леонтьев. Так, он полагал, что министр Д.А.Толстой вел дело к возрождению дворянских привилегий. По мнению Леонтьева, этого было мало. Русское крестьянство остро нуждалось во втором издании крепостного права. С точки зрения консервативного публициста, благодаря правительственным решениям, отчасти это и произошло. Просто прежде крестьянин принадлежал помещику, а теперь уже всему государству [12, с.50]. По мысли Леонтьева, экономическая мобильность населения – прямой путь к дестабилизации власти [12, с.53]. Следовательно, стоило бороться с миграциями, урбанизацией, переселением. Надо прикрепить земледельца к его наделу.

Леонтьев полагал, что административная власть над крестьянством должна была оставаться непоколебимой. Ее ослабление несло в себе угрозу для всей российской государственности. При всех обстоятельствах главное, чтобы правительство оставалось правительством. «Народ вообще переносит охотнее привилегии высших сословий, когда эти привилегии соединены с действительной властью; чем привилегии без власти». В этом случае Леонтьев цитировал А. де Токвиля, полностью с ним соглашаясь [12, с.51].

Интерес к книге Токвиля о старом порядке и революции вполне естественен. Она была своего рода предупреждением о возможности тектонических сдвигов в стране, которые консерваторов, разумеется, никак не устраивали. Они не ностальгировали по прошлому. Они боялись будущего. Их идеология не *контрреформаторская*, а *контрреволюционная*. Правда, этой контрреволюции не предшествовала революция. Напротив, контрреволюция предшествовала ей.

Библиографический список

1. Бадалян Д.А. «Колокол призывный». Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: Росток, 2016. 359 с.
2. Богданович А.В. Три последних самодержца. М.: Новости, 1990. 604 с.
3. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое лит. обозрение, 2019. С.291–292.
4. [Витте С.Ю.] Из архива С.Ю.Витте: В 2 т. СПб., 2003. Т.1. Кн.1. Рассказы в стенографической записи. СПб.: ДБ, 2003. 521 с.
5. Голицын В.М. Дневник за 1881 г. // ОР РГБ. Ф.75. К.11. Д.5.
6. Головин К.Ф. Мои воспоминания: В 2 т. Т.2. СПб.: Тип. «Колокол», 1910. 274 с.
7. Катков М.Н. Имперское слово. М.: Редакция ж-ла «Москва», 2002. 502 с.
8. Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1881 год. М.: Издание С.П.Катковой, 1898. 632 с.
9. Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ Ф.126. К.11.
10. Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016. 486 с.
11. Леонтьев К.Н. Избранные письма, 1854–1891. СПб.: Пушкин. фонд, 1993. 637 с.
12. Леонтьев К.Н. «Московские ведомости» о двоевластии // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. СПб., 2009. Т.8. Кн. 2.
13. Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. СПб., 2009. Т.7. Кн.2.
14. Леонтьев К.Н. Славянофильство теории и славянофильство жизни // Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. СПб., 2007. Т.8. Кн.1.

15. Миллер А.И. История понятия нация в России // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. М.: Новое лит. обозрение, 2012. Т.2. С.31–35.
16. [Пазухин А.Д.] Письмо А.Д.Пазухина М.Н.Каткову 31.03.1886 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19.
17. Писарькова Л.Ф. Феномен российских реформ // Российская история. 2014. №4. С.17–23.
18. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени // Победоносцев К.П.Сочинения. СПб.: Наука; С.-Петербург. изд. фирма, 1996.
19. Полунов А.Ю. К.П.Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010. 374 с.
20. Репников А.В. Победоносцев Константин Петрович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С.362–368.
21. Русский консерватизм XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия / отв. ред. В.В.Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. 639 с.
22. Соловьев К.А. Любимов против течения. Политическая философия контрреволюции // Тетради по консерватизму. 2018. №3. С.359–364.
23. Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: РОССПЭН, 2018. 350 с.
24. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н.Катков и его издания). М.: Наука, 1978. 279 с.
25. Тесля А.А. Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Русская мысль, 2014. 405 с.
26. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: АО «Комплект», 1992. 674 с.
27. Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). М.: Новости, 1991. 458 с.
28. [Феоктистов Е.М.] Письмо Е.М.Феоктистова Н.М.Каткову // ОР РГБ. Ф.120. К.36.
29. Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2012. 784 с.
30. Хайлова Н.Б. Дневник князя В.М.Голицына: новые страницы истории общественной мысли России // В ритме времени: Фронтвик. Учитель. Историк. Памяти доктора исторических наук Б.С.Итенберга: Сборник статей и материалов. М.: РОССПЭН, 2018. С.114–176.
31. Христофоров И.А. На пути к революции // Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.: В 4 т. Т.3: Вторая половина XIX – начало XX вв. М.: РОССПЭН, 2016. С.184–243.
32. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Г.Штейниц, 1900. 180 с.

Нету ничего опаснее, как захотеть на все сделать регламенты.

Екатерина Великая

Воспитание есть усвоение хороших привычек.

Платон

В своей памяти каждый из нас художник: каждый творит.

Патришиа Хампл

Государства – это большие
машины, которые движутся
медленно.

Фрэнсис Бэкон

В танце каждое
движение преисполнено
мудрости, и нет ни одного
бессмысленного движения.

Лукиан из Самосаты

Вспоминая, он забывался.

Леонид Леонидов

Любовь Писарькова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

ПО МАТЕРИАЛАМ КОРОЧАНСКОЙ
ПРИКАЗНОЙ ИЗБЫ.

1643–1701 гг.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

930

Изучение документов приказной избы города Корочи Белгородской засеchnой черты (ок. 300 грамот и отписок воевод) позволяет сделать ряд выводов: 1) московская власть осуществляла тесное взаимодействие с местными правителями; 2) грамоты регламентировали деятельность воевод, лишая их полной самостоятельности в принятии решений; 3) грамоты второй половины XVII в. грозят воеводам суровыми наказаниями за неисполнение предписаний центра; 4) во второй половине XVII в. служебная дисциплина на местах заметно ослабела, что являлось следствием сложной обстановки, сложившейся в правящих верхах после смерти Алексея Михайловича, но не основанием для разрушения организации приказной системы управления.

The study of the documents of the orderly hut of the city of Koroch of the Belgorod zasechnaya line (about 300 certificates and unsubscriptions of the voivodes) allows us to draw a number of conclusions: 1) the Moscow government carried out close cooperation with local rulers; 2) the letters regulated the activity of the voivodes, depriving them of full independence in decision-making; 3) the letters of the second half of the XVII century threaten the voivodes with severe punishments for non-compliance with the instructions of the center; 4) in the second half of the XVII century, service discipline in the field noticeably weakened, which was a consequence of the difficult situation that developed in the ruling circles after the death of Alexei Mikhailovich. However, this was not the basis for the destruction of the organization of the command management system.

Ключевые слова: царская грамота; Разрядный приказ; воевода; приказная изба; отписка; ратные люди; наказания за злоупотребления.

Key words: royal charter; Razryadnyy prikaz; governor; orderly hut; unsubscribe; army people; punishment for abuse of power.

E-mail: afanasiev44@list.ru

Один из исследователей истории Российской государственности начала XVIII в. П. Н. Мрочек-Дроздовский писал, что местное управление является «фундаментом истории государства», а «правильность отношений центра к области» – ключ к «наилучшему» государственному управлению [18, с. 3]. «Правильность» этих отношений во многом зависела от организации взаимодействия правительства и местных властей, прежде всего, воевод. В исторической литературе этому вопросу уделено особое внимание. Изучение многочисленных наказов воеводам и материалов приказных изб позволили историкам прийти к обоснованному заключению о том, что воеводы XVII в. в своей деятельности были лишены самостоятельности и находились в полном подчинении московских властей [см.: 4, с. 43–48; 6, с. 271–274; 22, с. 65–82]. По сравнению с наказами, грамоты воеводам, посылаемые из московских приказов, дают более полное представление об отношениях центральных властей и местных администраторов. В публикуемой статье этот вопрос рассмотрен на основе 208 грамот на Корочу и 80 отписок воеводы И. А. Милославского. Изучение этих документов дает возможность установить, насколько тесным было взаимодействие органов центрального и местного управления; определить степень участия в управленческом процессе самого царя; наконец, проследить на достаточно протяженном отрезке времени отношение верховной власти к воеводам, а воевод к исполнению своих обязанностей.

Старинные документы из сундука Корочанского уездного суда

Город Короча построен в 1637 г. в качестве одного из оборонительных пунктов Белгородской засечной черты, защищавших южные рубежи

Московского государства от набегов крымских татар, ногайцев и черкас¹. В XIX в. город был административным центром Корочанского уезда Курской губернии, в настоящее время – районный центр Белгородской области.

Весной 1857 г. членам Общества истории и древностей Российских при Московском университете стало известно, что в уездном суде города Корочи находится сундук с полуистлевшими старинными документами Ко-

¹ В официальных документах Московского государства XVI–XVII вв. черкасами называли население территории бывшей Киевской Руси, входившей в состав Речи Посполитой под названием «Украина». После включения в состав Русского государства – Малороссия. О черкасах напоминают географические названия и названия городов и селений современной Украины. В списках черкас, служивших в XVII в. в Короче, большинство имели русские фамилии. Поступая на русскую службу, они получали денежное жалованье и землю для устройства на «вечное житье».

ражения в «Общем обозрении» и «Описи». Фонд Корочанской приказной избы, хранящийся в Российском государственном архиве древних актов, включает отписки и грамоты, посылаемые на Корочу воеводами Яблонова, Белгорода и других городов, а также челобитные, памяти, поручные записи и другие документы. Однако число «царских грамот на Корочу» и отписок корочанских воевод невелико [1], поэтому опубликованные в 1859 г. материалы в значительной степени дополняют архивный фонд.

Отдельные документы из Корочи привлекли внимание филологов, изучавших особенности южнорусского языка XVII века [15, с.370–384]. К сожалению, авторы не обратились к опубликованным источникам: грамотам и челобитным. Для историков эти материалы представляют особый научный интерес. Они охватывают период в 58 лет: с 1643 по 1701 г., но по годам документы представлены неравномерно, а за многие годы вовсе отсутствуют.

Таблица 1
Распределение материалов из Корочи по годам³

Цари	Царские грамоты из приказов		Даты документов	За сколько лет
	№ №	Всего		
Михаил Федорович	1–47	47	151 (1643) май ³ – 153 (1645) 12 апреля	2 года
Алексей Михайлович	48–96 97–106 107–123 124–137	49 10 17 14	154 (1646) 3 августа – 156 (1647) 27 ноября 160 (1652) 27 января – 160 (1652) 20 мая 176 (1667) 30 ноября – 178 (1669) 20 октября 182 (1674) март – 184 (1676) 24 января	1 год 0,5 года 2 года 2 года
Федор Алексеевич	138–157	20	184 (1676) 15 мая – 185 (1677) 1 мая	1 год
Иван и Петр Алексеевичи	158–197	40	194 (1685) 9 октября – 196 (1687) декабрь	2 года
Петр Алексеевич	198–208	11	1701 16 января – 1701 16 июля	0,5 года
Всего	208	208		11 лет
Челобитные служилых людей и отписки воеводы И.А.Милославского				
Михаил Федорович	1–7	7	153 (1645) 23 июня – 153 (1645) 28 июня	6 дней
Алексей Михайлович	8–80	73	153 (1645) 29 августа – 154 (1646) июнь	1 год
Всего	80	80		1 год

Составлено по: Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные Корочан царям, через корочанского воеводу Ивана Милославского / Сообщил Ф.Зайцев // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). 1859. №2. Раздел 2. С.1–256.

³Дата написания не указана; грамота получена воеводой 8 июня.

Как следует из приведенной выше таблицы, за 11 (из 58) лет воеводы Корочи получили 208 грамот. Причем в отдельные годы число грамот не превышало нескольких единиц. С полным основанием можно утверждать, что документы, сохранившиеся в Корочанском уездном суде, составляют незначительную часть той обширной переписки, какую вели московские приказы, прежде всего Разрядный, с воеводами этого небольшого городка на Белгородской засечной черте. О том же свидетельствуют и отписки Ивана Андреевича Милославского. Сведения о начале его службы в Короче разнятся. Сам он пишет, что был назначен воеводой 28 апреля 1645 г. [3, с.219. №46 (отписка)]. А по справочнику А.П.Барсукова, Милославский исполнял эту должность с 23 июня 1645 г. по сентябрь 1646 г. [5, с.112]. За год службы он отправил в московские приказы на имя царей Михаила Федоровича, умершего 12 июля 1645 г., и Алексея Михайловича в общей сложности 80 документов. Из них несколько челобитных служилых людей, остальные – отписки воеводы. Все они имеют одинаковое начало: «Государю, царю и великому князю (...) всея Руси, холоп твой, Ивашка Милославский, челом бьет». В большинстве своем отписки были посланы в Москву в ответ на царские грамоты. К сожалению, среди сохранившихся 208 грамот только одна послана Милославскому.

**«От царя и великого князя
Михаила Федоровича
всея Руси на Корочу...»**

Первые 47 грамот адресованы предшественнику Милославского В.П.Апраксину, служившему в Короче с февраля 1643 до 26 марта 1645 г. [3]. Все они начинаются словами: «От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, на Корочу, воеводе нашему Василию Петровичу Апраксину». Во второй половине XVII в. эта формула не однажды претерпевала заметные изменения. Все грамоты подписаны дьяком Григорием Ларионовым и посланы из Разрядного приказа, ведавшего южными порубежными городами. Однако из этого не следует, что Разрядный приказ решал все вопросы управления самостоятельно. Многие дела, и далеко не всегда самые важные, поступали на рассмотрение царя. «Государю и боярам, – писал В.О.Ключевский, – докладывался вообще всякий необычный случай в центральном и областном управлении, неповиновение воевод предписаниям приказов, как и пропашта рублей казенных денег из лубяной коробки в приказной казенке или присылка в Москву таможенных книг, не закрепленных по листам рукою таможенного головы» [13, с.498]. С.Б.Веселовский также отмечал, что

Первые 47 грамот адресованы предшественнику Милославского В.П.Апраксину, служившему в Короче с февраля 1643 до 26 марта 1645 г. [3]. Все они начинаются словами: «От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, на Корочу, воеводе нашему Василию Петровичу Апраксину». Во второй половине XVII в. эта формула не однажды претерпевала заметные изменения. Все грамоты подписаны дьяком Григорием Ларионовым и посланы из Разрядного приказа, ведавшего южными порубежными городами. Однако из этого не следует, что Разрядный приказ решал все вопросы управления самостоятельно. Многие дела, и далеко не всегда самые важные, поступали на рассмотрение царя. «Государю и боярам, – писал В.О.Ключевский, – докладывался вообще всякий необычный случай в центральном и областном управлении, неповиновение воевод предписаниям приказов, как и пропашта рублей казенных денег из лубяной коробки в приказной казенке или присылка в Москву таможенных книг, не закрепленных по листам рукою таможенного головы» [13, с.498]. С.Б.Веселовский также отмечал, что

цари рассматривали и решали «самые мелкие дела, оставляя за приказами очень мало самостоятельности» [9, с.360]. Важные вопросы, связанные с обеспечением безопасности южных границ Московского государства, тем более не могли решаться без участия царя и Боярской думы. Показательно, что многие грамоты воеводам начинаются словами: «По нашему указу писано к тебе на Корочу...» Конечно, в ряде случаев, используя эту формулу, разрядные дьяки могли ссылаться на принятые ранее указы. Однако содержание грамот Михаила Федоровича и Алексея Михайловича настолько различно, что влияние на него самих государей не оставляет сомнения.

Грамоты царя Михаила Федоровича позволяют выделить основные направления политики правительства в отношении городов Белгородской черты. Прежде всего, стояла задача обеспечить их обороноспособность путем увеличения числа ратных людей. В начале 1640-х гг. по указу царя только в Короче было принято на службу и поселено «на вечное житье» 440 черкас⁴ [3, с.191]. По многим грамотам прослеживается явное стремление правительства поселить служилых людей на этих необжитых и опасных территориях. На постройку дворов им давали «селятебное» жалованье (по 7 рублей) [3, с.224. №52 (отписка)], их наделяли пашнями и покосами, а иногда обеспечивали и семенами. Так, 8 июня 1643 г. Апраксин получил грамоту следующего содержания: «Ведомо нам учинилось (...), что короченские служилые люди и черкасы на Короче на вечное житье поселились (...), но за бедностью и скудостью не все

Портрет царя Михаила Федоровича. 1728 г.
Худ. Иоанн Генрих Веекин

⁴ Следует отметить, что в грамотах первой половины XVII в. служилые люди и черкасы рассматривались как отдельные группы ратных людей, их не смешивали и при раздаче жалованья. При этом у черкас денежные оклады были выше, чем у служилых людей.

свои пашни пахали и хлеб сеяли». Воеводе предписывалось: выдать «по нашему указу из наших житниц» по четверику проса (около 15 кг) и проследить, чтобы весной пашни пахали и хлеб сеяли [3, с. 1. № 1].

Призывы к ратным людям строить дворы и селиться в Короче сопровождали каждую денежную выплату. Воеводе следовало напомнить об этом служилым людям при раздаче денежного жалованья на 1644 г. «Скажи им, что Мы, Великий Государь, пожаловали их (...), и они б Нашим царским жалованьем на Корочу строились на вечное житье, и город Корочи от бусурман и изменников от черкас оберегали». Перед этим, при раздаче жалованья черкасам, воевода обратился к ним с теми же словами [3, с. 13, 19. № № 17, 29]. Апраксин повторил их и при раздаче жалованья на 1645 г. [3, с. 31–34. № 47]. Однако правительство уже не ограничилось только призывами к оседлости и прибегло к более действенным мерам. Без царского указа воеводе было запрещено раздавать жалованье тем черкасам, которые в Корочу не построились, и землю не пашут, и хлеб не сеют, а также тем, которые «жалованье пропивают и зерню⁵ проигрывают», и родственников их на службу не брать [3, с. 30–31. № 46].

Совместные усилия центральной и местной администрации по колонизации юга России служилыми людьми принесли свои плоды. К концу XVII в. в городе Корочу и уезде проживало около 1100 служилых людей разных чинов, владевших 23074,5 четвертями земли. Подобные изменения произошли во всех городах и уездах Белгородского и Севского полков [7, с. 92, 95 (табл. 6 и 7)]. Служилые люди «устроились на вечное житье» и наряду с военной службой занимались сельским хозяйством. В этом отношении города Черноземья в XVII в. напоминали военные поселения первой четверти XIX в. С той только разницей, что их крестьянское население по воле императора Александра I совмещало свой труд с несением военной службы.

Царские грамоты на Корочу свидетельствуют о высокой степени осведомленности центральной власти о ситуации на местах, что достигалось постоянной перепиской дьяков Разрядного приказа с воеводами. Из Москвы воевода Корочи получал грамоты с подробными инструкциями о том, как ему сберечь казну, привезенную разрядным подьячим для выплаты жалованья, где ее хранить, как раздавать деньги ратным людям и что писать в раздаточных книгах. Воевода должен был эти

⁵Зернь – игра в кости или зерна, которые употребляются в мошеннической игре на деньги, чет-нечет. См.: Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. В 4 т. Т.1: А–З. М.: Издательская группа «Прогресс» «Универс», 1994. Стб.1698–1699.

книги «за своею рукою» прислать с разрядным подьячим в Москву, а другие такие же держать в съезжей избе [3, с. 13, 19, 32, 34. №№ 17, 29, 46–47]. Приказ контролировал не только финансовую отчетность, но и все другие сферы деятельности воеводы. В декабре 1643 г., когда возникла необходимость в ремонте крепостных сооружений, Апраксин получил из Москвы грамоту, в которой были прописаны этапы и сроки проведения подготовительных работ, чтобы весной «городовым крепостям мотчанья⁶ никакого не было» [3, с. 12. № 16].

Многие грамоты заканчивались словами: «Да о том к нам отписал с иными нашими делами». И хотя отписки Апраксина не сохранились, но из содержания царских грамот можно заключить, что именно отписки являлись одним из основных источников информации для центральных учреждений. Так, в 1644 г. в Москве стало известно, что служилые люди Белгородского уезда уничтожили на меже разграничительные знаки и захватили пашню и покосы, принадлежавшие Короченскому уезду. «Пашню пашут насильством и лес пустошат, и короченских служилых людей русских и черкас на их землях бьют, и грабят, и насильства делают большие, и от того де, от насильства и от грабежу короченские служилые люди хотят бресть розно». В Москве в полной мере осознавали возможные последствия от решения служилых людей «бресть розно». Для наведения порядка воеводе Корочи повелевалось снарядить на межу лучших людей, чтобы они с лучшими людьми Белгородского уезда восстановили межу по межевым и писцовым книгам. А виновных «бить батоги нещадно, да тех людей велено посадить в тюрьму на два дня, чтоб, на то смотря, иным не повадно было воровать». Воевода должен был обо всем подробно написать в Москву в Разряд. В конце грамоты приведено детальное описание межи, проходившей ранее между Белгородским и Короченским уездами [3, с. 23–25. № 37].

Конфликт разрешился во многом благодаря тесному взаимодействию местной, центральной и верховной властей, профессионализму служащих Разрядного приказа и наличию документации, позволившей чиновникам восстановить границы уездов, не выезжая из Москвы.

Следует отметить особенность грамот времени царствования Михаила Федоровича: в них практически отсутствуют слова «государь» и «великий государь». Исключения представляют грамоты, определявшие порядок раздачи жалованья ратным людям, с предписанием воеводе: «Скажи им, что Мы, Великий государь...» Большинство грамот начина-

⁶ Мотчанье – по словарю В.И.Даля, означает медлительность, бездействие.

ются словами: «По Нашему указу писано к тебе на Корочу...» «Ведомо Нам учинилось...» «Выдать по Нашему указу...» и др. Такая форма обращения свидетельствует об уважительном отношении к воеводе, который рассматривался в качестве важного управленческого звена, осуществлявшего общегосударственную политику на местах. В грамотах Михаила Федоровича воеводу не подозревают в злоупотреблениях при раздаче жалованья ратным людям и не грозят наказанием за несовершенные преступления [3, с. 19, №29]. Содержание грамот соответствует характеристике личности Михаила Федоровича, данной историком: «Царь Михаил не был деспотом и тираном, не воображал себя полубогом, требующим полного подчинения, не потакал собственным прихотям и желаниям» [20, с. 156].

Из 47 грамот Михаила Федоровича только одна, от 22 июня 1644 г., содержит выговор воеводе Корочи. Она послана в ответ на отписку Апраксина от 10 июня, в которой сообщалось о разбитом вестовом колоколе, но не сообщалось о тех, кто разбил его. Царь нашел виновного: «Тот колокол разбит твоим небережением и непризором; бьют мужики пьяные и незнающие небережно, а ты над ними не надсматриваешь, и им не приказываешь, чтобы они в колокол били не всею своею мощью». Повелевалось установить имена виновных, а разбитый колокол доставить в Москву [3, с.27, №41]. Действительно, требовались значительные усилия, чтобы разбить колокол, весивший 200 килограмм⁷.

Документы царствования Михаила Федоровича подтверждают оценку А.Д.Градовским приказного управления XVII в. Историк определял его как систему «полного доверия к служащему сословию в совокупности, и к отдельному чиновнику, в частности» [10, с. 10]. Однако такая оценка применима только к первой половине XVII в.

«Холоп твой, Ивашка Милославский, челом бьет»

Возможность вести переписку с Москвой и получать предписания от имени царя повышала значение воеводской службы, и тот, кто нахо-

дился на этой должности, ощущал свою ответственность за ее исполнение перед самим государем.

Но, судя по донесениям И. А. Милославского, его предшественник не всегда оправдывал доверие верховной власти. 29 августа 1645 г. в от-

⁷ Точный вес колокола: 12 пудов и 30 гривенок (См.: Царские грамоты на Корочу. №130. С.109).

писках на имя молодого царя Алексея Михайловича Милославский сообщает в деталях о приеме дел у Апраксина [3, с. 192–93. №9 (отписка)] и подробно описывает состояние принятого хозяйства. Как можно заключить по его отпискам, боеготовность города не выдерживала никакой критики. Рисуется довольно неприглядная картина: обветшавшие крепостные сооружения, обвалившиеся во многих местах башни, полуразрушенный вал, сгнившие надолбы и засыпанный ров. Воевода заключает, что в случае прихода неприятеля такая крепость не спасет и «дурно учинится». Беспокоится он и о себе. «Мне бы, холопу твоему, от тебя, Государя, в опале не быть» [3, с. 235–236. № 71,72 (отписки)].

Белгородская засечная черта, казаки

Пиśаль конца XVII века

Не лучше обстояло дело с вооружением и боеприпасами. Милославский пишет, что их недостаточно, чтобы оказать сопротивление «воинским большим людям». И в конце отписки вопрос: «О том, что ты Государь укажешь?». В другой отписке, от 29 августа, он сообщает, что, по сравнению с другими полевыми городами, в Короче мало пушек, также как и ядер к ним, зато есть ядра к пушке, которая находится в Яблонове. И тот же вопрос: «О том, что ты Государь укажешь?» [3, с. 235. № № 69,70 (отписки)]. Жаловался воевода и на недостаток лошадей. Принял он от Апраксина трех «государевых» лошадей, тогда как в случае похода против крымских и нагайских «больших людей» необходимо с переменой 14 лошадей. И снова вопрос: «О том, что ты Государь укажешь?». Между тем, выяснилось, что и трех лошадей кормить нечем. Милославский пишет, что прежние воеводы брали со служилых людей по копне сена со двора, но он без указа так делать не смеет. И снова обращение к царю: «О том, что ты Государь укажешь?» [3, с. 236–237. № № 73,74 (отписки)]. Неизвестно,

как реагировали в Москве на эти донесения. По свидетельству самого Милославского ответы он получил не на все вопросы. 14 декабря 1645 г. в отписках, посланных в Разрядный и Пушкарский приказы, он напоминал, что 29 августа писал о плохом состоянии крепостных сооружений, но указа о том «не бывало». Его беспокоило, что, хотя по указу служилые люди и их семьи должны селиться в остроге, но там никаких дворов нет. А в случае осады им даже «собраться негде», поэтому при приходе неприятеля «дурно учинится над твоими Государь государевыми людьми». Беспокоится воевода, чтобы ему в том от царя «в опале не быть» [3, с. 237. № 75 (отписка)]. Жаловался воевода и на нехватку бумаги, что сказывалось на делопроизводстве съезжей избы. В мае 1646 г. он писал, что при назначении на Корочу в апреле 1645 г. прислали ему из Разряда писчей бумаги, но она уже вся «изошла» и купить ее негде. «Делу чинится мотчанье большое (...), к тебе, Государю, о том писал многожды, но указу твоего (...) не бывало, и о том, Государь, мне, холопу твоему, что ты, Государь, укажешь?» [3, с. 219. № 46 (отписка)].

Судя по состоянию острога и крепостных сооружений, вопросы безопасности волновали предшественника Милославского в меньшей степени. Не исполнил Апраксин и распоряжение Михаила Федоровича о доставке в Москву разбитого вестового колокола. Его привезли только в 1674 г., т.е. спустя 30 лет [3, с. 109. № 130].

Среди 80 документов, отправленных Милославским в Москву, значительное их число связано с челобитьем служилых людей. И это вполне закономерно. Как известно, челобитные населения играли важную роль в жизни Московского государства. Служилые люди подавали челобитные воеводе в съезжей избе, а воевода отсылал их в Разрядный приказ вместе с отписками. Нередко служилые люди просили, особенно в коллективных челобитных, чтобы «царь их пожаловал»: велел отпустить челобитчиков к Москве, «бить челом о своих делах» [3, с. 216, 226. № № 39, 55 (отписки)]. За справедливым решением дел к верховной власти обращались по самым разным поводам. Чаще всего жители Корочи сталкивались с такими проблемами, как: незаконный захват имущества, кража оружия, ссоры служилых людей, получение земли и покосов, ранения в ходе военных действий, «полонное терпение» и др. 16 из 47 грамот царя Михаила Федоровича начинаются словами: «Били (или бил) Нам челом...», далее излагается суть челобитья и следует предписание воеводе исполнить просьбу.

**«Быть тебе в опале
и жестоком наказании
безо всякие пощады»**

В грамотах царя Алексея Михайловича решались те же вопросы обеспечения жизни жителей Корочи, что и при Михаиле Федоровиче. Служилым людям по-прежнему выплачивали казенное жалованье, им выдавали оружие и наделяли землей, выкупали из плена и с большим вниманием относились к их челобитным. Вместе с тем у правительства Алексея Михайловича появились новые заботы, вызванные активизацией военных действий на южных рубежах государства и частым бегством ратных людей с мест службы. С началом нового царствования изменилось содержание грамот, хотя большинство из них писал тот же разрядный дьяк Григорий Ларионов. Царские грамоты стали более пространными, с частым упоминанием Бога и Богородицы: «...прося у Бога милости

Служилым людям по-прежнему выплачивали казенное жалованье, им выдавали оружие и наделяли землей, выкупали из плена и с большим вниманием относились к их челобитным. Вместе с тем у правительства Алексея Михайловича появились новые заботы, вызванные активизацией военных действий на южных рубежах государства и частым бегством ратных людей с мест службы. С началом нового царствования изменилось содержание грамот, хотя большинство из них писал тот же разрядный дьяк Григорий Ларионов. Царские грамоты стали более пространными, с частым упоминанием Бога и Богородицы: «...прося у Бога милости

Портрет царя Алексея Михайловича. Неизвестный художник. Конец 1670-х – начало 1680-х гг.

и у Пречистой Богородицы помощи», и постоянными угрозами воеводам за возможные упущения и злоупотребления. Грамоты Алексея Михайловича носят отпечаток его характера. Как писал историк А. И. Заозерский, во всем «сказывается деятельная и вместе экспансивная натура царя, (...) чувствуется именно его темперамент, не допускающий отсрочек» [12, с. 414]. Грамоты дают представление и о мировоззрении Алексея Михайловича. В основе его взглядов лежало осознание высокого предназначения государя всея Руси и богоизбранности царской власти [20, с. 160]. В отличие от Михаила Федоровича, царевич Алексей воспитывался как наследник престола. На формирование его мировоззрения большое влияние оказал боярин Борис Иванович Морозов. В 1633 г. Морозов назначен «дядькой» к четырехлетнему Алексею, а после смерти Михаила Федоровича в первые годы нового царствования (до 1648 г.) фактически управлял государством. Современники считали Морозова человеком умным и образованным, но высокомерным и корыстным. Не исключено, что именно по его инициативе (или совету) царские грамоты стали включать угрозу наказаний в случае задержки их исполнения.

Первые из сохранившихся грамот Алексея Михайловича посланы на Корочу через год после его вступления на престол. В августе 1646 г. воевода стольник Никифор Прокофьевич Воейков получил сразу две грамоты. В одной сообщалось о драгунах, которые получили жалованье, но по дороге к месту службы сбежали. За поимку беглецов обещана награда по 2 рубля (годовое жалованье стрельца), а за их сокрытие – пени по 100 рублей за каждого. В том случае, если Воейков не будет искать беглых драгун «и про то сыщется», его ожидали большие неприятности. «И на тебе за ту вину велим взяти на нас пени за всякого драгуна по сто рублей, да тебе от нас быти в великой опале» [3, с. 35–37. №50]. В другой грамоте речь шла о служилых людях, бежавших с Дона и занявшихся воровством и разбоями. И снова воеводе грозили опала и пени по 100 руб. за каждого беглеца [3, с. 37–39. №51].

В ноябре 1646 г. воевода получил грамоту с известием о готовящемся нападении «крымского царя» на русские города. Воейкову повелевалось для безопасности уездных людей собрать их в городе с женами, детьми и имуществом, а самому быть готовым выступить в поход с ратными людьми по первому зову боярина и воеводы Никиты Ивановича Одоевского. И снова обещание наказания, теперь уже более сурового. Если «тотчас не пойдешь и тебе быть от нас в опале, велим тебя сослать в Сибирь и посадить в тюрьму, а поместья твои и вотчины велим раздать в раздачу бесповоротно» [3, с. 43. №57].

В 1646 г., помимо военных забот, у Воейкова появились новые обязанности: проводить сыск по так называемым «государевым делам». В грамоте, посланной 18 декабря из Разряда, сообщалось, что в Москве стало известно о «женке Аринке», говорившей о государе «непригожие слова». И хотя она созналась, объяснив, что не в себе была, так как больна падучей, воеводе предписывалось провести сыск по этому делу. Если Аринка действительно больна, то высечь ее кнутом у приказной избы и отдать мужу, а если болезнь не подтвердят, то «бить ее кнутом нещадно, только б чуть жива была» и отдать мужу [3, с. 52–53. №67].

В грамотах царствования Алексея Михайловича прослеживается недоверие верховной власти к воеводе как человеку и администратору. Страх наказания признается надежным средством для достижения быстрого и точного исполнения царских указов и предотвращения злоупотреблений. В результате практически все распоряжения воеводам Корочи сопровождались угрозами суровых наказаний за их неисполнение.

Не были исключением и ежегодные раздачи жалования служилым людям. В грамотах, которые вместе с деньгами привозили подьячие Разрядного приказа, как и в предыдущие годы, был подробно расписан порядок раздачи денег с указанием, кому и сколько денег платить, а кому их не давать. В конце грамоты следовало предостережение воеводе и подьячему, какое не встречалось в грамотах царя Михаила Федоровича: оставшиеся деньги не присваивать, а вернуть в казну. А если воевода и подьячий из тех денег «на себя учнут вычитать (...) и про то нам ведомо учинится, и мы велим у тебя, Никифора, за ту твою вину, поместья и вотчины взяты и отдати в раздачу бесповоротно, а подьячему за его вину велим жестокое наказание учинить, да вам же быти от нас в великой опале» [3, с. 55. №69].

Требование прислать в Москву необходимые сведения, как правило, сопровождалось словами: «Тотчас, не замолчав, и не дожидаясь к себе иного Нашего указа и большой пени» [3, с. 73. №90].

За последующие четыре года (1648–1651) грамоты отсутствуют, за 1652 г. их число невелико: с января по май воевода Корочи Иван Иванович Ржевский получил 10 грамот (см. таблицу). Среди этих грамот были две, указывавшие на решение правительства изменить порядок взаимодействия центра с администрацией окраинных городов. В апреле 1652 г. в съезжую избу доставили грамоту с предписанием: впредь о всех делах писать в Яблонов боярину и воеводе кн. Г.С. Куракину. В грамоте от 16 мая 1652 г. вновь сообщалось, чтобы Ржевский «мимо боярина Нашего и воеводы никаких вестей к Нам к Москве не писал, для того, что

по Нашему указу изо всех украинных городов воеводам велено о всяких делах и вестях писать в Яблону к боярину Нашему и воеводе ко князю Григорию Семеновичу Куракину» [3, с. 79–80. № № 103, 104]. Следует отметить, что 22 апреля 1652 г. такое же предписание получил и воевода Белгорода [2, т. 1, с. 265. № 78. 1652 г., 22 апреля].

До принятия этого указа между верховной властью и местными правителями находились только приказы, которые по многим вопросам соотносились непосредственно с царем, после 1652 г. в управленческой структуре появилось новое звено – воеводы главных городов Белгородского полка.

За последующие 14 лет (1653–1666) грамоты отсутствуют, поэтому не представляется возможным на примере Корочи проследить влияние указа, запрещавшего воеводам небольших городов вести переписку с Москвой. Однако грамоты, полученные воеводами этого города в последующие годы, позволяют заключить, что непосредственная связь с Москвой у них не прекратилась. По-прежнему из Разрядного приказа посылались грамоты на имя воевод, а от них требовались отписки.

Вместе с тем за эти годы содержание грамот заметно изменилось. Прежде всего, это касалось царского титула. Так, грамота от 7 октября 1667 г., начинается словами: «От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа Великия, и Малыя, и Белья России Самодержца, на Корочу, Павлу Петровичу Савелову» [3, с. 82. № 107]. В грамоте привычная формула «Ведомо Нам учинилось...» заменена другой: «Ведомо Нам, Великому Государю, учинилось...». Во всех последующих грамотах царь именовался не иначе, как «великий государь».

В грамотах нашли отражение изменения, связанные с важными событиями в жизни Московского государства. Как известно, 8 января 1654 г. на Переяславской раде казаки Войска Запорожского постановили перейти под покровительство русского царя. В результате Россия приросла Малороссией, что стало причиной введения нового титула. В том же 1654 г. (запись 1-го июля в походном дневнике) Алексей Михайлович «указал свое государское именованье во всяких делех писати – всея Великия и Малыя России самодержцем» [цит. по: 12, с. 418]. Этот титул использован уже в указе 7 июля 1654 г. [2, т. 1, с. 342. № 131. 1654 г., 7 июля]. В ходе войны с Литвой и Польшей к Москве отошла значительная территория Белой Руси, что нашло отражение в царском титуле. В 1655 г. повелевалось во всех делах писать к царскому титулу: «всея Великия и Малыя и Белья России» [2, т. 1, с. 370. № 167. 1655 г., 19 сентября]. Важным новшеством стало включение в царский титул слова «са-

модержец». Предшественники Алексея Михайловича в государственных актах нередко именовались самодержцами, но это понятие не входило в их титулы. Включение в титул слова «самодержец» вполне отвечало мировоззрению царя. Как писал Заозерский, до того времени молодой царь проходил школу политического воспитания под руководством двух самых близких к нему лиц: Б.И.Морозова и патриарха Никона. Мировоззрение Алексея Михайловича имело и историческую почву: он проявлял «живое чувство почтения» к первому русскому царю Ивану Васильевичу Грозному, «творцу идеологии Московского самодержавия» [12, с.416]. По мнению историков, Алексей Михайлович и сам был «убежденный теоретик московского самодержавия», поэтому не только по титулу, но и по существу он был самодержавным государем [12, с.230].

В 1660–1670-е гг. менялись дьяки, писавшие грамоты, но от этого не менялось содержание грамот. Как и в предыдущий период, служба ратных людей оставалась в центре внимания правительства. Неизменным оставалось и отношение к воеводам: угроза наказаний по-прежнему признавалась главным стимулом для добросовестного исполнения служебных обязанностей. Так, в феврале 1668 г. воеводе повелевалось отправить ратных людей из Корочи в Белгород. Выслать их «тотчас безо всякого мотчанья и без поноровки, не дожидаясь к себе о том впредь иного Нашего Государева указа с опалою». Задержка в исполнении распоряжения грозила воеводе многочисленными бедами. «За то тебе быть в жестоком наказаньи и в разоренье без всякой пощады, а поместья твои и вотчины отписаны будут на Нас, Великого государя, и отданы в раздачу бесповоротно, да и тебя ж с Корочи переменят тотчас...» [3, с. 86–87. № 109].

Неизвестно, как быстро было исполнено это предписание. Но через три месяца воевода Корочи получил такой же указ, только с обещанием более суровых наказаний, включая денежный штраф в случае промедления. «А буде ты сей наш, Великого государя, указ поставишь себе в оплошку, ратных людей в Белгород вскоре не вышлешь, норovia тем ратным людям по посулам и по дружбе, (...) и походу учинится хотя малое мотчанье, и тебе за то от Нас, Великого Государя, быть в великой опале и во всяком конечном разоренье, да на тебе ж, по нашему Государеву указу, доправлено будет пени пятьсот рублей, и пожитки твои всякие, и поместья и вотчины отпишут на Нас, Великого Государя, и отдадут в раздачу бесповоротно» [3, с. 89–90. № 112].

Непросто было собрать ратных людей для похода, но еще сложнее было не дать им разбежаться по своим домам. Бегство ратных людей

из Белгородского полка получило широкое распространение и создавало серьезные проблемы для защиты рубежей. Сыск беглецов правительство возложило на воевод, хотя и признавало, что они недобросовестно относятся к этой обязанности, так как извлекают из нее личную выгоду.

19 августа 1668 г. воевода Павел Петрович Савелов получил грамоту (писана 4 июля), в которой ему выговаривали, что он беглых ратных людей и нетчиков не сыскивает «для своих корыстей, не бояся на себе нашей Государевы опалы и жестокого наказания». Воеводе вновь грозили опалой и конфискацией всего имущества [3, с.90–91. № 113]. В следующей грамоте (писана 31 августа) сообщалось, что из Белгорода ратные люди разбежались по домам, поэтому царь повелел послать грамоты к воеводам разных городов, чтобы они сыскивали беглецов. А если «их поноровкою» ратные люди не будут высланы, «то воеводам за то от нас, Великого государя, быть в опале и в жестоком наказанье безо всякие пощады, а поместья их взяты будут на Нас, Великого государя, и отданы в раздачу челобитчикам». Воеводу Корочи предупреждали особо: «А буде ты тех наших, Великого государя, ратных людей сыскав, тотчас не вышлешь или учнешь высылать оплошно, и тебе за то...». Далее следовали уже привычные для всех воевод угрозы [3, с.92–93. № 115]. 9 декабря 1668 г. в Корочу была послана еще одна грамота с тем же предписанием: поймав беглых ратных людей, их тотчас высылать в полк. Неисполнение этого указа грозило Савелову уже не только опалой, жестоким наказанием и вечным разорением, но и смертной казнью [3, с.95–96. № 118]. Впервые о таком наказании упоминается в грамоте, посланной 24 ноября 1668 г. Смертная казнь ожидала Савелова в том случае, если до прихода неприятеля он не собрал бы в крепости жителей города и уезда для их спасения [3, с.94. № 117].

Следует заметить, что в грамотах царствования Алексея Михайловича это единственные упоминания о возможном применении к воеводам такого наказания. Зато практически во всех царских грамотах воеводам напоминали о других формах наказания. Обычными были угрозы великой опалы, жестокого наказания и «вечного разорения безо всякого милосердия и пощады». Без них не обходилось ни одно распоряжение правительства. Касалось ли это сбора денег для отправки их в Белгородский полк («тотчас, безо всякого мотчанья»), оставшегося не обмолоченным хлеба или составления списков служилых людей – грамоты заканчивались обещанием наказаний [3, с.94, 97–100. № № 116, 119, 120]. Однако со временем эти угрозы стали привычными для воевод и, вероятно, не оказывали должного влияния на их деятельность. В грамотах конца

1660-х гг. правительство все чаще прибегает к такому способу воздействия на местных администраторов, как денежные штрафы. Так, 8 июня 1669 г. Разрядный приказ потребовал от Савелова прислать подробные сведения о служилых людях из боярских детей. Если же воевода сделает список не так, «как писано в грамоте», и вскоре сведения не придет, то ему грозила не только государева «великая опала», но и уплата трехсот рублей пени. А за то, что таможенный и кабацкий откупщик не прислал в Москву платежный отписок, в грамоте от 20 октября воеводе было обещано «доправить на нем пеню большую» [3, с. 99–100, 101–102. № № 120, 123].

Судя по грамотам, адресованным воеводам Корочи, отношение к ним московских властей носило двойственный характер. С одной стороны, воеводы являлись важным звеном в системе управления, призванным решать на местах общегосударственные задачи, и, как правило, эти задачи решались. С другой стороны, правительство относилось к ним с большим недоверием и подозрительностью, независимо от того, кто исполнял эту должность. В этом отношении показательна грамота воеводе Павлу Савелову от 23 декабря 1668 г. Из Разрядного приказа ему писали, что у многих жителей Корочи остался необмолоченный хлеб, который может сгнить или сгореть в случае прихода неприятеля. Грамота содержит подробную инструкцию по организации доставки и обмолота хлеба, учета зерна и мест его хранения. Воеводе предписывалось послать в Короченский уезд людей для переписки мест с необмолоченным хлебом и обеспечить надзор за их работой. Чтобы «своею перепискою никому ни в чем никаких убытков не чинили; (...) те их взятки на них доправлены будут вдесятеро». Начало грамоты явно противоречило ее концу, который не отличался новизной. Доверяя воеводе управление уездом и контроль над деятельностью подчиненных ему людей, московские власти не доверяли самому воеводе, заранее ставя под сомнение его исполнительность и честность. Если «того не учинишь, – грозили воеводе, – что в сей нашей государевой грамоте написано, или и учинишь, а градским и уездным людям в том учинишь какую напрасную тягость и убытки, для своей хитрости или чьими хлебными запасами сам закорыстуешься, (...) и тебе за то от нас, великого государя, быть в великой опале и в жестоком наказанье, и во всяком вечном разорении безо всякого милосердия и пощады, и поместья твои и вотчины отписаны будут на нас, великого государя, и розданы в раздачу бесповоротно» [3, с. 98, 99. № 119].

За последующие четыре года (1670–1673) грамоты отсутствуют, а за период с 1674 г. до января 1676 г. их число невелико – всего 14 (см. таблицу). Все они посланы из Разрядного приказа Ивану Семеновичу Познякову. Их содержание позволяет заключить, что за эти годы политика правительства в отношении местных администраторов не изменилась. По-прежнему от воеводы требовали точного и быстрого исполнения «того, что в грамоте написано», обвиняли в злоупотреблении должностным положением «для своих прихотей и взятков» [3, с. 113. № 135] и грозили великой опалой, жестоким наказанием и разорением. Вместе с тем по сравнению с предыдущим периодом эти угрозы повторялись уже не так часто. Стимулировали деятельность воеводы и обещания денежных штрафов, вывоза хлебных запасов на его собственных подводах и отстранением от должности («переменят тебя преж указного срока») [3, с. 104–106, 109–110, 111. № 126, 131, 133].

В комплексе документов, сохранившихся в архиве Короченского уездного суда, отписки Познякова, как и его предшественников (за исключением Милославского), отсутствуют. Однако грамоты последних лет царствования Алексея Михайловича позволяют судить об ответной реакции воеводы на предписания правительства. Позняков далеко не сразу исполнял указы московских властей, даже те, которые требовали быстрого решения. В грамоте от 3 июня 1674 г. ему выговаривали: «Высланы тебе многие грамоты о высылке короченских ратных людей Белгородского полка в полковые службы», но воевода людей не высылал [3, с. 104. № 126]. Не торопился он высылать в Москву и голову таможенного и кружечного двора с отчетными документами (декабрь 1675 г.) [3, с. 113. № 135]. Как отмечалось выше, И. А. Милославский часто писал в Разрядный приказ, сообщая в отписках о всех делах, включая незначительные, но разрядные дьяки далеко не всегда реагировали на его просьбы. После 1652 г., когда воеводам небольших городов было запрещено писать в Москву, их переписка с Разрядом, вероятно, сократилась, но не прервалась. Прежде всего, это касалось особо важных дел. Так, в июне 1675 г. в связи с угрозой нападения на Корочу «людей, пришедших с Дона за добычей», Позняков получил из Москвы предписание: «Ты б о том о всем к нам, великому государю, писал почаще, а отписки велел подавать в Разряд» [3, с. 110–111. № 132]. Неизвестно, насколько добросовестно исполнялось это требование.

Очевидно, что к концу царствования Алексея Михайловича наблюдалось снижение служебной дисциплины местных администраторов, что в полной мере проявилось в начале нового царствования. Неисполнение

указов на местах во многом объяснялось общей обстановкой, сложившейся в правительственных кругах, после женитьбы Алексея Михайловича на Н.К.Нарышкиной (январь 1671 г.). Новые родственники и близкие к ним люди были приближены ко Двору, а Милославские, Морозовы и их сторонники под разными предлогами удалены из Москвы. Ключевую роль в правительстве стал играть А.С.Матвеев. По оценке историков, тогда он «хозяйничал во дворце»; это было «время Артамона Матвеева» [21, с.483–503]. С вступлением на престол Федора, сына покойного царя от первого брака, расстановка сил при Дворе изменилась в пользу Милославских, а Нарышкины и их приближенные, включая Матвеева, отправились в ссылки. Болезненный царь, не достигший 15-летнего возраста, нуждался в советниках. Вначале это был боярин И.М.Милославский, затем И.М.Языков и братья А.Т. и М.Т.Лихачевы, сыгравшие решающую роль в разработке реформ 1679–1682 гг. [20, с.348–398].

Изменения круга лиц близких к престолу не могли не влиять на состав служащих органов государственного управления. В 1670–1682 гг. очень часто менялись не только главы московских приказов, но и приказные дьяки. Не был исключением и Разрядный приказ. В этом отношении ситуация напоминала времена Смуты [см.: 17, с.63–64, 84, 128–129, 135, 154–155, 160 и др.]. В таких условиях представителей правящей элиты больше заботили личная безопасность и возможность правильного выбора между враждующими наследниками царя Алексея Михайловича, чем служебные обязанности.

**«Тебе зато от нас,
великих государей,
быть смертной казни»**

В первый год царствования Федора Алексеевича в Короченскую съезжую избу доставлено 20 грамот, отправленных из Разряда с 15 мая

1676 г. по 1 мая 1677 г. Все они, за исключением первой грамоты, адресованы воеводе Никифору Петровичу Яцкову. Как и в прошлые годы, московские власти интересовали вопросы обороноспособности городов Белгородского полка и своевременное поступление налогов, по которым у жителей Корочи образовалась задолженность за многие годы. Однако в отличие от предыдущего периода, разрядным дьякам нередко приходилось посылать воеводе по несколько указов, чтобы добиться от него исполнения распоряжений.

6 из 20 грамот, полученных Яцковым, касались строительства новой крепости. В грамоте от 23 августа 1676 г. воеводу по традиции пред-

Портрет Федора Алексеевича Романова

остерегали: «Учнешь от того городского дела у кого посулы и поминки иметь и в том городском деле учиришь мотчанье, и тебе за то от нас, великого государя, быть в великой опале и в наказанье безо всякой пощады» [3, с. 118–119. №40]. В дальнейшем эти угрозы были дополнены обещанием денежных штрафов. 1 февраля 1677 г. из Москвы писали, что в Корочу будут посланы дозорщики, «и если по их досмотру у тебя, где чего будет не сделано, (...) за то тебе быть в великой опале, да на тебе взято будет денежная пеня двести рублей и больше» [3, с. 129. № 152]. В грамоте от 1 марта 1677 г. воеводе выговаривали, что он «поставил себе в оплошку» указ, посланный ему 12 февраля, и о строительстве крепости до 1 марта не писал и сметных книг в Разряд не прислал; от него требовали, чтобы писал обо всем государю, «не дожидаясь иного указа с опалой». В назидание грозили ему всеми видами наказаний. «Буде ты учнешь те крепости делать нерадетельно и медленно, или в том кому

учинишь какую, хотя малую, поноровку для своей корысти, (...) за то тебе быть в жестоком наказанье и разоренье без всякого милосердия и пощады, да на тебе ж за ту твою оплошку и поноровку доправлена будет денежная пеня большая, и с Корочи переменят тебя преж указанного срока, вскоре» [3, с. 129–131. №153]. Несмотря на получение грамот от 12 февраля и 1 марта, воевода продолжал хранить молчание: о строительстве крепости не писал и никаких сведений о том в Разряд не присылал. 20 марта от воеводы потребовали, чтобы строительство было завершено до начала пахотных работ. Яцкову пригрозили, что в противном случае, «то дело велено будет сделать мимо тебя, а тебя за твое непослушание с Приказу переменят, да на тебе ж доправлено будет пени двести рублей» [3, с. 133–134. №156]. Вероятно, после этого воевода прислал в Москву требуемые сведения, но работы по ремонту и строительству крепости весной не закончились. Грамотой от 6 апреля 1677 г. воеводе повелевалось сообщить, что из прежних крепостных сооружений отремонтировано и что «вновь построено будет», чтобы обо всем «к нам, великому государю, писал именно, и тому городовому делу книги прислал в Разряд же» [3, с. 132–133. №155].

Московские власти не просто добивались исполнения и других, не менее важных распоряжений. Так, с сентября по декабрь 1676 г. в Корочанскую съезжую избу были посланы три грамоты о срочной высылке в Разряд таможенного и кружечного двора головы, целовальников и дьячка с отчетными документами и выбором⁸ на нового голову. 1 ноября Разряд повторил это требование, пообещав воеводе, что в противном случае на нем «доправлена будет денежная большая пеня». 8 декабря из Москвы послан третий указ. На этот раз воеводу обвиняли в злоупотреблениях («знатно ты в высылке норовишь для своих взятков») и требовали выслать их срочно, не дожидаясь иного указа «и на себя опалы» [3, с. 124, 125, 126–127. № №147, 148, 150]. Не исключено, что именно в эти годы сложилась практика, определявшая в XVIII в. отношение местных начальников к распоряжениям центральных учреждений: «ждать третьего указа».

Следующие 40 грамот датированы 1685–1687 гг. К этому времени в жизни России произошли важные события. Поворотным стал 1682 г.: 27 апреля умер царь Федор Алексеевич и возведен на царство Петр Алексеевич [2, т. 2, с. 381. №914, 27 апреля 1682 г.], которому не исполнилось и десяти лет; 15–17 мая в Москве произошел стрельцкий бунт, когда были убиты многие вельможи и сторонники Нарышкиных, в том чис-

⁸ В данном случае выбор – это документ, подтверждающий результаты выборов.

ле: А.С.Матвеев, братья царицы И.К. и А.К.Нарышкины, И.М.Языков, князя Г.Г.Ромодановский, Ю.А. и М.Ю.Долгорукие [см.: 21, с.50–66]; 26 мая принят указ «О совокупном восшествии на Всероссийский престол государей царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича» [2, т.2, с.398, №920, 1682 г., 26 мая].

Двойной трон на двух царей

С этого времени воеводы Корочи получали грамоты «от царей и Великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великая, и Малая, и Белая России Самодержцев...» Факт нахождения на престоле двух царей с трудом укладывался в мировосприятие русского человека, убежденного в том, что как на небесном, так и на земном престоле может быть только один царь. Однако через несколько лет Россией управляли уже три самодержца. В Полном собрании законов указ о включении в титул имени царевны Софьи датирован 8 января 1687 г. [2, т.2, с.846, №1231, 1687 г., 8 января]. Однако воеводе Корочи грамоты от имени трех самодержцев приходили уже в 1686 г. На первой из них стоит дата: «лета 7194 (1686 г.), июня в 15 день». Эта грамота, как и все последующие, начинается словами: «От Великих Государей, царей и Великих князей, Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, и Великой

Государыни, Благоверной Царевны и Великой Княгини Софьи Алексеевны, всея Великия, и Малыя, и Белья России Самодержцев...»⁹ [3, с. 141. № 165]. С таким титулом посланы 33 из 40 грамот 1685–1687 гг., сохранившихся в архиве Корочанского уездного суда. Очевидно, что дата начала в России «троевластия» требует уточнения.

До ноября 1687 г. грамоты приходили на имя воеводы Тимофея Савельевича Панютина, затем – Ивана Ивановича Вердеревского. Как и в предыдущие годы, правительство интересовало два вопроса: 1) своевременное поступление денежных средств и хлебных запасов для выплаты жалованья ратным людям и 2) возвращение беглецов в Белгородский полк и подготовка походов против набегов «крымчаков» и других неприятелей. Интересно, что среди 40 грамот не оказалось ни одной, касавшейся дел челобитчиков; их не было и среди грамот Федора Алексеевича и грамот последних лет царствования Алексея Михайловича.

В отличие от первой половины XVII в. денежное жалованье служилым людям уже не привозили из Москвы, а выплачивали из налогов, собираемых с местного населения. Грамотой от 9 октября 1685 г. воеводе запрещалось самому расходовать деньги из таможенных и окладных сборов, так как они «на государево жалованье»; при нарушении указа «те деньги доправлены будут тебе, и на людех, и на крестьянах твоих» [3, с. 140. № 164]. Судя по грамотам, посланным из Москвы в декабре 1685 г., феврале, марте и мае 1686 г., таможенные, кабацкие и оброчные деньги собирались с большим трудом. Иногда правительству приходилось решать финансовые вопросы в экстренном

Прогулка правительницы Софьи Алексеевны

⁹ Последняя грамота с именами в титуле только Ивана и Петра Алексеевичей датирована 7 июня 1686 г.

порядке. 11-го мая 1686 г. в порубежные города был послан подьячий приказа Большой казны, чтобы собрать 2845 рублей на выплату жалованья московским стрельцам Белгородского жилого приказа. Воеводам этих городов предписывалось отдать подьячему все наличные таможенные и кабацкие доходы и отправить его в Белгород с провожатыми [3, с. 138. № 162].

Московские власти постоянно напоминали воеводе Панютину о присылке денег, поступавших в казну с большим опозданием и не в полном объеме. Возникали проблемы и с пополнением хлебных запасов. К ноябрю месяца 1686 г. у жителей Корочи образовалась большая недоимка по хлебу, так как в течение четырех лет, начиная с 1683 г., они не платили стрелецкий хлеб. Воеводе повелевалось в декабре собрать недоимку, в противном случае хлеб доправят на нем и отвезут в Белгород на его подводах [3, с. 151. № 174].

По традиции власти стимулировали исполнительность воевод обещаниями наказаний. Но в отличие от предыдущего периода, когда правительство угрозами «вечной опалы» и «всеконечного разорения» сопровождало любое распоряжение, в 1680-е гг. суровость наказания зависела от важности поручений и скорости их исполнения. Так, при недоборе денег или задержки с их доставкой воевода должен был заплатить штраф и возместить недополученные казной доходы, а если денег не хватало, то у него могли забрать имущество, поместья и вотчины. Такие же финансовые потери ожидали воеводу при задержке с высылкой собранных денег. В третьем по счету указе ему грозили, что доправят те деньги на нем, его людям и крестьянах [3, с. 135–152. № № 164, 158, 159, 160, 162, 165, 168, 172, 173, 175].

Не меньшие проблемы возникали и при сборе 10-й деньги, шедшей на жалованье ратным людям. В грамоте от 30 сентября 1686 г. воевода получил предписание собрать и прислать 10-ю деньгу до 1-го декабря. Но он денег в срок не прислал и в Москву не писал. 3-го декабря в Корочу послана еще одна грамота, в которой власти обвинили воеводу в том, что он норовит посадским, торговым и промышленным людям «для своих корыстей» и назначили новый срок: выслать деньги и окладные книги до 25 декабря. В случае неисполнения указа воеводе за «нерадение и поноровку» грозили опалой и штрафом в 200 рублей. Но при всем желании воевода не мог исполнить указ, так как грамоту ему доставили только 12 января 1687 г. В марте 1687 г. воевода получил третью грамоту с выговором за невысылку 10-й деньги, и предупреждением: если скоро

деньги не вышлет, то 10-я деньга будет доправлена на нем [3, с. 155–156. № № 177, 178].

В 1680-е гг. широкое распространение получило такое явление, как бегство ратных людей из Белгородского полка. Оставив службу, они возвращались в свои города и дома. Воеводам следовало сыскивать беглецов, наказывать (порой «бить батоги нещадно») и возвращать в полк. Правительство уделяло этому вопросу большое внимание, о чем свидетельствуют многочисленные грамоты, отправленные в Корочу. Только в 1687 г. послано одиннадцать таких грамот [3, с. 157–174. № № 179, 180, 181, 183, 184, 186, 187, 190, 191, 192, 196]. Очевидно, что воевода не торопился исполнять эти предписания, поэтому грамоты нередко начинались словами: «Писано к тебе многожды» или «Многожды писано к тебе с большим подтверждением». Неисполнение указов власти объясняли корыстолюбием воеводы. 30 марта ему писали: «Ратные люди живут по домам, и в высылке их учинил ты им поноровку, забыв наше государское повеление» [3, с. 162–163. № 183]. Подозревали Панютина и в злоупотреблениях при высылке в полки подвод жителей Корочи. Его предупреждали: «А будет ты в том кому поноровишь, или с которых подводчики с подводы написаны наперед сего, и ты приметками своими станешь других спрашивать, или подводчиков с подводы тотчас в полк не вышлешь, и от того с них хотя малому взятку коснешься, и от нас, великих государей за то тебе быть в торговой казни и разоренье, безо всякого милосердия и пощады вечно, бесповоротно» [3, с. 160–161. № 182]. Перспектива быть всенародно битым кнутом не испугала воеводу. Требования выслать в полки ратных людей, лошадей и подводчиков с подводами повторялись в грамотах 30 марта, 19 и 22 апреля (№ № 183, 184, 186). Медлительность воеводы в исполнении указов заставила власти угрожать ему высшей мерой наказания: «А буде тех ратных людей и полковых подъемных лошадей и подводчиков с подводы не вышлешь и тебе за то от нас, великих государей, быть в смертной казни» [3, с. 165–166. № 186]. Вероятно, угроза подействовала. В последующие месяцы 1687 г. дьякам Разрядного приказа не пришлось писать «многожды», чтобы добиться исполнения указа.

Последние одиннадцать грамот, сохранившихся в архиве Короченского уездного суда, относятся к первой половине 1701 г. За 13 лет, прошедших с 1687 г., в стране произошли огромные изменения. Почти двадцатилетний период борьбы Милославских и Нарышкиных у престола и за престол в 1689 г. закончился победой Петра. Указом 7 сентября имя Софьи было исключено из царского титула, а она сама в том же ме-

сяце заточена в Новодевичьем монастыре. Ее ближайшего соратника кн. В.В.Голицына («за самовольное внесение в царский титул имени вел. кн. Софьи Алексеевны (...) сверх того бесполезный поход против крымского хана») лишили боярства, всего имущества, вотчин и отправили в ссылку. Третий участник триумvirата глава Стрелецкого приказа Ф.Л.Шакловитый обвинен в заговоре против Петра и Нарышкиных и 11 сентября казнен как «бунтовщик и изменник» [2, т. 3, с. 32–34. № № 1347, 1348, 1349, 7, 9 и 11 сентября 1689 г.]. Одержав победу над Софьей, Петр делами управления не занимался; в 1690-е гг. всем ведали царица Наталья Кирилловна, ее родственники и близкие к ним люди. Это время оставило по себе недобрую память. Именно тогда злоупотребления чиновников и казнокрадство в высших структурах власти достигли огромных размеров [см.: 16, с. 63–66, 74–75].

К сожалению, грамоты воеводам Корочи 1690-х гг. отсутствуют, но, вероятно, ситуация там мало чем отличалась от других городов. Не случайно в грамотах 1701 г. воеводу часто обвиняли во взяточничестве и обещали казнить. После смерти в 1696 г. царя Ивана на русском престоле вновь остался один самодержец, что нашло отражение в грамотах, адресованных воеводе стольнику Дмитрию Игнатьевичу Селиванову. В первой половине 1701 г. правительство интересовалось, прежде всего, сбором денежных средств и своевременным поступлением их в казну. Этим вопросам посвящены восемь из одиннадцати грамот [3, с. 176–185. № № 198, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 207]. К этому времени налогов стало больше, а требования к воеводе со стороны властей возросли. От Селиванова постоянно требовали срочной присылки денег: судебных пошлин, денег за службу, собранных с тех, «кому велено остаться дома», оброчных платежей, сборов с промыслов и пр. При царе Петре сохранялась практика грозить наказаниями за несовершенные злоупотребления. Так, в январе за задержку с отправкой судебных пошлин воеводе обещали доправить на нем сто рублей, «без всякого милосердия и пощады» [3, с. 176. № 198]. В грамоте от 22 марта Селиванову писали по поводу денег за службу: если «вскоре не соберешь и к Москве в нынешнем марте месяце не пришлешь, или ты и подьячие учнете от того имать взятки, и вам за то быть в казни без пощады» [3, с. 178. № 200]. Когда эту грамоту доставили в Корочу неизвестно, но, судя по всему, уже после назначенного срока. 27 апреля из Разряда отправлена еще одна грамота с таким же текстом, как предыдущая, но без указания конкретного срока присылки денег (получена 7 мая) [3, с. 180–181. № 203].

Причину медленного поступления в казну сборов с населения центральные власти видели в личной заинтересованности воеводы. Его неоднократно обвиняли в том, что он дает сроки неплательщикам «для своих с них взятков и корыстей» (№201, 204, 205). За задержку в сборе и отправке денег ему грозили жестоким наказанием без всякого милосердия и пощады и конфискацией вотчин и поместий. Но деньги не были высланы, и разрядным дьякам пришлось грамоту от 24 мая послать еще раз 22 июня, повторив ее слово в слово [3, с. 181–183. № №204, 205].

Собираемые в Корочи налоги отправлялись не только в Москву, но и в Белгород на выплату жалованья солдатам (№207). Судя по двум отпискам, посланным 10 февраля и 15 марта 1701 г. из Белгорода в Короченскую съезжую избу, воевода Корочи был подчинен властям Белгорода не только в военном, но и административном отношении. Сметные книги по городу Короче высылались уже не в Разряд, а в Белгород, чтобы оттуда их доставили в Москву. Из Белгорода привозят отписки с различными предписаниями и требованием присылать собранные деньги и писать воеводам Белгорода [3, с. 52]. Очевидно, что к этому времени в значительной степени был реализован указ Алексея Михайловича 1652 г., по которому воеводам порубежных городов повелевалось по своим делам писать воеводам главных городов, а не разрядным дьякам. Следующим шагом в этом направлении стало проведение в 1708 г. губернской реформы, выстроившей непреодолимую преграду между верховной властью и местными администраторами в лице многочисленных губернских начальников.

* * *

Изучение документов съезжей избы города Корочи за достаточно протяженный период времени позволило сделать ряд наблюдений.

1. Прежде всего, между дьяками Разрядного приказа и городовыми воеводами существовало тесное взаимодействие. Судя по отпискам И. А. Милославского, воеводы все свои действия согласовывали с Москвой и самостоятельно никаких вопросов не решали. В свою очередь, приказные дьяки отличались высоким профессионализмом и хорошо знали особенности управляемых городов.

2. Заметные отличия в содержании грамот, посылаемых воеводам от имени Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, показывают, что в управленческом процессе важную роль играла верховная власть в лице царя и Думы.

3. Доверительное отношение к воеводам как одному из звеньев государственного управления, характерное для первой половины XVII в., при Алексее Михайловиче сменилось полным к ним недоверием. Постоянными угрозами наказаний за несовершенные проступки правительство ставило под сомнение исполнительность и честность воевод, независимо от того, кто исполнял эту должность. Такое отношение могло привести только к обратным результатам. К концу царствования Алексея Михайловича, и особенно при его наследниках, исполнительская дисциплина местных администраторов заметно ослабела. Во многом это было связано с общей обстановкой в структурах власти.

4. Борьба за престол между Милославскими и Нарышкиными негативным образом влияла на все уровни управления, включая местный. Конфронтация внутри правящей элиты и частая смена руководства приказов расшатывали, но не разрушали базовых начал организации приказной системы управления.

Библиографический список

1. Российский государственный архив древних актов. Опись фонда 1130. Корочанская приказная изба. 1642–1715 гг.
2. Полное собрание законов Рос. имп. 1-е собр. СПб.: Печатано в типографии II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. Т.1. 1029 с. Т.2. 974 с. Т.3. 690 с.
3. Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям, через корочанского воеводу Ив.Милославского / Сообщил Ф.Зайцев. С общим обозрением и описью их, составленной г. директором Московского архива Министерства юстиции П.И.Ивановым // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те. М.: Унив. тип., 1859. Кн.2. Разд.2: Материалы отечественные. Разд. паг. С.54, 254.
4. Андреевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб.: Тип. Ф.Праца, 1864. 156 с.
5. Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII в. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1902. 611 с.
6. Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере. Т.2. М.: Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1912. 311 с.
7. Важинский В.М. Состав населения и обеспеченность его землей на юге России в XVII веке // Власть и народ: проблемы взаимодействия (XVII – начало XX вв.): материалы IV Бартевских чтений. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 2010. С.83–99.
8. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муницип. учеб.-метод. центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.

9. Веселовский С.Б. Приказный строй управления Московского государства // Веселовский С.Б. Московское государство XV–XVII вв. Из научного наследия. М.: АИРО–XXI, 2008. С.352–378.
10. Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры // Собрание сочинений. СПб.: Тип. И.Бочкарева, 1899. Т.1. С.37–297.
11. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. В 4 т. Т.1: А–З. М.: Изд. группа «Прогресс» «Универс», 1994. 1744 стб.
12. Заозерский А.И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Петроград: Тип. «Научное дело», 1917. 351 с.
13. Ключевский В.О. Боярская Дума древней Руси. СПб.: Лит.-изд. отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919. 543 с.
14. Козляков В.Н. Царь Алексей Тишайший: Летопись власти. М.: Молодая гвардия, 2018. 650 с.
15. Котков С.И., Ларионова А.П. Материалы Корочанской приказной избы // История русского языка: Исследования и тексты. М.: Наука, 1982. С.370–383.
16. Куракин Б.И. Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях. 1682–1694 гг., сочинение кн. Б.И.Куракина, написанное в Гааге и Париже в 1723–1727 гг. // Архив кн. Ф.А.Куракина. Кн.1. СПб.: Тип. В.С.Балашева, 1890. С.39–78.
17. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303 с.
18. Мрочек-Дроздовский П.Н. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. Ч.1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 г). М.: Унив. тип. (Катков), 1876. 350 с.
19. Наумов В.П. Царевна Софья. М.: Молодая гвардия, 2015. 367 с.
20. Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на Российском престоле. М.: Русское слово, 2000. 460 с.
21. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 т. Т.VII. М.: Мысль, 1991. 701 с.
22. Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII в. М.: Археологический центр, 1997. 283 с.

Елена Жбанкова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

РОЛЬ И МЕСТО САЛОННОГО ТАНЦА В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ В ДОРЕВОЛЮЦИОН- НОЙ РОССИИ

УДК
930

К середине XIX века культура преподавания салонного (бального) танца в России достигла высокого развития. Сложилась настоящая система обучения танцу, ключевую роль в которой играл преподаватель. В его функции входила не только обязанность разучить танцевальные движения, но и воспитывать учеников в правилах этикета, присущего светскому обществу. «Танцеванию» учили маленьких детей дома, в начальных, средних и высших учебных заведениях по программам, принятым Министерством народного просвещения. Модным новинкам молодежь и взрослые люди обучались в танцклассах, открываемых профессиональными танцовщиками.

By the middle of the XIX century, the culture of teaching salon (ballroom) dance in Russia had reached a high level of development. There was a real system of dance training, in which the teacher played a key role. His functions included not only the duty to learn dance moves, but also to educate students in the rules of etiquette inherent in secular society. "Dancing" was taught to young children at home, in primary, secondary and higher educational institutions according to programs adopted by the Ministry of Public Education. Young people and adults were trained in fashionable novelties in dance classes opened by professional dancers.

Ключевые слова: учитель; танцкласс; учебная программа; воспитание; нравственность.

Key words: teacher; dance class; curriculum; education; morality.

E-mail: evzhsbankova@mail.ru

*Учитель танцев – это не работа;
Это призванье, это путь к мечте!
Не зря по нашим лицам струйки пота
Прокладывают тропку к красоте.*

*Хореография – наука красоты.
Как плавны линии движений.
Раз создаешь шедевры ты,
То значит, ты зовешься гений.*

*Когда ты развиваешься в танцах,
все твои недостатки постепенно
становятся твоими достоинства-
ми. Рано или поздно, но становятся.*

Генри Линк

День прошел зря, если я не танцевал.

Ницше

К середине XIX в. в России уже существовала целая система обучения бальным танцам. В государственных и частных средних учебных заведениях, военных учебных заведениях, иностранных пансионах учебным предметом были уроки танцев, называемые «танцеванием». Здесь подрастающее поколение обучалось основам салонного танца и умению вести себя в бальном зале. Модные новинки молодежь и люди более старшего поколения могли освоить в разного рода танц-классах, содержали которые, в основном, профессиональные танцовщицы и балетмейстеры. В этих же классах человек мог также получить навыки исполнения классических бальных танцев. Широкое распространение получил наем частного учителя танцев для отдельной семьи.

Необходимо отметить, что бальные танцы были практически единственным способом, позволяющим получить какие-либо физкультурные навыки. В те времена в привычке у людей не было практики регулярных гимнастических упражнений, тогда еще широко не говорили о необходимости телесной тренировки для поддержания жизнедеятельности. Поэтому именно бальный танец в достаточной степени позволял поддерживать человеческий организм в физическом тонусе. Бальные танцы, если к ним

Фрагмент картины «Могу ли я пригласить Вас на этот танец?»
британского художника Александра Марка Росси

подойти именно со спортивной стороны, вполне могли предоставить человеческому организму определенную физическую нагрузку на разные группы мышц. Так как на балу существовал определенный порядок чередования танцев, то и физическая нагрузка варьировалась в зависимости от сложности исполняемого танца. Если человек танцевал весь вечер, то его организм получал серьезную мышечную нагрузку, иногда даже и чрезмерную. Так как обучение танцу начиналось с детства, то физические нагрузки становились привычными, часто желанными и благоприятно должны были сказываться на самочувствии танцора. Особенно важно это было для девочек, так как женщина вплоть до XIX века (речь, конечно, идет о высших сословиях), кроме бальных танцев никакой другой телесной тренировки не имела. У мужчин в обычае существовали и другие физические упражнения: охота, верховая езда, фехтование и пр. Тем не менее бальный танец занимал первое место в ряду сознательных физических действий даже и для мужчин, хотя бы потому, что умение танцевать было обязательным. Это положение подтверждается еще и тем обстоятельством, что кроме физических нагрузок, которые, кстати, никогда не были самоцелью, в процессе обучения бальным танцам и при исполнении их уже на балу, нужно было все время вести себя соответственно правилам,

принятым в обществе. Иными словами, культура салона серьезным образом влияла на воспитание и нравственность исполнителя бального танца. Танец является ярко выраженным художественным способом физического движения, древнейшей формой «искусства движения». Приобщать людей к этому искусству должны были преподаватели бального танца, функции которых в XVIII–XIX веках были весьма многообразны.

Обучение в танцклассах или же у частного учителя имеет свои истоки еще в XVIII в. Первыми преподавателями бальных танцев в России были пленные шведские офицеры, которые за небольшую плату обучали русское общество хитростям бальной науки. Семью Петра I обучал Иоганн Кунст, прибывший из Данцинга [16, с. 7].

В 1738 г. в Шляхетном корпусе в Санкт-Петербурге появляется танцкласс Ж.Ланде, ставший впоследствии базой для создания профессиональной балетной школы в России, заложившей традиции современной Академии балета имени А. Я. Вагановой. С этого времени ведется постоянная практика преподавания бальных танцев представителям высшего сословия русского общества профессиональными танцовщиками и балетмейстерами. Сам Ж.Ланде давал танцевальные уроки в кругах, близких к Императорскому двору [10, с. 13].

В 1763 г. танцмейстер сухопутного Шляхетского кадетского корпуса Пелен объявляет, что «для способности тех, кто не намерены нанимать особливых танцмейстеров у себя на дому, иметь он будет танцзалу, где мужескаго полу обучать будет танцовать менуэты, польские, контрдансы и пр. Сие обучение начинается в 6 часов пополудни по понедельникам, средам, субботам» [12, с. 9]. Это был первый известный в России танцкласс.

В это же время появились танцклассы у балетмейстера немецкого театра Жирарда, итальянского Бартоло Фаччиоли, танцмейстера Штерпе. В 1769 г. в Петербурге на Мойке открылся танцзал у столяра Кинта, где

Жан-Батист Ланде

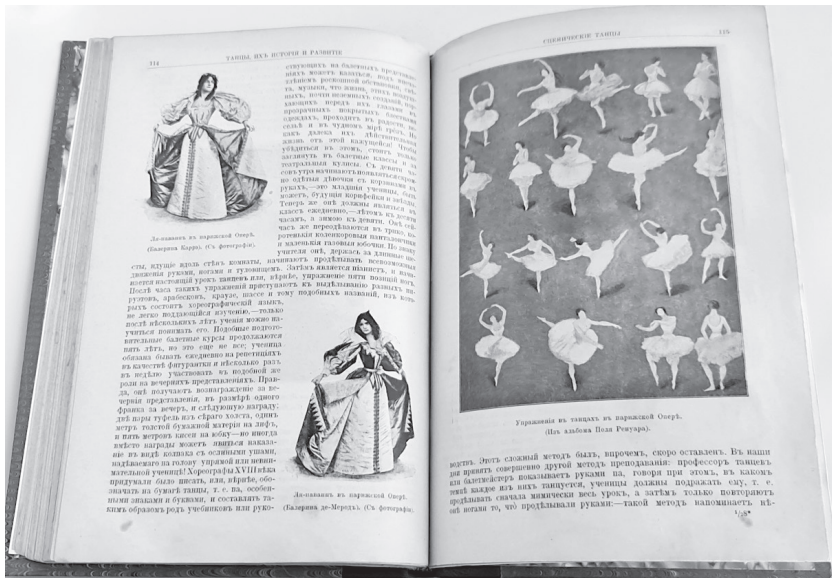

Шляхетский корпус (дворец Меншикова в Санкт-Петербурге). Современное фото

каждое воскресенье «будет музыка». Мужчины платили за посещение 25 копеек, женщины входили бесплатно [12, с. 11].

Обучение сложному искусству «танцевания» в дворянской России на рубеже XVIII–XIX вв. было поставлено довольно широко. Как правило, модным западным танцам учились у специальных танцевальных учителей в их танцклассах, выбирая из них самых модных и знаменитых. По обычаю прошлого века, эти учителя были либо французами, либо, что реже, итальянцами. По французской моде складывалась и манера обучения, и отношения, возникающие между учителем и подопечным. В книге «Танцы, их история и развитие с древнейших времен до наших дней» приводится выдержка из наставлений желающим обучиться танцевальному искусству.

Речь идет о том, с каким почтением ученики должны были общаться со своим учителем танцев. «Полагается, чтобы ученик спешил навстречу учителю, как только тот покажется. Следует встретить его весьма вежливо, отвесить ему два поклона, первый очень глубокий, второй менее низкий, затем ввести его в комнату и предложить ему кресло. После урока ученик должен проводить учителя до дверей, опять отвесить два почтительных поклона и поблагодарить его за труд и за то внимание, которое он оказал ученику» [14, с. 64].

Книга «Танцы, их история и развитие с древнейших времен до наших дней»

Самыми модными танцмейстерами, имеющими свой танцкласс для высшего общества, в начале XIX в. в Петербурге были: Ле Пик – французский артист, балетмейстер, один из преподавателей петербургской балетной школы; Огюст Пуаро, известный в России под именем Огюст, – французский артист, балетмейстер, с 1798 г. танцовщик, балетмейстер и педагог в Петербурге; сам Ш. Дидло – руководитель балетной части Петербургского балетного училища и главный балетмейстер; знаменитые балерины Е. Колосова и М. Новицкая и др.

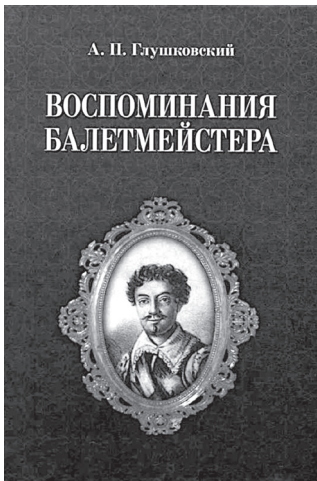
В Москве наибольшей популярностью пользовались танцклассы А. Глушковского – главного балетмейстера Большого театра и П. Йогеля – знаменитого преподавателя салонных танцев.

Шарль Ле Пик

Евгения Колосова. Худ. А.Варнек

Адам Глушковский на обложке книги

В начале XIX в. самым популярным танцмейстером в Москве был П. А. Йогель, который начал свою преподавательскую деятельность в январе 1800 года и продолжал ее в течение 50 лет, научив танцевать три поколения москвичей. Известно, что его танцкласс и балы посещал А. С. Пушкин, некоторые декабристы. Он также преподавал в Императорском Московском университете.

Йогель великолепно знал все балльные танцы, хотя он никогда не был профессиональным танцовщиком. Он говорил по-русски и по-французски, обладал обширными познаниями в области европейской и русской музыки. О балах в его танцклассе в Москве А. Глушковский в своих мемуарах отзывался следующим образом:

«Его балы как бы составляют середину между балами общественными и частными. Они соединяют в себе все преимущества тех и других, отлагая их неудобства. В них нет недоступности балов частных, на которые не всякий может попасть, в них нет отчужденности балов общественных. Простота и патриархальность – вот что господствует на этих балах, с присоединением непрременной веселости. На этих балах одно общество: это ученики П. А. Йогеля, которые всегда за непремный и весьма приятный долг считают явиться на этот бал с тем, чтоб изъявить

дань своего уважения своему старому учителю, доставив ему и себе удовольствие посещением этого бала... Отличительное свойство балов Йогеля – это веселость, невольно охватывающая вас, заставляющая вас даже против воли танцевать и пожалеть при окончании бала, зачем он так рано кончился, это веселость, которую почтенный и веселый до сих пор хозяин всегда умеет вдохнуть в свои празднества» [4, с. 193].

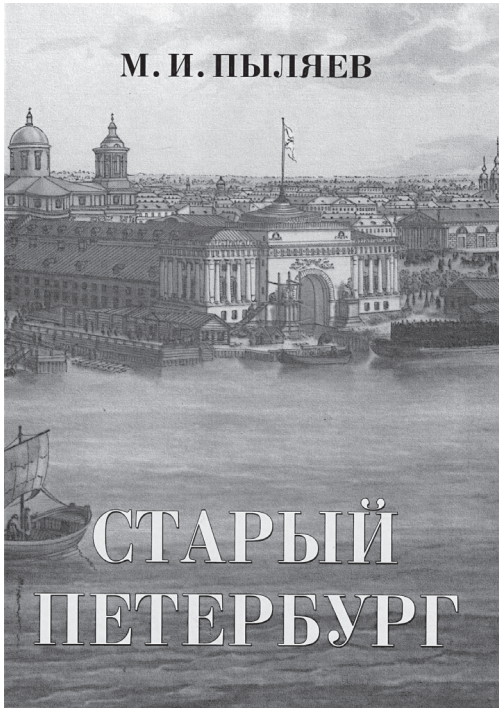
А.С.Пушкин на балу у П.А.Йогеля

В «Войне и мире» Л.Н.Толстого, где подробно освещается жизнь московского дворянства, есть описание бала Йогеля, на котором Наташа и Денисов танцевали мазурку [15, с.51].

С момента появления с середины XVIII в. танцклассы имели довольно демократическую основу. В теории посещать их могли представители разных социальных слоев, так как открывались они людьми, сведущими в хореографии, в первую очередь для того, чтобы заработать деньги. Тем более что высшее общество, как правило, танцклассов не посещало, довольствуясь частными учителями. Однако некоторые танцклассы, к примеру, П.Йогеля, создавались специально для дворянства. Но их было не так много. В основном, танцклассы все же были рассчитаны на публику попроще.

Мелкое чиновничество, средний класс и купцы также учились модным танцам, посещая второстепенных танцмейстеров. Самым известным был итальянский танцовщик Мунаретти, в молодости танцевавший в петербургском и московском Больших театрах.

Танцевальный класс Мунаретти был открыт в Москве в 1818 г. В него ежедневно съезжались ученики разных сословий. «Часто у него в танцклассе можно было видеть в составе кадрили людей пресмешных, с которых можно бы написать преоригинальную картину: мальчика лет восьми с булочкой в руке, прыгающего чижиком (у Мунаретти во время танцклассса можно было иметь завтрак), немца-старичка с подвязанными зубами, который кашляет, задыхается, но танцует до поту лица, изгибаясь и делая разные курбеты; армянина в национальной одежде, с черной бородой, серьезным лицом, ворчащего про себя, что не понимает слов танцмейстера, который дурно объяснялся по-русски и взамен слов употреблял довольно забавную пантомиму; из магазинов пожилых иностранок в папильотках на голове, которые со всеми грациями стараются выделять па-де-зефир и, поглядывая на всех, как будто спрашивали: "А что, каковы мы?"» [4, с. 197].

Книга М.Пыляева «Старый Петербург»

Мунаретти всегда объяснял своим ученикам все движения, проводя своего рода лекции, несмотря на плохое знание русского языка. Его танцкласс был чрезвычайно популярен из-за дешевизны уроков. При танцклассе Мунаретти была открыта итальянская кухня, где можно было отведать кушанья, приготовленные по классическим итальянским рецептам. Это также прибавляло известности урокам Мунаретти. Кроме того, он часто устраивал вечера-маскарады, где молодежь обычно находила весьма интересные приключения [4, с. 198].

Кроме танцклассов городская молодежь могла

танцевать в специальных танцевальных клубах. Известно, например, что в самом конце XVIII в. для лиц мещанского и купеческого сословий в Петербурге было открыто два таких клуба [11, с.283].

В 1862 г. в Петербурге насчитывалось 26 танцклассов, самыми популярными из которых были танцклассы К.Марцинкевича, Л.Кессених и С.Гебгардта [6, с.183].

На протяжении XIX в. в деле обучения бальным танцам происходили некоторые существенные изменения. В начале века основную роль в этом процессе играли частные учителя и танцклассы, так как обучению подвергались в основном взрослые люди, непосредственно принимающие участие в балах, и для которых умение танцевать в ту пору было необходимым. В течение XIX века возрастает роль учебных заведений в приобретении хореографических навыков, так как в соответствии с проведением ряда реформ Министерством народного просвещения, заметно увеличивается количество учебных заведений, в которых дети одновременно с прочими науками изучают основы хореографии. Но и танцклассы, и частные учителя по-прежнему остаются. Более того, количество их растет, так как теперь общественный танец становится достоянием все более и более широких слоев населения. Чаще всего среди занимающихся в танцклассе – выходцы из неаристократических слоев общества, то есть те люди, детство которых прошло без обязательных уроков хореографии.

На этих же людей были рассчитаны и многочисленные пособия–самоучители салонных танцев. В XIX в. появляется большое количество подобных изданий, что само по себе свидетельствует о стабильном интересе общества к хореографической практике. Этот же факт говорит о попытках преподавателей бальных танцев обобщить свой опыт, поделиться им с читателями, а также попробовать создать теоретические и методические основы обучения салонным танцам.

Своеобразным доказательством важности такого предмета, как «танцевание», является художественная литература. В частности, в автобиографическом романе «Юнкера» А.И.Куприна в образе юнкера Александрова мы видим молодого человека конца XIX века, для которого танец есть не просто развлечение, а важная составная часть быта будущего офицера.

Сам А.И.Куприн учился в Александровском училище. Расписание занятий юнкеров Александровского училища можно привести в пример, чтобы точнее понять, какое место и время танец занимал в повседневной жизни юнкера.

Здание Александровского училища в Москве. Фото XIX века

В период с 1 сентября по 1 апреля юнкера Александровского училища жили по следующему расписанию:

6.30 – подъем

7.15–7.45 – утренняя молитва, гимнастика, утренний осмотр, чай, амбулаторный осмотр доктором юнкеров, нуждающихся в осмотре врача, прогулка.

12.10–12.40 – завтрак

8–13.35 – классные занятия

13.45–15.45 – строевые занятия

16 – обед

16.30–17.30 – отдых

17.30–20 – репетиции

Один раз в неделю – 18–20 – гимнастика и фехтование.

20.30 – чай

20.45 – молитва, заря, вечерние занятия

23 – отбой [1, с. 18].

Танцам юнкера обычно обучались в субботний день, но иногда могли позаниматься ими в часы, отведенные на гимнастику и фехтование, а иногда и в часы, посвященные репетициям.

Для развлечения юнкеров зимой устраивался бал, а летом раз в неделю в столовой играла музыка, на которую иногда разрешалось приглашать родственников и знакомых и устраивать небольшой танцевальный вечер [1, с. 19].

В разное время танцы в Александровском училище преподавали артисты Императорских театров: Иван Дмитриевич Никитин, Арнольд Христианович Гиллерт, Иван Матвеевич Ежов и Иван Алексеевич Ермолов. Последний преподавал также в женском Екатерининском институте в Москве.

Здание Екатерининского института в Москве. Фото XIX века

И. А. Ермолов был известен также тем, что частным образом учил бальным танцам детей московского купца С. В. Алексеева, в том числе и Костю Алексеева (по сцене – К. С. Станиславского). Несколько раньше в этой же известной московской купеческой семье танцы преподавала знаменитая русская балерина Е. Санковская [9, с. 403]. Она также вела уроки танцевания в московской гимназии. Этим мы еще раз хотим подчеркнуть: ведущие артисты русского балета с целью дополнительного заработка довольно часто выступали в роли частных преподавателей бальных танцев.

Екатерина Александровна Санковская. Худ. Е.Федорова

Распорядок дня учащегося в обычной гимназии походил на распорядок дня учащегося военного учебного заведения. На танцы времени отводилось примерно столько же.

В женском Екатерининском институте в Петербурге, по воспоминаниям учившейся там Н.Грот, был следующий распорядок дня:

6 – подъем

7 – молитва

7.30 – утренний чай

8 – выполнение домашних заданий в классе

9–12 – уроки

12 – обед

13–14 – отдых

14–17 – уроки

17 – чай

18–20 – считалось временем приготовления уроков, но в основном занимались пением и танцами. По понедельникам и четвергам обычно занимались танцами, а в среду и пятницу церковным пением.

20 – ужин

21 – молитва и сон [5, с. 51].

Девочек в институт принимали, как правило, уже хореографически подготовленными. Н. Грот вспоминает, что перед поступлением в институт она каждое воскресенье со своими двоюродными братьями и сестрами занималась танцами с приходящим учителем [5, с. 56].

Екатерининский институт в Санкт-Петербурге. Фото XIX века

Экзамены в институте проводились в трех видах: инспекторские (для получения наград), царские (во дворце), публичные (с приглашением родных). Царские экзамены проходили в присутствии всей царской фамилии в несколько дней. В течение двух дней сдавались экзамены по основным предметам, а в последний день проходил так называемый экзамен талантов (музыка, пение и танцы) [5, с. 63–64].

Из программ других учебных заведений обратимся к программе Царскосельского лицея. Учебные предметы в Лицее разделялись на два курса, из которых первый назывался начальным, а второй окончательным. Каждый из них был рассчитан три года. «Танцевание» входило в общую группу предметов обоих курсов, названную «Изящные искусства и гимнастические упражнения». Кроме танцевания здесь были чистописание, рисование, фехтование, верховая езда и плавание [8, с. 13].

Для каждого такого предмета полагался отдельный учитель [8, с. 35].

Бал у княгини М.Ф.Барятинской. Худ. Г.Гагарин

День лицеиста выглядел следующим образом. В 6 утра подъем, молитва и повторение уроков до 7 часов. В 8 и 9 часов занятия в классах. В 10 завтрак и прогулка. В 11 опять занятия в классах. В 12 прогулка и повторение уроков. В 13 часов обед. После него уроки чистописания и рисования. С 15 до 17 часов вновь занятия в классах. С 17 часов отдых, полдник, прогулка и гимнастические упражнения и танцы. В 20 часов ужин, прогулка и повторение уроков. В 22 часа отход ко сну [8, с. 16–17].

В Лицее в отношении танцев стояли на той позиции, что методика их преподавания должна была быть соотносима с возрастом, временем года и физической подготовкой учеников. Примечательно, что в качестве основной задачи, стоявшей перед «танцеванием» и другими предметами из раздела изящных искусств, назывались исключительно «забава и отдохновение» [8, с. 66].

Вопрос о введении «танцевания» в расписание средних учебных заведений ставился с начала XIX века. Согласно первому Уставу учебных заведений (5 ноября 1804 г.), они получили возможность включать в свои учебные планы уроки танцев. Параграф 8 Устава гласил, что гимназии, если позволяют средства, могли содержать учителей «танцевания»,

Царскосельский лицей. Современное фото

музыки и телесных упражнений (гимнастики) [2, с.67]. Впоследствии во всех подобных документах, появившихся в результате реформ в системе образования, запись «если позволяют средства гимназии» сохранялась. Обязательным «танцевание» было в пансионах, которые должны были заменить детям, в них находящимся, домашнюю подготовку к учебе в гимназии [18, с.304]. Таким же обязательным предметом для пансионеров была гимнастика.

Согласно параграфу 243 гимназического Устава 1872 года, в учебном плане увеличивалось количество предметов, связанных с изящными искусствами и телесным воспитанием. Это были и гимнастика, и музыка, и фехтование, и «танцевание». Но, как полагают исследователи, лишь в редких случаях для этого хватало денежных средств [18, с.309], поэтому в учебных заведениях из этой группы чаще всего избирался какой-либо один предмет в качестве обязательного. Так, например, в Дворянском институте в Москве, преобразованном из 1-й Московской гимназии, в обязательном порядке учащиеся обучались только «танцеванию», все остальные предметы брались по желанию, при условии, что в группе будет не менее 12 человек [18, с.312].

Несмотря на то, что в целом танцы приучали человека к жизни в обществе, строгие гимназические правила не разрешали учащимся пользоваться своими умениями в реальной жизни.

Правилами, утвержденными 4 мая 1874 г., ученикам гимназий и прогимназий строжайше воспрещалось посещать маскарады, клубы, трактиры, кофейни, кондитерские, бильярдные и другие подобные заведения, так как это признавалось неприличным [18, с.509]. Учителя, в том числе преподаватели «танцевания», должны были следить за тем, чтобы гимназисты не появлялись там, а на уроках – вести соответствующую разъяснительную работу [17, л.30].

Подобный запрет сохранялся и в циркуляре Московского обер-полицейстера и попечителя Московского учебного округа (1895 г.) [17, л.31]. Другими словами, через двадцать лет ученики по-прежнему не приобрели права в свободное время воспользоваться навыками в деле хореографии.

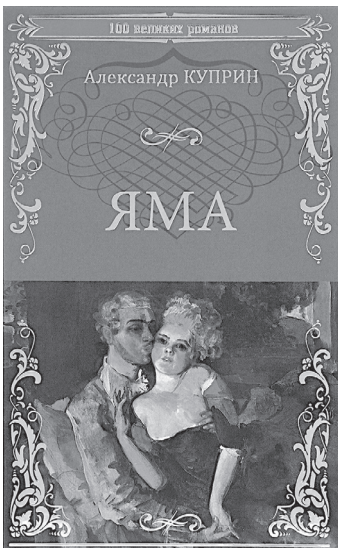
Не все учителя справлялись с большим количеством педагогических задач, стоявших перед ними. Особенно трудно стало найти хорошего учителя танцев уже в начале XX века, когда с ростом количества учебных заведений соответственно возрос и спрос на преподавателей, тем более что ни одно учебное заведение в России не готовило специально учителей бальных танцев. Автобиографическая литература знакомит нас с примерами стандартного отношения к занятию, помогает представить типичный образ учителя танцев [3, с.238–247].

Общество конца XIX – начала XX вв. – это общество большого количества условностей, связанных с требованиями этикета. Одно из главных условий «приличного» поведения – умение держать себя, красиво двигаться, что дается не столько врожденными способностями, сколько постоянной практикой. В этом смысле многое значили для молодых людей именно уроки танцев. Привыкнув сочетать свои движения с музыкальным ритмом, человек дисциплинировался и в обиходных движениях. Постоянное стремление к телесной гармонии закладывало основы эстетического чувства, умение понимать и ценить изящество и грациозность.

В заключение хотелось бы отметить еще один, весьма деликатный аспект роли танца в жизни общества и неожиданный способ получения хореографических знаний без посредства специального учителя. Несмотря на повсеместное распространение бальной культуры в России, далеко не везде, особенно в провинции, хватало учителей. Уметь танцевать было необходимо, если человек хотел стать полноценным членом общества, но довольно часто научиться хореографии было негде и не у кого. Иссле-

дователь В. С. Поликарпов отмечает, что в конце XIX и начале XX веков в России (как и во Франции, Англии, Германии, Австро-Венгерской монархии) процветала утонченная хореографическая проституция. Такие названия, как «Бальный зал», «Орфейум», «Танцкласс», «Аркадия» и др., весьма четко означали очаги данного вида проституции. О тесной связи проституции с танцем свидетельствовало, например, интересное сообщение врача Архангельского в 1897 году на петербургском конгрессе по борьбе с сифилисом (именно тогда в России начал широко распространяться сифилис). Он отметил, что в Туле, известной своими оружейными заводами и серебряными изделиями, не было танцевальных школ и что молодые люди обоего пола посещали публичные дома, в том числе чтобы научиться танцам. Аналогичные явления встречались также в Петербурге и Москве [7, с. 350–351].

В начале XX столетия в Петербурге было официально зарегистрировано 197 домов терпимости [7, с. 350–351]. В художественной литературе (А. Куприн, А. Чехов, В. Вересаев и др.) подробный рассказ о вечерах в публичном доме всегда сопровождается и описанием танцев, которые исполнялись там. Поэтому мысль о том, что публичные дома были своеобразными танцклассами, из необычного и интересного замечания превращается в реальный факт.

Обложка книги «Яма»

Танцы в «доме терпимости».
Худ. П. Пинкесевич

Накануне Первой мировой войны в связи с расширением сети кафе-шантанов увеличилось число скрытых домов терпимости. Но они стали «хореографичнее», так как основным занятием в них все же были танцевальные выступления, дополняемые потом ночными кутежами. Пресса того времени отмечает, что подобные заведения, помимо столичных городов, широко распространились в городах Армавире, Баку, Майкопе и Ставрополе [13, с. 19].

Итак, мы видим, что на всем протяжении истории бального танца в дореволюционной России ведущую роль в деле обучения салонному танцу играл преподаватель. Уважение, оказываемое ему, свидетельствовало о роли танца и, в целом, значимости правил этикета в жизни общества. До середины XIX века в России не существовало иных форм обучения физической культуре, кроме танцевальной практики. Это тоже лишний раз подчеркивает важность социальной роли преподавателя салонных танцев. Специальной подготовки преподавателей бального танца в России не было, поэтому подобной деятельностью занимались чаще всего профессиональные танцовщики. Это были как люди, еще выступающие на сцене, так и оставившие сцену в силу возраста.

«Танцевание» как предмет было введено с XVIII века почти во всех средних учебных заведениях России. Тем, кто не обучался танцам в гимназии, можно было восполнить этот пробел в своем образовании в разнообразных танцклассах.

Библиографический список

1. Александровское военное училище за 35 лет. 1863–1898. М.: тип. И.Баландина, 1900. 184 с.
2. Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX вв.). СПб.: изд. О.Богдановой 1912. 346 с.
3. Бруштейн А. Дорога уходит вдале. М.: Детская литература, 1969. 735 с.
4. Глушковский А.П. Записки балетмейстера. М.-Л.: Искусство, 1940. 244 с.
5. Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков Наталии Грот. СПб.: изд. Мин. путей сообщения, 1900. 186 с.
6. Колесникова А.В. Бал в России: XVIII – начало XX века. СПб.: Азбука, 2005. 301 с.
7. Поликарпов В.С. История нравов России. От Алексея Тишайшего до Николая Второго. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 451 с.
8. Постановление о Лицее. СПб.: Медицинская тип., 1810. 390 с.
9. Русский балет: Энциклопедия. М.: Согласие, 1997. 630 с.

10. Скальковский К.А. Балет, его история и место в ряду изящных искусств. СПб.: изд. Секачева, 1882. 290 с.
11. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы М.И.Пыляева. М.: изд. Суворина, 1997. 471 с.
12. Столпянский П. Танцы в старом Петербурге // Столица и усадьба. 1915. 1 января. №25.
13. Сцена и арена. 1914. №3.
14. Танцы, их история и развитие с древнейших времен до наших дней. СПб.: тип. Суворина, 1902. 118 с.
15. Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12 т. Т.4. М.: Правда, 1984. С.51–52.
16. Худеков С.Н. История танцев. Пг.: тип. «Петербургской газеты», 1918. 309 с.
17. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф.46 (Канцелярия московского градоначальника). Оп.6. Д.16.
18. Шмидт Е. История средних учебных заведений в России. СПб.: тип. Балашева, 1878. 684 с.

Олег Волобуев

**ЛЮДИ И СУДЬБЫ:
ШТРИХИ К
ПОРТРЕТАМ.
СИМФЕРОПОЛЬ.
1965–1972***

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

929

В фокусе этих очерков-воспоминаний три неординарные личности, с которыми судьба свела автора в пору его работы преподавателем в Крымском педагогическом институте. В первом очерке речь идет о совместной творческой работе автора очерка с В.М.Черным над темой о революционере, писателе и востоковеде Оскаре Тарханове и над историческими новеллами (книга «Со штемпелем Ялта»). Второй очерк посвящен поэту М.Л.Грунину, руководителю молодежного литературного объединения при Крымской организации Союза писателей. Персонажем третьего очерка является талантливый педагог С.Ф.Скляренко. Его письма из Севастополя свидетельствуют о неприятии инвалидом и ветераном войны националистической политики украинской правящей элиты.

The focus of these essays-memoirs are three extraordinary personalities with whom fate brought the author together during his work as a teacher at the Crimean Pedagogical Institute. The second essay deals with the joint creative work of the author of the essay with V.M.Cherny over the theme of the revolutionary, writer and orientalist Oscar Tarkhanov and over historical short stories (the book "With the Stamp of Yalta"). The second essay is dedicated to the poet M.L.Grunin, head of the youth literary association at the Crimean organization of the Writers' Union. The character of the third essay is a talented teacher S.F.Sklyarenko. His letters from Sevastopol testify to the rejection by the disabled and war veteran of the nationalist policies of the Ukrainian ruling elite.

Ключевые слова: соавторы В.Черный и О.Волобуев; «литература факта»; литературный кружок, М.Грунин; С.Скляренко; педагогическое рисование; ветеран и независимая Украина.

Key words: co-authors V.Cherny and O.Volobuev; "literature of fact"; literary circle; M.Grunin; S.Sklyarenko; pedagogical drawing; veteran and independent Ukraine.

E-mail: volobuevov@yandex.ru

*Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2021. №2, 5–6; 2022. №№2; 3; 4; 2023. №1.

Виля Черный

Мы познакомились в 1950 году, а последний раз виделись в начале 1990-х годов. Находясь в разных городах, мы, как правило, регулярно не переписывались, а, будучи одновременно в Симферополе, встречались часто и не могли долго быть в отрыве друг от друга. Это сейчас общайся по телефону хоть ежедневно, а тогда человечество располагало только стационарными квартирными телефонами. Квартирные телефоны были, как и многое другое, дефицитом. Мы жили в обществе тотального дефицита, и нам казалось, что это нормально. Более того, мы могли быть даже счастливы.

А все потому, что в друзьях-товарищах дефицита не было. Годы молодости были временем, богатым на дружеские общения – и кратковременные, и длительные. Самыми длительными для меня стали годы общения с двумя друзьями. Одним из них был Виля Черный, о другом, Валентине Шелохяеве (они разведены временем), речь пойдет в более поздних мемуарах.

Виля Черный воспринимался всеми как Чёрный (так его фамилию произносили в студенческой среде), хотя в последнем произношении он не соответствовал подразумеваемому цветовому окрасу. У него была рыжая пышная шевелюра, и весь он был с рыжинкой. На фотографии с обложки нашей общей тощенькой книги новелл, о которой речь будет идти в этом очерке, Виля выглядит поэтично, романтично и чуть-чуть демонически печально, в отличие от меня, эрудита с кисло-скучным обликом. Но тогда, в студенческой молодости, я был динамичным, быстро внешне реагирующим на все, а Виля, интраверт, переполненный тысячелетней мудростью Моисеева Пятикнижия, меланхолично смотрел на не очень привлекательный мир повседневного бытия. Не случайно одно из его стихотворений, которое я частично воспроизведу, было создано на судорожно высокой ноте:

*Стал я судорожный и ломкий.
Был счастливым, когда был мал.
Видно, я родился в рубашонке,
Да ее несчастливый украл.
И мне кажется, будто я прожил
Бесконечное множество лет,
Будто я и красив, и ничтожен,
Как топтаемый всеми паркет.*

Мне почему-то кажется, что лучшие стихотворения Вили относятся к нашим студенческим годам. Он был требователен к своим поэтическим творениям. Зачитывал друзьям и товарищам по перу только тщательно ограненные строки. Запомнилось такое четверостишие из забытого стихотворения:

*Ты промелькнула пеною шампанской
И легкой краской бросилась в лицо,
Промчалась белой скандинавской сказкой
И героиней дантовых канцон.*

Во второй период моей симферопольской жизни Вили прочно переключился на прозу, но и от стихов не отказался.

Я высоко оценивал интеллект и поэтический дар Вили. В очерке «Историки выпуска 1954-го» писал: «У него был поэтический дар, но его стихи не резонировали с общественной жизнью того времени. Он остался поэтом для себя, хотя время от времени что-то печатал в газетах. В моей памяти сохранились отдельные обрывочные строки. Например, из поэтического описания села, где смешались "запах перепревшего навоза с запахом парного молока" (это из большого стихотворения о студентах на сельхозработах)» [6, с.315]. К этой скупой характеристике я, пожалуй, в данном контексте ничего не добавлю.

В студенческий период Вили и я числились в параллельных группах. Встречались в основном на общекурсовых лекциях. Сидели не всегда вместе. Еще одним постоянным партнером Вили по лекциеотсидеванию был симферополец Леонид Солодовник, в прошлом военный летчик-стрелок, а в будущем секретарь Крымского обкома ЛКСМУ¹, а затем второй секретарь обкома партии. С ним Вили на лекциях по истории КПСС иногда играл в морской бой. Мы же чаще на лекциях говорили о литературе.

И был такой случай, когда мы на какой-то лекции написали в соавторстве стихотворение. Баловства ради. Договорились: две строки куплета – за Вилей, две – за мной. Мне строки давались труднее, и Вили их тут же ненавязчиво «правил». Так что стихотворение больше его, чем совместное. Написанное рукой Вили на обрывке какой-то странной бумаги (не тетрадной и не блокнотной), оно сохранилось. Представляю это экспериментальное «изделие в две руки»:

¹ЛКСМУ – Ленинский коммунистический союз молодежи Украины.

*Снег ложился на твои ресницы
И струился по ступенькам кос.
Ты казалась сказочной царицей,
Голубой принцессой детских грез.
Уводили белые тропинки,
Как мечта, в волшебные края.
Мы кружились, словно две снежинки,
В бесконечной грусти бытия.
Расставались ласково и нежно,
Видели мы встречу вдалеке.
Задержал я в этот вечер снежный
Теплую ладонь в своей руке².*

Эксперимент с двухавторской поэзией не повторялся. В реальности прототипа образа тоже не было. Все было придумано.

Виля был не менее начитан, чем я. Он открыл для меня некоторые произведения зарубежной литературы, как, например, «Манон Леско» аббата Прево, расширял мои поэтические познания.

Виля был единственным, кто и потом, в преподавательские вузовские годы, связывал меня с литературной средой. Он познакомил меня с Матвеем Груниным, с несостоявшимся поэтом-самородком Володей Гусиным (не очень образованным, но способным к мгновенной и искрометной стихотворной импровизации) и другими отравленными литературой симферопольцами.

Не чужд был Виля и мистификации. Так, он поведал мне, что на семинаре по отечественной истории делал доклад о П. Я. Чаадаеве и вставил в него пару придуманных цитат из якобы шестого или восьмого письма этого русского мыслителя. Помню также, как он развивал философское рассуждение о наличии ряда кругов в сознании индивида по отношению к окружающей человеческой среде.

С тех студенческих лет улица Пушкина, по которой я гулял вместе с Вилей, стала для меня символом Симферополя, как Арбат для москвича. В семье он был единственным ребенком. В первые годы моего студенчества семья Черных жила в квартире по улице имени Кирова, где я редко бывал. Отец Вили был заслуженным деятелем большевистского молодежного подполья в годы Гражданской войны. Невысокого роста, но плотно сбитый, он в период врангелевского Крыма печатал в подпольной типографии революционные листовки. На стене здания бывшего

²Рукописные тексты стихотворений В.М.Черного имеются в архиве автора.

Дома политпросвещения, ныне Центра эстрадного искусства (улица имени Пушкина, № 19/11, вблизи Симферопольского драматического театра), имеется мемориальная доска, посвященная этой подпольной типографии, в которой упоминается и имя Михаила Иосифовича Черного.

Заканчивая институт, женился Вилиа на выпускнице естественного факультета Эмме. Не знаю, была ли у них свадьба, но чуть ли не на следующий день после бракосочетания я явился к ним в гости. Разумеется, по заранее сделанному приглашению Вилиа. Расположились молодые тогда временно в квартире родителей Эммы. В первый раз я увидел в тот день сияющую от счастья замужества женщину.

У Вилиа и Эммы было двое сыновей. Старший, Евгений Владимирович, ныне доктор психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии, уважаемый профессор Симферопольского университета имени В.И.Вернадского. Младший, Александр Владимирович, – пенсионер и занимается внуками. Я поддерживаю с ними добрые отношения. Сейчас дистанционно. Они знают, что я пишу воспоминания, и на мое обращение помочь в этом деле Евгений Владимирович откликнулся, написав мне письмо и прислав фотографии из семейного наследия.

Молодожены: В.М.Черный
и Э.Н.Черная (август 1954 г.)

Супруги В.М. и Э.Н.Черные
с сыновьями (начало 1960-х гг.).

Письмо Евгения Черного не только информативно, но, я бы сказал, предельно объективно в приводимых оценках личности отца, которые, с моей «колокольни», справедливы и делают честь сыновьям. Цитирую:

«После института в 1954 году он и мама были распределены в пгт³ Советское, где и работали они в школе, а потом переехали в с. Перевальное и преподавали в тамошней восьмилетней школе и, одновременно, в вечерней. Кстати, я хорошо помню, как Вы и Константин Константинович⁴ приезжали туда... По-моему, они вели там не только историю (отец) и биологию и химию (мама), но и какие-то другие предметы из-за нехватки учителей (или они были многостаночниками еще в Советском..?). Я родился в 1956 году. Когда я пошел в школу в городе, то жил у бабушки на ул. Пушкина, рядом с 9-й школой. Родители продолжали жить в Перевальном. А когда в 1962 году родился Саша, то мы все переехали в Перово (совхоз-птицефабрика «Южный»). Скорее, это было в 63 или 64 году. Нам дали квартиру прямо в школе (но в одной комнате жил учитель математики Александр Эйшинский, который слушал приемник только на английском языке и все время напевал английские песни), а все мы – в другой комнате. Кухня была общая. Мама работала в дневной школе, а папа – в вечерней завучем. Знаю, что в это время он много писал: и стихи, и прозу. Стихи публиковались в крымских сборниках. Думаю, что формально и внешне его жизнь была не особенно примечательна. В отличие от глубокой внутренней жизни. Полагаю, что ему не нравилась его работа. Всю жизнь он чувствовал нереализованность и это его очень мучило. Такое впечатление, что ему хотелось как-то вырваться из рутины и куда-то взлететь. Конечно, интеллектуально он был очень силен. Я бы даже сказал, что обладал выдающимися интеллектуальными способностями. Не знаю, чего ему не хватило... воли? уверенности в себе? целеустремленности? Или того, что теперь называется жизнестойкостью (и что было у мамы всегда). Возможно, просто удачи?

Мне кажется, что он был человеком с развитым чувством долга. В том числе, перед семьей. Возможно, если бы он переступил через это, поддался стремлению к свободе и достижениям, то ему бы удалось реализоваться. Но, во-первых, это был бы уже не он. Во-вторых, чувство нереализованности – это очень субъективно. Был бы он в личном плане несколько иным – вполне мог чувствовать себя иначе. Но что говорить...

Время от времени он шел в прорыв. Учил немецкий и сдал кандидатский минимум по иностранному языку, философии, истории КПСС – у меня хранится эта бумага. Написал вместе с Вами статью о Тарха-

³ Пгт – поселок городского типа.

⁴ Имеется в виду К.К.Когонашвили, очерк о котором как составная часть мемуаров уже публиковался в этом журнале. См.: [8].

нове (это, наверное, единственная его научная статья). То есть, хотел защититься, но почему-то не получилось... Помню, как Вы вместе с ним работали и зачитывали на бобинный магнитофон пьесу или что-то еще... Вообще, я его все время видел за какой-то работой... все время он что-то писал...

Наверное, в 1968 году он ушел из школы и начал работать завучем в Профессиональном училище облбытуправления, которое находилось на улице Херсонской, где мы уже к тому времени жили (родители купили кооперативную квартиру, заняв деньги на первый взнос и потом выплачивая много лет)...

Я в 1972 году окончил 8 классов и пошел учиться в это училище на фотографа, одновременно обучаясь в вечерней школе. Но в этом году он уже там не работал, а перешел в организацию, которая занималась НОТ (научной организацией труда) – должность его была вроде инженерной или что-то в этом роде. А потом он перешел на работу в Автоучкомбинат, где преподавал будущим и повышающим квалификацию водителям следующие дисциплины: Документы партии и правительства, Основы права, Основы экономики и даже Гражданскую оборону... В этом коллективе ему, в общем, работать нравилось. В 1982 году у него случился инфаркт, он долго восстанавливался, получил инвалидность и больше не возвращался на работу».

Добавлю к этому лишь один штрих для характеристики Виля. Может быть, его сыновья не знают, по какой действительной причине их отец ушел из профессионального училища, но мне он рассказал о сути возникшего конфликта. Не зачислена в профессиональное училище по каким-то придуманным мотивам была девушка, по национальности крымская татарка. Виля, зная, что все дело заключалось в ее национальности, возмутился и оказался в конфликте с руководством училища. Хотя крымские татары были реабилитированы, их не возвращали в Крым, а тем, кому удавалось прописаться в Крыму, неофициально чинили всякие препятствия, связанные даже с нарушением их конституционных прав. И это, замечу, шло зачастую от украинских партийных и государственных органов. Не вдаваясь в подробности, сошлюсь на вывод из своей публикации «Крымскотатарский вопрос по документам ЦК КПСС»: «Решения высших партийных органов в Москве основывались прежде всего на записках секретарей ЦК КПУ и Крымского обкома КПУ, повторяли их аргументацию против возвращения крымских татар на их родные земли» [7, с. 168].

Почти одновременно Виля и я оказались в середине 1960-х годов в Симферополе. Я как преподаватель Крымпединститута, а Виля с Эм-

В.М.Черный – учитель
сельской школы. 2-я пол. 1950-х гг.

В.М.Черный. Симферополь. 1960-е гг.

мой обосновались как учителя в школе совхоза-птицефабрики в пригородном поселке Перово. В очерке о поэте Матвее Грунине я писал о литературном молодежном кружке, куда навещался на встречу с его постоянным участником – уже не столь молодым отцом двух сыновей, Вилей. Первым его более или менее значительным по объему прозаическим опытом стала детская приключенческая повесть, которую я не читал и смутно помню ее сюжет со слов автора. Этот опыт оказался неудачным (по каким-то причинам издательство ее не приняло).

Все годы моего пребывания в Симферополе Виля не оставлял надежды пробиться в писатели. Здесь мне бы хотелось отметить полное отсутствие у него амбиций. То, что пишущий/творящий надеется на признание, это естественно. Но мотивации могут быть разными и не сводимыми к единственному мотиву. Скажем, к деньгам и материальным благам. Есть даже разница в определениях: честолюбие или самоуважение к своему призванию, удивление перед дарованным талантом. К тому, что дано природой/наследственностью, а также трудом и жертвенностью. Я написал «пробиться в писатели», имея в виду творческое долготерпение литературного героя романа «Мартин Иден» Джека Лондона. Очень

много значат удача и случайность. Но ответ на вопрос, почему некто неустанно пишет, прост: это заложено в программе его жизни. Таким родился. Не может иначе. Природа знает, чтобы популяция выжила, нужны мутанты (в смысле необычности) всех видов.

Со своими литературными замыслами Виля делился со мной и как-то так само собой получилось, что из слушателя я оказался в соавторах. Не вполне полноценных, честно говоря, по вкладу в общее дело. Мне кажется, что Виля нуждался и в собеседнике (хотя собеседников он всегда находил), и в дружеском плече. Но мое участие в литературных делах было по ряду причин ограниченным. Как начинающему вузовскому преподавателю мне нужно было осваивать новые учебные курсы, писать научные статьи, выступать с докладами на конференциях и т. д. Учебные и научные интересы были для меня на первом плане.

Не могу восстановить в памяти последовательность наших литературных проектов и поэтому вынужден отказаться от хронологии. Не исключая, что некоторые из них реализовались синхронно. Последовательность событий в данном случае не самое главное. Начну с пьесы «В одной семье», о записи которой на бобину упоминает Евгений Владимирович. 1960-е... Хрущева уже нет, но оттепель продолжается. На фоне перемен в общественной погоде сталкиваются сталинисты и антисталинисты. Причем разными по мировосприятию и судьбе оказываются люди, близкие по крови, живущие «в одной семье». Отсюда недопонимание, конфликты, драмы. Это – «семейная микрокапля» в обществе, раздираемом противоречиями настоящего и прошлого. Пьесе не повезло, на сцену она не попала. Сейчас ее рукопись находится у Евгения Владимировича. Пьеса интересна попыткой осмыслить «семейные коллизии» как лабораторный срез переживавшего социальную травму постсталинского общества.

Следующим проектом Вили, соблаздившим меня, стало возвращение из небытия имени подпольщика-революционера, комсомольского и пионерского деятеля 1920-х гг., разведчика, публициста, писателя (литературный псевдоним О.Эрдберг) и востоковеда Оскара Сергеевича Тарханова. Однажды Виля сообщил, что он открыл интереснейшую, с точки зрения приложения творческих сил, многогранную фигуру, революционная молодость которой была связана с Крымом. Он не только увлекся личностью и судьбой талантливого человека, но и начал собирать материалы по этой тематике. Незаметно я втянулся в очередную авантюру, будучи уже погруженным в тему докторской диссертации. Поэтому архивная и черновая работа, столь важная для гуманитария, полностью легла на плечи Вили. Нами обсуждались структура, сюжетные линии,

черновые наброски. Меня кренило в сторону научно-популярной монографии, Вилю в сторону историко-художественной прозы. Я надеялся, что рано или поздно сам собранный материал настроит Вилю на прагматичный лад и подведет его к диссертационной теме.

В 1970 г. нам удалось, благодаря Виле, поместить в газете «Крымский комсомолец» очерк (им же преимущественно написанный) о 19-летнем подпольщике Тарханове. Очерк «В скаутской форме» публиковался небольшими частями в ряде номеров газеты [10]. Скаутская форма и новое имя-псевдоним Оскар у находившегося на нелегальном положении одессита Сергея Разумова должны были вводить в заблуждение бдительную охранку. Между прочим, в очерке фигурирует и подпольная типография, упоминаемая в надписи на мемориальной доске.

В 1971 г. Оскару Тарханову, родившемуся 18 (31) июля в первый год XX века, исполнилось бы 70 лет. Мы решили воспользоваться этой датой и попытаться опубликовать статью. Надо было закрепить имя Оскара Тарханова в серьезном издании. Возник вопрос: в каком? К тому времени в потоке реабилитации имя Тарханова стало всплывать в связи с теми или другими упоминаниями в ряде публикаций: мемуарных, литературных, исторических, востоковедческих. Остановились на поиске подходящего издания, посвященного проблемам востоковедения, поскольку последнее мне было ближе. В итоге удалось поместить юбилейную статью [11] в журнале «Народы Азии и Африки» и этим помочь более широкому введению в научный оборот имени Оскара Тарханова. Заодно удалось наладить товарищеские отношения с одним из редакторов журнала, Феликсом Белелюбским.

Заключительным аккордом нашей публикаторской деятельности (в рамках упомянутого совместного проекта по возвращению одного из «забытых имен») стала статья в «Советской исторической энциклопедии» [12]. Рукопись книги об О.С. Тарханове находится у меня, и я все не удосужусь передать ее сыновьям Владимира Черного.

Будучи в Москве, я разыскал жену Оскара Тарханова и установил с ней добрые отношения. Познакомилась Эмилия Зубиетова с Оскаром Тархановым в Крыму. И эти встречи определили их совместную судьбу. Вместе они пережили его взлет до уровня секретаря РКСМ, работу в Коминтерне, командировку в гоминьдановский Китай, участие в зиновьевской оппозиции, исключение и восстановление в рядах партии, литературный успех, учебу в Институте красной профессуры, службу в должности зам. начальника разведывательного (4-го) отдела штаба Особой Дальневосточной армии.

Эмилия Иосифовна Зубиетова избежала участи «жен врагов народа». Она, по требовательному настоянию Оскара Сергеевича, чувствовавшего приближение карающей властной десницы, своевременно уехала из Монголии, где в то время после отстранения от разведывательной службы Тарханов занимал дипломатический пост советника полпредства (атташе по вопросам культуры). Эмилия Иосифовна растворилась в Москве, где проживали ее родственники. Вместе с этой весьма пожилой супружеской парой она заканчивала свой жизненный путь в пору нашего знакомства.

Мы не столь много почерпнули из разговоров и переписки с Эмилией Иосифовной. Но об одном любопытном факте я не умолчу. По словам Зубиетовой, негативное отношение Сталина к Тарханову началось после неожиданного для молодого партийного деятеля предложения со стороны восходящего кремлевского вождя. Сталин обещал обеспечить дальнейшее продвижение Оскара по партийной линии, если тот отвернется от Зиновьева. Ответная взаимность не состоялась. Этот эпизод, в который я не могу не поверить, больше, на мой взгляд, относится к характеристике Сталина как генсека, чем к характеристике Тарханова.

Недавно я в Интернете набрел на протоколы допросов (1935 г.) участников оппозиционной группы зиновьевцев в составе Г.В.Сафарова, И.В.Вардина-Мгеладзе и др. В нескольких из них упоминается и Оскар Тарханов. В протоколе допроса (7 января 1935 г.) М.П.Стремякова⁵, редактора газеты «За кадры связи» Инженерно-технической академии им. Подбельского, имеются показания на Тарханова. На предложение рассказать о связях с зиновьевцами после XV съезда партии Стремяков дал показания, что был случай, когда в его комнате под видом вечеринки собрались Тарханов, Сафаров, Вардин и еще несколько человек, которых он не знает. Сам хозяин комнаты на совещании не присутствовал (показания Стремякова) и отсиживался на кухне. Вернулся он только к концу совещания и случайно запомнил «такой отрывок из речи Вардина: "Итак, все мы уходим на третью линию окопов"». Прямо политически компрометирующим Тарханова был следующий отрывок из следственных показаний Стремякова: «Жены Копылова и Тарханова печатали какие-то документы. Я, помню, по поручению Тарханова увозил чемодан с какими-то документами в дом рядом с Наркоматом обороны (№ дома и квартиры я не помню). Тарханов говорил тогда, что партии больше

⁵Стремяков Михаил Петрович – первый редактор журнала советских пионеров «Барaban» и первый главный редактор газеты «Пионерская правда», журналист, участник Великой Отечественной войны. Был крепко связан с О.С.Тархановым как организатор и активист пионерского движения.

не существует, что управляют страной Сталин, Молотов и Ворошилов, при этом он допускал контрреволюционные выпады против них» [17]⁶.

В протоколе допроса (от 9 января 1935 г.) [16]⁷ известного (между прочим, одного из первых редакторов журнала «Большевик») партийного публициста Вардина-Мгеладзе также упоминается в одном из эпизодов Тарханов: «Когда я в июне 1928 г. вместе с САФАРОВЫМ вернулся в Москву из ссылки, через некоторое время я встретил КАМЕНЕВА. Однажды (это было примерно в июле–августе) я и ТАРХАНОВ посетили КАМЕНЕВА на его квартире, где разговаривали о внутривнутрипартийном положении и дальнейшем нашем поведении. Основное, что меня поразило, заключалось в том, что КАМЕНЕВ, который раньше меня отошел от оппозиции и от которого я ждал первой поддержки и шага, оказался недоволен моим отходом. И у меня, и у ТАРХАНОВА сложилось такое впечатление, что как будто бы КАМЕНЕВ говорил: "Почему Вы отошли, почему Вы подали заявление, Вас бы и так через некоторое время приняли". Следующее, что было характерно в разговорах между мною, ТАРХАНОВЫМ и КАМЕНЕВЫМ, – КАМЕНЕВ, подводя итог нашего разговора, сказал: "Вы идите прямо к СТАЛИНУ"». Далее Вардин разъясняет, что в их (вместе с Тархановым) заявлении речь шла о руководстве партией, и они, как вытекает из всего контекста в моем понимании, письменно высказались за сталинское руководство. Что касается совета Каменева, то, думаю, они им не воспользовались.

Вардина-Мгеладзе и Тарханова восстановили в партии в 1928 г. А вот, начиная с убийства Кирова и в связи с последующим разворотом репрессий против оппозиционеров, политическая ситуация изменилась. Эмилия Иосифовна вспоминала, что Оскар Сергеевич предвидел, что после сталинской Конституции, которую он высоко оценивал, начнется наступление на инакомыслящих. Не случайно от внешней разведки его отстранили и отправили как востоковеда в Монголию.

Это отступление с цитированием протоколов допросов сделано мною в преддверии объяснения нынешнего моего видения причин неудач, постигших наш проект «Тарханов». Первой из них оказалась попытка представить наработку как кандидатскую диссертацию Вили. Предположительное название ее формулировалось так: «"Китайские новеллы" О.Эрдберга как источник по революции 1925–1927 гг. в Китае». Вилей была написана статья – основная часть исследования, черновой вариант которой отрецензировал Феликс Белелюбский. Копия его рецензии 1974 г. (в эти годы я уже жил в Москве) у меня сохранилась. Главные замечания можно свести к следую-

⁶ См. также: [2].

⁷ См. также: [1].

щему: «Необходимость современных, более трезвых поправок к революционно-романтической позиции Тарханова с учетом новейшей советской синологии». Фамилии китаеведов в рецензии перечислялись. И еще отмечалось особое значение новелл Тарханова как источника по исторической социальной психологии. Однако проблема социально-психологических типов с учетом изменений в китайском обществе, полагал рецензент, почти не раскрыта. В общем, трудность для Вили заключалась не в самих замечаниях, а в отсутствии в Симферополе как специалистов, так и литературы по китайской тематике. Обмен книг между библиотеками тогда не был налажен.

Вообще, у Вили было желание написать кандидатскую диссертацию. Помню наш первый разговор на эту тему. Виля сообщил мне, что у его отца есть еще со времен крымского подполья друг, профессор МГУ Михаил Абрамович Москалев, который является специалистом по истории КПСС. И он готов оказать помощь в подготовке кандидатской диссертации. Однако Виля не очень хотел заниматься исследовательской тематикой по этому историографическому направлению. Разговор не имел продолжения, а в 1965 г. М.А.Москалева не стало⁸. Но Виля больше тяготел к художественно-историческому и научно-популярному жанрам, к биографическим очеркам.

Виля не оставлял попыток пройти, – пусть даже с ожогами, – через крымское издательское горнило. Рукописи и биографической книги о Тарханове, и сборника исторических новелл по крымской тематике застредали надолго в редакции издательства, а главный редактор уже не удовлетворялся рецензиями крымчан и направлял их на рассмотрение в Киев и Москву. Рецензии, понятно, были разными, но преобладали, вроде бы, положительные. Виля все мытарства объяснял происками редакторов, но, на мой нынешний взгляд, дело было, главным образом, в перестраховке. Провинциальное издательство боялось, как бы не попасться на крючок критики в зыбкой ситуации политических зигзагов партии. И просмотр протоколов допросов еще раз укрепил меня в понимании всей сложности принятия решений в бруновском движении политических оценок: шархания от «одобрямс» к «не одобрямс», и обратно.

Итак, третьим нашим проектом был цикл исторических новелл на крымскую тематику. Первоначально этот сборник новелл, которые писались длительное время по мере того, как приходил замысел и отшлифовывался сюжет, именовался «Пленники теплой Сибири». Мне такое название не очень

⁸ Москалев Михаил Абрамович (1902–1965) – доктор исторических наук, профессор МГУ, автор ряда книг по внутрипартийной борьбе большевиков. Наиболее значительным его трудом является монография «Бюро Центрального Комитета РСДРП в России (август 1903 – март 1917)» (М., 1964).

нравилось. И так было, пока поиск не привел к заглавию «Со штемпелем Ялты». Имелось в виду, что персонажи повествования, определившие основные сюжеты новелл – революционеры и писатели конца XIX–XX века – были гостями Крыма и пользовались услугами почты. В их числе назовем А.М.Горького, Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, В.Г.Короленко, Г.А.Мачтета, автора революционной песни, известной по первой строчке «Замучен тяжелой неволей». Книга была издана в Крыму благодаря сыновьям Владимира Михайловича после долгого лежания рукописи в ящике моего стола [21].

В.М.Черный с сыном Евгением. 1982 г.

В.М.Черный с сыном Александром. 1986 г.

Последние годы жизни Вили в кратком изложении даны в письме сына, которое я уже цитировал:

«После больницы он уже не вернулся к маме – они развелись. И его личная жизнь сложилась, на мой взгляд, неудачно. Какое-то время он жил у своей Любви Максимовны Добровинской (она была его давней знакомой или подругой). Потом они расстались, и он жил один. Затем у него был инсульт (наверное, в 1987 году) и после него он жил у меня, посвящая много времени моему сыну Эдику. В 1991 году мой 11-летний сын и моя жена уехали в Штаты, а у отца в 1992 году был второй инсульт, и он пробыл месяц в больнице – я большую часть времени был с ним в палате. <...> Саша купил отцу однокомнатную квартиру, где он жил одиноко и откуда его в 1997 году я увез в больницу со странным "вколоченным" переломом ноги – абсолютно незаметным (одна кость вошла в другую – просто упал дома). В больнице он и умер от инсульта. Я был с ним в палате все время, до конца... Начиная с 1982 года, то есть после инфаркта, он все время пытался как-то реализоваться: писал стихи, эпиграммы, что-то сатирическое, потом стал писать картины, вырезать из дерева, даже учился играть на гитаре».

Виля практически со мной не переписывался (я тоже не любил писать, о чем сейчас сожалею), но с пяток писем у меня сохранилось. Почти все они деловые и речь в них идет о рукописях. И только в одном из писем 1986 г. (видимо, Виле было совсем тошно) он описывает свое состояние:

«Рад, что не забываешь. Много раз намеревался написать тебе, но как-то не получается: пышно говоря, черная краска бытия заливает еще не родившиеся строчки. Надеюсь дожить до встречи, устно мне общаться легче. Пока лишь общий контур информационного характера. 14/IV выписался из больницы, где пробыл более месяца. Вышел более дохлым, чем вошел. Помимо крайне скверных "сердечных дел", вновь придавили ноги – мой облитерирующий эндартериит перешел в третью степень. В ближайшие дни ложусь в сосудистое отделение. К весне набухли и почки (мои). Такова объективная картина. Субъективная, увы, ей соответствует. С августа 1985-го живу у Жени. <...> Еще потрепал нервы в ожидании очередной ВТЭК. Однако обошлось: снова дали вторую группу (120 руб.). Это меня вполне устраивает. День мой состоит из разного рода мучений. Кроме того, по мере сил "воспитываю" внука. Понятно, что стратегических задач перед собой не ставлю, но живу всяческими текущими заботами, которые все не отпускают "туда". То то надо, то это. <...> В 83–85 гг. между дел опубликовал в крымской печати десятка полтора очерков, половина из них по рукописи о Ялте и еще ряд других. Увидимся – покажу. Ряд сатирических стихов в "Рабочей газете", "Учительской", (неразборчивое слово. – *О.В.*) в журналах "Наука и религия" и др. Однако в последнее время (86 г.) не посылаю, хотя кое-что есть: настроение гнусное. Печально и то, что "под закрутку" не осталось никого из старых друзей и товарищей. Иные далече, другие уже там... Новых же знакомств, а тем более друзей заводить не умею и не хочу. Очень близок с Женей, и это одна из немногих и последних радостей».

В письме Кости Когонашвили, датированном январем 1991 г., имеется одно из поздних известий о Виле: «Регулярно бываю у Вили. Он очень изменился, стал совершенно другим, но все равно умным, добрым остался. Тебя называет Олежкой...».

Заканчиваю очерк последними строчками из письма Евгения о своем отце: «В общем, он не сдавался какое-то время. Но после инсульта 1992 года все же, по-моему, сломался и доживал... Никто не мог придать смысл его жизни. Да и вряд ли это возможно – "смыслы обнаруживаются" (Сартр) только самостоятельно».

Я прощаюсь с тобой, Виля. Я многим обязан нашей дружбе.

Грунин

С Матвеем Львовичем Груниным, известным в Крыму поэтом и переводчиком дагестанских и украинских литераторов, меня познакомил

Виля Черный. В 1960-е годы Грунин руководил молодежным литературным объединением при Крымском отделении Союза писателей Украины. До этого Матвей Грунин в том же качестве вел занятия в литературном объединении при редакции газеты «Комсомолец Дагестана» в Махачкале. Как вспоминал в автобиографической повести дагестанский журналист и поэт Бахшиев: «Мы читали свои стихи, разбирали их, отмечали достоинства, недостатки. Матвей Львович тактично выправлял, безусловно, вносил и свое – на то он и был поэтом, и учителем» [3, с. 221]. В другом произведении Бахшиева, которое является своего рода продолжением автобиографической повести по жанру и смыслу, можно найти портретную характеристику Матвея Грунина: «Человек он был уже в годах⁹. Высокий, худой, с густой копной волос на голове, длиннолицый, за толстыми стеклами очков – холодный, пронзительный взгляд. Мне кажется, он никогда не только не смеялся, но даже не улыбался. И всегда был точен в высказываниях, лаконичен, требователен...» [3, с. 312]. У Бахшиева все точно, таким видел его Бахшиев в Махачкале, таким я запомнил Грунина в Симферополе (после его возвращения в родной Крым), за небольшим исключением: он все же, бывало, улыбался.

В Интернете можно найти воспоминания по меньшей мере двух человек, где немного места уделено и Матвеем Львовичу. Один из мемуаров написан сейсмологом Владимиром Спиртусом, отец которого был преподавателем философии в Крымпединституте, фигурой запоминающейся как внешностью, так и суждениями. Портрет Матвея Грунина краток и посвященный ему абзац я воспроизвожу здесь полностью:

«После 20-го съезда и позже, в шестидесятых годах, всюду шли горячие политические дискуссии. У нас в доме часто бывал поэт Матвей Грунин, автор 14 сборников стихов, первый переводчик Расула Гамзатова. Его дебаты с отцом живо встают в моей памяти. Своим худым вытянутым лицом Грунин внешне был похож на Дон Кихота. Он обладал незаурядным ораторским талантом и притом жестикуляцией трагического актера. На отца (по мнению поэта, представителя официальной идеологии) обрушивались его гневные филиппики против бездарности партийного руководства, нехватки товаров, тупости советской прессы, серости в творческих союзах, давящей все живое. Отец уходил

⁹ М.Л.Грунин был 1909 г. рождения.

в глухую оборону, со многим, впрочем, соглашался. Заканчивались эти разговоры всегда одинаково: обращаясь ко мне с горьким сарказмом, Матвей Львович патетически восклицал что-нибудь вроде: "Ну, что, Вова, Вы, конечно, постройте светлое здание коммунизма?" Вопрос был чисто риторический» [20].

Другой обнаруженный мной мемуар посвящен Равилю Адельшинову, участнику симферопольского молодежного литературного объединения. Автор этих воспоминаний – писатель Валерий Митрохин, крымчанин и мой бывший студент. В них очень мало строк о Грунине, но дана краткая зарисовка литературного кружка. Митрохин пишет:

«Мне, студенту Крымпединститута, начинающему поэту, деревенскому книгочелю, Симферополь казался городом-праздником. Чего только стоили литературные среды, проходившие под руководством поэта – первого переводчика Расула Гамзатова – Матвея Грунина. Это был либеральствующий старикан, что по тем временам в творческой среде областного масштаба было явлением вольнодумским. Быть может, поэтому независимому и державшемуся в местной писательской организации особняком этому человеку и поручили столь хлопотливое дело – работу с молодыми талантами. Молодыми мы были по-разному. Например, рядом с нами, студентами-первокурсниками из сельхоз-, и мед-, и пединститутов, заседали "взрослые" люди: педагог техникума Владимир Черный, очень яркий поэт, интеллигент с телезавода Валерий Рубинштейн, будущая писательница-фантаст Светлана Ягупова, рано ушедший из жизни незаурядный критик Юрий Отнельченко и оператор телевидения Равиль Адельшинов» [18].

Я не раз посещал заседания этого литературного кружка. Мне это было интересно. Но чаще приходил к концу обсуждений для встречи с Вилей Черным. После завершения литературных чтений и споров, бывало, троюга, состоящая из Матвея Грунина, Вили Черного и меня, двигалась в сторону улицы Севастопольской, в районе которой жили Матвей и Виля. Незаметно, за разговорами и хождениями, истекал вечер. Высокий по сравнению с нами Матвей Львович, действительно напоминал Дон-Кихота, но не только внешностью, как отмечал Спиртус-младший, но и состоянием души, которая никак не могла смириться с несправедливостью окружающего мира. Грунин размахивал руками и шел словно рыцарь печального образа в атаку на ветряные мельницы. Не могу согласиться с определением Валерия Митрохина «либеральствующий старикан». Грунин был молод душой и являл собой классического, природой сотворенного вольнодумца. Был склонен к сарказму и не чуждался са-

моиронии. У Матвея Львовича было стихотворение о том, что всю ночь светится окно в Кремле. Сталин не спит: он работает за письменным столом, думая о стране. Эти строки часто комментировались их автором с издевкой над простодушным, как вольтеровский Кандид, поэтом Груниным. Вообще литературный и пропагандистский штамп «Сталин не спит» в разных коннотациях был в свое время очень распространен.

Я знаю такой (встречался с ним не раз) типаж: комсомольцы двадцатых годов. Это были честные в своей коммунистической вере люди. Они служили этой вере, истово и не раздумывая. И тем важнее понять, как некоторые из них стали не то что скептиками, а нечто большим, чем скептики. Позволю себе процитировать небольшой фрагмент из написанного мною в соавторстве с С.В.Кулешовым учебника истории России для 11 класса, вышедшего в издательстве «Мнемозина» с 2004 г.: «Комсомол не только именовался резервом партии, но и на самом деле был таковым. Особой преданностью коммунистическим идеалам отличались комсомольцы 1920-х годов, прошедшие школу борьбы с нэпманами, кулаками, церковью, оппозицией и ставшие со временем членами ВКП(б)» [9, с. 161].

У Матвея Грунина в сборнике стихотворений «Разговор с веком» опубликован под одноименным названием фрагмент «из поэмы». Похоже, что замысел поэмы, напоминающей (как и замечательный поэтический цикл «Середина века» Владимира Луговского) попытку осмыслить себя в контексте прожитого века, был реализован лишь частично. «Разговор с веком» Грунина относится к тому жанру, который литературоведы, обращавшиеся к «Средине века», обозначили как «лирический автобиографизм». Поэтому автор начинает следующими строками:

*Хотя я был уже давно и властно
Захвачен новым замыслом spolна,
Я день за днем перебирал напрасно
Людей, события, факты, имена.
Мое перо как бы молчало немо,
Покуда я не понял вдруг того,
Что я и есть твой замысел, поэма,
Так долго ждавший срока своего.*

В 1929 г. комсомольцу Грунину было 20 лет. Он был моложе моего отца на три года. И, как многие подростки-недоростки, рано включился во взрослую жизнь. Трудовая юность ему запомнилась тем, что «песок

на тачках, как на самосвалах, мы на одном возили колесе»¹⁰. А затем Сибирь и участие в коллективизации:

*Тридцатый год. Январь. Мороз под сорок.
Давно уж ночь, а в сельском клубе – чад.
Там мужики, что взрывчатые, как порох,
То хором в крик, то, хмурые, молчат.
А их зовет по-юношески ярый,
Хоть убедить иных и тяжело,
Вступить в колхоз двадцатилетний парень,
Приехавший работать на село.*

А потом возвращение в Крым, учеба в Крымпединституте. С недавно полученным дипломом Грунин встречает войну. Как инвалид он не подлежит призыву в армию. Эвакуирован в Дагестан.

Мне очень нравятся его честные строки о первых годах войны:

*Но нам хватило мужества и нервов,
Хоть горше дней и не было порой,
Чтоб пережить, не дрогнув, сорок первый,
А там пройти и сквозь сорок второй [13, с. 57, 60, 66].*

В родной Симферополь Грунин вернулся в 1960 г. Свою книгу «Разговор с веком» он подарил мне в 1970 г. Он принадлежал к тому поколению поэтов, которые привыкли разговаривать с веком. «Век» был одной из тех ментальных категорий, который стал для них «родным домом».

Я сегодня вижу Матвея Грунина в строчках мини-поэмы Луговского «Дербент» из цикла «Середина века»:

*Потоки солнца плещут на полу,
И по дивану слоники гуляют,
Размеренное обещающая счастье.
Мне в жизни ненавистно это счастье.
Я человек другого измеренья,
Пронизанного ветром Октября [15, с. 378].*

Среди «пронизанных ветром Октября» были и вольнодумцы: но не было «либеральствующих стариков», да простит мне это кри-

¹⁰ Имеются в виду глубокие тачки с одним передним колесом для перевозки песка и земли.

тическое замечание очень милый и уважаемый мной человек Валерий Митрохин. И добавлю в заключение: это были равнодушные люди, сильные как верой, так и страстями. И очень непримиримые и задиристые в спорах.

Семен Скляренко

С преподавателем истории и обществоведения Семеном Федоровичем Скляренко я, помнится, познакомился, будучи приглашенным как лектор на курсы повышения квалификации учителей. Курсы проходили в Ялте в середине 1960-х гг. В свободное время мы гуляли по улицам города моего детства. В частных беседах я слушал эмоциональные речи Семена Федоровича об использовании графической наглядности в преподавании. Он был непревзойденным мастером педагогического рисунка и умел превратить мертвую схему событий и понятий в увлекательную прогулку по извилистым переулкам причинно-следственных связей в тексте учебного нарратива. Сейчас это делается с помощью компьютерной графики (схемы, диаграммы), что придает особую выразительность и динамичность педагогическому рисунку. Например, схемам формирования представлений о ходе военных действий, установления причинно-следственных связей в логике исторического процесса и т. д.

Наше знакомство продолжилось в Симферополе, и вряд ли я предполагал, что оно растянется на годы. Как это ни покажется странным, но новых друзей-товарищей среди учителей истории ни в алушкинские, ни в симферопольские годы я не завел. Оставались таковыми только бывшие сокурсники по Крымпединституту – Костя, Алик, Виля.

Семен Скляренко был фронтовым офицером и инвалидом Великой Отечественной войны. О трех эпизодах своей военной биографии ветеран рассказал в адресованном мне в год его 75-летия письме:

«В одном бою полк попал в окружение танков, пулеметов: на моих глазах спаслись единицы.

В другом бою курсантский взвод (17–18-летние) отразил несколько ожесточенных атак, подбил 6 бронетранспортеров, уничтожил пехоту, но весь взвод (30 человек) пал в бою за Родину. Из боя вышли двое раненых – я и курсант.

В третьем бою, в атаке штурмового отряда, я был ранен в глаз, ослеплен; на плечах вынес из боя раненного в обе ноги друга-лей-

тенанта. Я не видел, он не мог передвигаться (через 20 лет встретились)...»¹¹

Память о войне – стеклянный глаз – осталась у подполковника¹² на всю жизнь. Другой глаз удалось подлечить и сохранить. Но страстное отношение к жизни и работе Семен Скляренко не потерял.

Семен Федорович нашел свою профессиональную судьбу на педагогическом поприще. С присущей ему увлеченностью он отдавался преподаванию. Сдал кандидатские экзамены и защитил диссертацию, получив степень кандидата педагогических наук. Некоторое время преподавал в Луганском педагогическом институте. Затем перебрался в Севастополь, где активно сотрудничал с городским институтом повышения квалификации учителей.

Последние десятилетия его жизни были омрачены распадом СССР и политическим курсом «нэзалежной» Украины.

Получив от Семена Федоровича надрывное письмо, я не выдержал и переслал его в газету Коммунистической партии РФ «Правда». Письмо С. Ф. Скляренко было напечатано к 45-летию дня Победы в подборке «Письма фронтовиков». Воспроизвожу содержание письма, но уже без выше процитированного фрагмента о трех ранениях:

«Мне пошел 75-й год. Это – возраст, и я его все более чувствую. Мечтал взяться за последнее пособие для пединститутов, студентов и преподавателей, составил проект, кое-какие наброски сделал, но, увы, здоровье отказало: и глаз, и сердце, и голова. Все связано с ранениями на фронте. Пошел к глазнику: надо лечение. Врач говорит: "Выпишу рецепты, но платные". А лекарства у нас стоят сотни тысяч!

Я уже писал о том, что прошлым летом я закончил третье пособие "Азбука педрисунка". Пособие прорецензировано, сделан набор, подписано к печати. Но уже 8 месяцев лежит без движения: нет средств. А это ведь бескорыстный, бесплатный труд, прошедший проверку на занятиях с учителями, воспитателями, на курсах усовершенствования и вместе с тем – никому не нужный труд?!

Извини за такое безрадостное письмо. Как бы мне хотелось встретиться. Но для меня, быдла, это недоступно. Может, приедешь сам летом.

Друг говорит: 50-летие Победы встречать не буду. Это нынче не наша Победа <...>

¹¹ Письмо из личного архива автора было напечатано в газете «Правда». См.: [5].

¹² Примечательно, что воинское звание «подполковник» было возрождено в Красной армии 1 сентября 1939 г., в день начала Второй мировой войны.

Как же не помянуть отдавших беззаветно жизни за Родину? Это Победа со слезами на глазах! Буду плакать!

Обнимаю вас всех.

Твой зарубежный друг без Родины.

Севастополец (подпись).

Привожу и свои комментарии, которые я написал для редакции.

«Это личное письмо. Оно не было рассчитано на газету. И я, адресат, взял на себя ответственность передать его в "Правду", газету, которую автор письма выписывал в течение многих-многих лет. Я решился на такой шаг, зная, сколь неоценимым источником для будущих историков станут не только письма с фронта, но и письма бывших фронтовиков. В них трагическая судьба поколения и страны. Но все же исключительно по этой причине я не предложил бы письмо газете. Я хочу, не скрываю, ткнуть общество в зеркало: посмотрите на себя.

А теперь об авторе письма.

Последний раз (надеюсь, что все же не последний) мы виделись несколько лет назад в Севастополе. Уже тогда ему, кандидату педагогических наук Семену Федоровичу Скляренко, с одним вынесенным из огня Великой Отечественной войны глазом было тяжело работать над очередным пособием для учителей ("Педагогический рисунок на уроках в школе"), которое было издано тиражом в тысячу экземпляров в начинавшиеся трудные времена. Как сейчас вижу его, склонившегося наискосок у стола над листками бумаги. С невероятным упорством он преодолевал сопротивление своего инвалидного состояния. С таким же упорством – уверен – он, ушедший из армии в отставку в звании подполковника, ходил в атаку. Тем горше, что честное и самоотверженное отношение к труду и к воинскому долгу на протяжении всей жизни теперь оплачивается скудно.

Герой известного американского сериала ветеран вьетнамской войны Рембо говорит: я люблю свою страну, и я хочу, чтобы она относилась ко мне так же, как я к ней. Недавно узнал, что ветераны написали президенту Таджикистана: если не можете помочь, то хоть пришлите яд, нам не нужна такая жизнь. Не знаю, читают ли президенты стран СНГ письма ветеранов Великой Отечественной войны. Но, быть может, они смотрят хотя бы американские боевики» [5].

Честно говоря, я узнал о том, что письмо Скляренко опубликовано в газете, с большим опозданием и даже не успел известить его сразу об этом. Летом 1995 г. в очередном послании ко мне (оно не датировано, что бывало редко), Семен Федорович сетовал, что только в июле узнал

о публикации в «Правде». И на этот раз, как обычно, он не мог удержаться от упоминания об украинском национализме: «Обстановка у нас в Крыму внешне, чисто внешне – спокойная, если не считать упрямой украинизации Севастополя и Крыма, ... засилия беркутов...».

В одном из «прощальных» писем (26.III.96) Семен Федорович подробно изложил содержание рукописи своего пособия по педагогическому рисованию и немного отвел места для описания постинсультного состояния здоровья: «Я жив, относительно здоров, хожу за молоком (100 м), даже за хлебом (300 м)... Сердце (по заключению) дряхлое, старческое. Когда оно успело одряхлеть: почти до 70-ти бегал. Никто из медиков не верил, что вырвусь из лап "Косой". Но уже 3-й раз вырвался (два раза в годы войны). 3-й раз в старости. Сердце болит... Но я подпольно работаю, когда остаюсь один». Заканчивается письмо прощанием, исполненным чувства долга и достоинства: «Ухожу из жизни с сознанием – все, что мог, на что хватило сил для людей, для учителя, для детей – я сделал».

Прощался с жизнью Семен Федорович в процитированном письме рано. В конце 1996 г. я получил от него очередную весточку (28.X.1996). «За это время я, после двух инфарктов и двух инсультов, вновь тяжело заболел желчно-каменной болезнью, – сообщал он. – Но постинфарктное, старое, больное, почти 76-летнее сердце могло не выдержать. Почти месяц потребовался на подготовку к операции в госпитале. 3 октября оперировали. Еще раз, уже не первый, ушел от "Косой". Сейчас долечиваюсь». И вновь страницы письма все о том же – о педагогическом рисовании. «Я по натуре – борец, подвижник, – исповедовался Семен Федорович, – но мне 76 на исходе. Надо бы еще десяток лет поработать – знаю, что надо, знаю, как надо. Но физический, энергетический (не психологический, не творческий) резерв полностью истощен... Перенапряжение в работе над "Азбукой педрисунка" [19] породило инфаркты. Над "Педагогическим рисованием" работал почти как подпольщик: тайно, ночью (у меня своя комната!), когда жена уходила из дома... со слезами: "О себе не думаешь"».

К работе над «Педагогическом рисованием...» подключилась и ректор Севастопольского института последипломного образования кандидат педагогических наук М.И.Лапенюк. Своим энтузиазмом С.Ф.Склярченко умел заражать окружающих и превращать их в единомышленников. Но главным для него было то, что плоды раздумий и труда оказались реализованы в этом пособии [14].

У меня в руках четыре странички рукописного текста из какого-то письма тех лет. Текст убористый, четкий, разборчивый, выписана каждая буква. Озаглавлен: «Материалистическое понимание истории (О проблемах в знании и изучении материалистического понимания истории)». Семен Федорович эмоционально переживал трагедию страны, как свое личное горе. Искренний историк-марксист, он стремился осмыслить причины ее крушения и распада. Прочитую его размышления и оценки. «Но вот парадокс истории. 1991 г. – вопреки референдуму за сохранение СССР следует крушение Советского Союза, развал 18 млн армии коммунистов, и все в результате невиданной гнусной измены партийных Верхов-перевертышей». Новый строй, возникший на руинах социализма, в оценке Скляренко – реставрированный капитализм, более низкая по сравнению с советским социалистическим строем ступень развития производительных сил. Воссоздался капитализм «в самой мерзкой его форме – криминально-коррупированный, породивший массовую безработицу, нищету простых людей, резкое падение их уровня жизни, утрату всех социальных завоеваний трудящихся, разрушивший социалистическую экономику, вызвавший резкое падение культуры и нравственности народа.

Но никакого парадокса в этом нет. Все закономерно. По Марксу: выросшие производительные силы общества переросли устаревшие производственные отношения, которые из форм их развития превратились в их оковы, и они были разрушены. Зигзаг истории: общественная общенародная государственная собственность вдруг, по мнению иуд-перевертышей, стала ничейной, "бесхозной", и она через "прихватизацию" обрела "истинных" хозяев: Чубайсов, Вяхириных, Лазаренковых, Тимошенковых и пр., и пр., ставших за несколько лет богатейшими олигархами, "хозяевами всего топливно-энергетического комплекса, металлургии, машиностроения" и всего-всего, созданного героическим трудом советского народа. Простые люди хорошо это почувствовали, особенно Север и Восток страны, хотя до конца не осознали причин постигшей их беды».

В изложенной выше картине ничего вроде бы ныне незнакомого нам (вне зависимости от теоретических взглядов) нет. Скляренко оперирует часто слышимым выражением «парадокс истории», но, применяя марксистскую схему о конфликте производительных сил и производственных отношений, по существу, признает – никакого парадокса истории в динамике событий антисоветской/антисоциалистической революции нет.

Далее логически после «что случилось?» идет «кто виноват?»:

«Наши партийные вожди не понимали открытых Марксом объективных законов развития общества, не предвидели и не учитывали нарастающего конфликта между растущими производительными силами и отстающими производственными отношениями; нарушения закона производства и распределения, обмена и потребления; [нарушения] паритета распределения между промышленностью и сельским хозяйством; несправедливого распределения по труду между рабочими и колхозниками, между отдельными категориями трудящихся, между производственной и непроизводственной сферами; несправедливости в сфере потребления; несправедливости в пенсионном обеспечении; неразумной "достаточности" средств на оборону; щедрой помощи "развитого" социализма развивающимся странам, Польше, Кубе, Вьетнаму и др.; дефицита товаров и продуктов, создаваемого "теневой" экономикой, при полном упразднении народного контроля. Все эти и другие нарушения в экономическом базисе осуществлялись за счет понижения жизненного уровня народа, что вызывало скрытое недовольство трудящихся политикой партии как "руководящей и направляющей" силы советского народа».

После перечисления социально-экономических противоречий и трудностей автор переходит к идейно-политическим проблемам «развитого социализма». Это тоже весьма увесистый пакет идеологических ошибок:

«Нарушения в юридической, политической, идеологической надстройке: ущемление демократических свобод и прав личности, ограничение возможности подработать, особенно для пенсионеров; ограничение критики Верхов, строгая цензура в печати; всевластие "первых", подмявших и подменивших собой народные Советы; в избирательной системе "выборы без выбора", по утвержденным парторганами кандидатам; назойливые, на всех стенах зданий, коммунистические лозунги и пропаганда льстивых успехов; "Золотые звезды "вождям за "успехи" и слепой "одобрямс".

Все это и многое другое подорвало заслуженный в борьбе за социализм авторитет партии, заслонило собой исторический подвиг народа, руководимого Коммунистической партией...

Исторический материализм как методология научного познания общества Первыми секретарями партии, начиная с Хрущева, игнорировался: партия оказалась теоретически обезглавленной, рабочий класс остался без руководства; общество стало деморализованным, хаотично-криминальным, расслоенным, оболваненным. Такова расплата

за нарушения объективных законов истории общества, общих для всех формаций, в том числе и для социализма».

Стоило ли столь подробно характеризовать перестройку как конкретную картину времени перемен в нашей стране глазами семидесятилетнего свидетеля-старика конца XX в.? Думаю, что по ряду соображений стоило. Во-первых, потому, что это попытка увидеть и проанализировать перемены с точки зрения правоверного марксиста, современника событий. Во-вторых, потому что это типичный взгляд на события, характерный для ряда бывших граждан СССР вне зависимости от их социального статуса в годы перестройки.

Приведу один пример. В прошлом году ушел от нас в мир иной видный историк и очень честный в своих взглядах на мир человек Владимир Якимович Гросул¹³. Помню, как в каждую нашу случайную встречу, происходившую в 1990-е годы, он, волнуясь, говорил об антигуманистической сущности Перестройки, идейно-политическом предательстве коммунистических верхов, социальном нигилизме ее руководителей и идеологов. И так же, как Семен Федорович Скляренко, давал оценки событиям с позиций их марксистского анализа и предательства руководства компартии. И таких людей было немало, но их голос не был слышен в обезумевшей человеческой стихии идейно-революционного разрушительного подвижничества и донкихотовской надежды на честную демократию и экономически эффективную частную собственность. Поэтому характеристика отношения к Перестройке современников, представлявших то или иное несплоченное меньшинство/большинство (?), не менее важно, чем изложение взглядов непосредственных активных участников событий тех лет – рьяных поборников перемен.

Вряд ли есть смысл в этом очерке вступать в долгоиграющую дискуссию перестроечников и антиперестроечников, но несколько соображений можно высказать. Первое. Приводимая в письме схема причин распада СССР упрощенная, как и другие альтернативные ей гипотезы, хотя проблема политической элиты, потерявшей веру в государственную идеологию и прочность самого устройства общества, остается. Второе. Нуждается в объяснении и феномен социального вакуума власти (власть, повисшая в невесомости), поскольку явно недостаточна простая констатация ошибок и идеологического невежества руководителей компартии и государства.

¹³ См.: [4].

Жизнь учит: никогда не торопись говорить ей «прощай». Цитирую письмо (30.04.2000), написанное Семеном Скляренко почти пять лет спустя после писем середины 1990-х годов:

«Пишу тебе в год восьмидесятый – старик уже! Я уже не работаю: сил маловато, не только физических, но и духовных. Упал духом. Хотя работа последних 20 лет мне доходить никак не давала. ТРУД (так в письме. – *О.В.*), который создал человека, – держал меня. Теперь не то. Ослабел не только вследствие инфарктов и инсультов (было по 2), но и вследствие чудовищного, немыслимого в таком масштабе исторического предательства, падения и маразма общечеловеческих ценностей, омерзительного падения, продажности всего и вся...

Как офицер на фронте и как инвалид II гр. я был представлен к ордену Богдана Хмельницкого. От награды отказался, т.к. Кучма этим орденом награждает галичан, сотрудничает с фашистами... Как член КПУ я активно участвовал во всех избирательных кампаниях...

Живу, как все, – трудно. Как подполковник в отставке и инвалид II гр. ВОВ я получаю приличную пенсию. Но более ¼ приходится отдавать семье сына – радиоинженера, влачащего с двумя детьми жалкое существование.

Просвета в нэзалежной дебилизированной Украине днем с огнем не сыщешь».

Горьки последние слова письма. Но из песни слова, как говорят в народе, не выкинешь.

В начале 2000-х годов Семена Федоровича Скляренко не стало. Узнал об этом я с большим опозданием. Представляю, как бы он (жерчанин по месту рождения) радовался возвращению Крыма в родную гавань.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.71. Д.205. Л.122–139.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.671. Оп.1. Д.127. Л.142–145.
3. Бахшиев Ф.М. Вы слушали Равеля «Болеро»? Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2012. 336 с.
4. Владислав Якимович Гросул: жизнь и профессия – одно. Сборник статей, посвященных памяти профессора В.Я.Гросула / Отв.ред. Е.Г.Кострикова. М.: ИРИ РАН, 2023. 452 с.

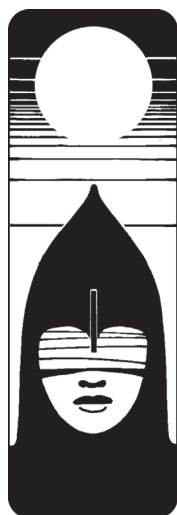
5. Волобуев О.В. «В День Победы буду плакать» – горькое письмо Семена Складенко «из-за границы» // Правда. 1995. 26 апреля. №77. С.5.
6. Волобуев О.В. Историки выпуска 1954-го // Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. Симферополь: Ариал, 2019. С.304–319.
7. Волобуев О.В. Крымскотатарский вопрос по документам ЦК КПСС (Вторая половина 50-х – середина 80-х гг. XX в.) // Отечественная история. 1994. №1. С.157–169.
8. Волобуев О.В. Симферополь. Крымпединститут. 1950–1954 годы // Россия XXI. 2022. №3. С.148–183.
9. Волобуев О.В., Кулешов С.В. История. История России. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений (базовый уровень). 8-е изд., испр. и доп. М.: Мнемозина, 2013. 335 с.
10. Волобуев О.В., Черный В.М. В скаутской форме // Крымский комсомолец (Симферополь). 1970. 25 и 27 февраля, 1 и 2 марта.
11. Волобуев О.В., Черный В.М. Оскар Сергеевич Тарханов (к семидесятилетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1971. №6. С.211–214.
12. Волобуев О.В., Черный В.М. Тарханов Оскар Сергеевич // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1973. Т.14. Стлб.129–130.
13. Грунин М.Л. Разговор с веком: Стихи разных лет. Симферополь: Крым, 1970. 119 с.
14. Лапенко М.И., Складенко С.Ф. Педагогическое рисование в школе. Севастополь, 1997. 237 с.
15. Луговой В. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1966. 637 с.
16. Материалы следствия. Протокол допроса Вардина-Мгеладзе Иллариона Виссарионовича, 9/1–35 г. – Электронный ресурс. – URL: <http://showtrials.ru/protokol-doprosa-i-v-wardina-mgeladze/> (Дата обращения 20.04.2023).
17. Материалы следствия. Протокол допроса Стремякова Михаила Петровича от 7 января 1935 года. – Электронный ресурс. – URL: <http://showtrials.ru/protokol-doprosam-p-stremyakova/> (Дата обращения 20.04.2023).
18. Митрохин В.Равиль. – Электронный ресурс. – URL: <https://proza.ru/2017/01/03/1854> (Дата обращения 28.02.2023).
19. Складенко С.Ф. Азбука педагогического рисунка: Пособие для преподавателей и студентов педзаведений, родителей, учителей... Севастополь: Севастопольский институт усовершенствования учителей, 1995. 197 с.
20. Спиртус В. Открывая воспоминания отца. Ч.5. Эпилог. – Электронный ресурс. – URL: <https://proza.ru/2016/11/15/2130> (Дата обращения 28.02.2023).
21. Черный В.М., Волобуев О.В. Со штемпелем Ялты. Симферополь: Антиква, 2019. 128 с.

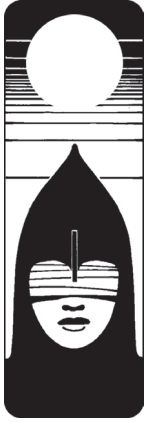
Все дела свершаются только намерениями, каждому – только то, к чему он стремится.

Хадис

Жизнь – странствие, а не дом.

Феликс Фельдхайм

Салават Исхаков

**«МЫ, ДЕМОКРАТИЯ
МУСУЛЬМАНСКИХ
НАРОДОВ РОССИИ...»:
ЗАХИД ШАМИЛЬ**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК

329.3:297

Статья посвящена общественной и политической деятельности одного из северокавказских лидеров начала XX века З.Шамиля, внука имама Шамиля. Приведены ранее неизвестные факты из его биографии в условиях русской революции и гражданской войны 1917–1920 гг.

The article is devoted to the social and political activities of one of the North Caucasian leaders of the early twentieth century Z.Shamil, the grandson of Imam Shamil, previously unknown facts from his biography in the conditions of the Russian revolution and civil war of 1917–1920 are given.

Ключевые слова: Северный Кавказ; И.В.Сталин; М.Султан-Галиев; З.Шамиль; национальная политика; Всероссийский мусульманский совет.

Key words: North Caucasus; I. V. Stalin; M. Sultan-Galiev; Z. Shamil; national policy; All-Russian Muslim Council.

E-mail: rusrevref@mail.ru

Одним из ключевых участников борьбы за самоопределение мусульманского населения бывшей Российской империи в 1917–1920 гг. был внук имама Шамиля – Захид Шамиль, известный общественный деятель и политик. Его роль в истории этой борьбы недостаточно изучена, хотя он достаточно популярная личность в историографии [Подробнее см.: 5, с.274; 8, с.295–296; 13, с.31–48]. Обращение к его истории в достаточной степени позволяет обнаружить, насколько важна была память о его знаменитом предке для сознания горцев Северного Кавказа и представление о нем как о политике, входившем в политическую элиту мусульман Российской империи и действовавшем в условиях русской революции и гражданской войны.

Прежде всего важна историческая обстановка для понимания его деятельности, которая пришлась на переломную эпоху падения Российской империи и становления новой государственности ее народов. Необходимо отметить ряд ключевых моментов биографии Захида Шамиля.

В начале XX в. он жил в Казани, где служил чиновником по особым поручениям при казанском губернаторе, при этом был общественным деятелем. Затем он переехал в Москву, где стал активным участником общественно-политической жизни российских мусульман в условиях самодержавного строя. Получив должность в Главном управлении по делам печати, он в конце 1906 г. переехал из Москвы в Петербург. Здесь он активно участвовал в мусульманской общественной жизни и в том числе в работе съезда мусульман Российской империи, который состоялся 25 июня 1914 г. в Петербурге (см. фото 1). Главной задачей съезда было осуществить защиту гражданских прав мусульманского населения и его самобытности.

В те годы в мусульманском движении сосуществовали два основных течения: консервативное и либеральное. Борьба между его лидерами являлась, в сущности, отражением столкновения двух групп политической элиты: одна стремилась сгладить противоречия и создать единое мусульманское движение на всей территории империи, а другая – к отдельному развитию того или иного народа. Но к национальной идее мусульманские массы в империи, как, впрочем, и их единоверцы в других странах, относились с полным равнодушием. Европейские понятия «национализм», «сепаратизм» в начале XX в. применительно к мусульманским общностям теряли всякий смысл, ибо мусульмане идентифицировали себя не через политику, а через веру и культуру. Захид по своим политическим взглядам был демократом, что ярко проявилось после Февральской революции в 1917 г. и краха русской монархии.

Фото 1. Участники съезда мусульман Российской империи. Петербург, 25 июня 1914 г.
На переднем плане у входа в столичную Соборную мечеть сидит на полу – З.Шамиль

В условиях новой политической реальности активны были мусульманские социалисты, которые возглавили мусульманские движения в разных частях страны. Весной 1917 г. в Петрограде стал действовать Всероссийский мусульманский совет, в котором преобладали социалисты-мусульмане. Членом этого Совета стал Захид Шамиль, что было вполне естественно, особенно в глазах мусульман Северного Кавказа.

Участие Захида в работе Всероссийского мусульманского совета, который действовал на всем пространстве бывшей Российской империи, означает, что он поддерживал цели и задачи этого общеимперского мусульманского движения, стремившегося к культурному объединению и самоутверждению всех мусульман Северной Евразии, усматривая при этом возможность существования территориально автономных единиц, управляемых представителями мусульманского населения как залог прогрессивного и культурного развития народов, входящих в состав федеративного государства и сохраняющих в то же время религиозно-культурную связь со всеми мусульманами земного шара.

Фото 2. Группа представителей Кавказского туземного конного корпуса, прибывших в Петроград 31 августа 1917 г., у здания столичной Соборной мечети. Начало сентября 1917 г. На переднем плане в центре – З.Шамиль

Впервые эта фотография (см. фото 2), обнаруженная в архиве, увидела свет в моей книге в 2003 г. [7, с.441]. Здесь указано, что в центре снимка, как мне удалось впервые определить, находится Захид. Эта фотография с тех пор стала популярной не только у современных историков, правда, никто при этом не указывал, что она была впервые опубликована в моей книге. Так, в книге, посвященной истории дагестанского села, П.И.Тахнаева утверждает, что рядом с З.Шамилем на фотографии были офицеры 2-го Дагестанского конного полка [11, с.419, 420]. В коллективном издании, подготовленном ингушскими историками, под этой же фотографией сказано, что рядом с Захидом стоят офицеры и всадники Ингушского конного полка [4, с.306]. В интернете встречаются и другие данные о том, кто стоял рядом с ним.

Главным событием общественной жизни мусульманского народа в 1917 г. стало оформление в лице Всероссийского мусульманского совета

их политического движения, направленного на создание условий уравнивания мусульманства как религиозно-национальной нации (уммы) с русским народом. Это было мусульманское политико-религиозное движение.

В условиях революции Всероссийский мусульманский совет отражал не определенную политическую ориентацию, а стремление северо-евразийских мусульман к консолидации и разрабатывал теорию мусульманского движения с тем, чтобы религиозную систему мировоззрения совместить с новыми реалиями жизни; придавал мусульманскому движению демократический характер как в смысле установления народовластия, так и в смысле нивелировки внутриобщинных сословных различий; выдвинул ряд политических положений и требований, нацеленных на преобразования в мусульманских землях, на реализацию поставленных задач самоуправления мусульманского народа, на достижение культурной, политической и экономической самостоятельности мусульман.

Фото 3. З.Шамиль в помещении Всероссийского мусульманского совета за чтением газеты «Известия Всероссийского мусульманского совета» (на журнальном столике – региональные газеты на тюркском и русском языках). Петроград, Конногвардейский пер., д.6, кв.4. 12 января 1918 г.

Эта фотография (см. фото 3) обнаружена мной в архиве и впервые опубликована в 2006 г. [12], затем в 2014 г. [3]. На этом снимке привлекает внимание изображение на покрытии кресел: идущий лев, держащий в лапе меч. Как известно, это очень древний символ, который использовался также в странах Востока. Учитывая, что именно Захид имел отношение к дизайну помещений Всероссийского мусульманского совета, то логично предположить, что выбор этих покрытий с таким красноречивым символом был сделан им не случайно. Лев, как известно, был символом мощи и мужества. Не случайно один из видных татарских писателей и политиков начала XX в. Г.Исхаки называл Захида Шамиля потомком «северокавказского льва – шейха Шамиля» [6, с. 121]. Так писатель выразил огромное уважение как к имаму Шамилю, так и к Захиду со стороны татарского и мусульманского общества.

Несмотря на то, что на первый план общественно-политической жизни в течение 1917 г. вышла мусульманская интеллигенция Северного Кавказа, роль мусульманских религиозных вождей в политических процессах на горских территориях продолжала оставаться решающей. Эти вожди оставались на консервативных позициях и были уверены, что какие-либо преобразования, которые предлагал, в частности, Всероссийский мусульманский совет не нужны, что это приведет к упадку. В частности, дагестанский шейх Али Гаджи (Али-Хаджи) Акушинский выступил в бакинской газете «Каспий» со статьей, где резко критиковал политику Всероссийского мусульманского совета. Шейх, в частности, писал, что Ахмеду Цаликову (осетин-мусульманин), который был председателем этого совета и его исполкома, «причудилось», что он «вправе делать наставления представителям» горцев, «подобно тому, как это проделывали учителя дореформенной школы по отношению к провинившимся ученикам». «Такая немилость» со стороны Цаликова постигла «бедных горцев... лишь за то, что они, не испросив разрешения у мудрейшего из своих сынов, осмелились вступить в союз с представителями казачества... Не в том ли причудилась почтенному председателю центрального исполнительного комитета измена демократии горцев, что они, боля душой за судьбу своей родины, также подверженной волнам общей разрухи и анархии, царящей в стране, сочли за благо, согласно единой воле народа, подумать о своей судьбе и о судьбе своих родных аулов, координировав при этом свои действия с представителями вольного казачества?!». Этот текст из бакинской газеты Цаликов про-

цитировал в петроградской газете «Известия Всероссийского мусульманского совета» 10 ноября 1917 г. и дал в ней свой ответ на этот выпад: «Гаджи-бей недоволен моим обращением к горским народам Северного Кавказа». «Я менее всего намерен вступать в полемику с почтенным автором статьи, так как, очевидно, сущность моей телеграммы осталась за пределами его понимания... Не как председатель Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета, а как кавказский горец я счел своим нравственным долгом предупредить своих братьев в глухих ущельях Кавказа о ложном шаге, на который толкают их лица, которым они готовы слепо верить». Иначе говоря, между Цаликовым и его соратниками, среди которых был и Захид Шамиль, и, с другой стороны, Али Акушинским и его единомышленниками, возникло расхождение в том, как они видели путь, по которому вести мусульман.

Ситуация резко изменилась после того, как 21 апреля 1918 г. большевики решили распустить размещавшееся в Уфе Национальное управление культурно-национальной автономии мусульман внутренней России и Сибири. Этот орган на практике воплощал в жизнь решения Всероссийского мусульманского совета в отношении мусульман Европейской России и Сибири. Специальная делегация из представителей мусульман посетила вскоре председателя ВЦИК Я. М. Свердлова. После продолжительного обмена мнениями делегация оставила заявление, в котором от имени мусульман внутренней России было сказано, что роспуск их Национального собрания вызывал, как сказано в источнике, «всеобщее недовольство мусульман», оценивавших этот акт как действие, «самым вопиющим образом» нарушавшее свободу самоопределения народов, провозглашенную советской властью, и как «оскорбление нашего национального чувства» [7, с. 301], но этот протест не был принят во внимание советским правительством.

На этом документе, который имеет заголовок «Протест мусульман по поводу роспуска их Национального Управления», есть такая помета: Шамиль, Цветной бульвар, д. 18, кв. 16 [2, оп.1, д. 23, л. 59]. Этот дом принадлежал его тестю – татарскому купцу Х. Байбекову. Квартира, где Захид жил, была местом встреч мусульманских политиков весной 1918 г., когда большевики стали закрывать их организации, в том числе Всероссийский мусульманский совет.

Вскоре Захид принял участие в событиях, которые происходили в Казани в первой половине 1918 г., где шла борьба за создание татар-

ской государственности. В сентябре 1918 г. его арестовали в Москве вместе с группой работников Туркестанского продовольственного отдела, в помещении которого он жил в то время. После того, как он полтора месяца находился под арестом, выяснилось, что он не имеет отношения к каким-либо нарушениям с точки зрения большевиков [2, оп.17, д. 10, л. 56], его освободили.

Однако проблемы с советскими руководителями у него не прекратились. Его участие в претворении в жизнь советского декрета (от 22 марта 1918 г.) о создании Татаро-Башкирской республики вызвало со временем недовольство у большевиков. Так, зав. отделом по делам мусульман Закавказья при Центральном мусульманском комиссариате азербайджанец М. Ибрафилбеков, вспоминая о событиях в Казани, заявил на заседании 2-го Всероссийского съезда мусульманских коммунистических организаций народов Востока 29 ноября 1919 г., проходившем в Москве, следующее: «...в Татаро-Башкирской республике существует представитель подлейшего шовинизма тов. Шамилев. Жаль, что он потомок тех честных революционеров, которые отстаивали Дагестан в течение 60 лет, это очень больно, но приходится констатировать факт» [9, с.355]. Говоря так, Ибрафилбеков, близкий к наркому по делам национальностей РСФСР И.В. Сталину, знал его истинное отношение к Захиду, к тому, что он пытался сделать в Казани.

На этом съезде было избрано Центральное бюро Мусульманских коммунистических организаций народов Востока, которому советское руководство поручило агитировать мусульман Башкирии, Кавказа, Казахстана, Поволжья, Туркестана встать на сторону советской власти, поддержать большевиков. Его руководители использовали Захида в своих разнообразных пропагандистских целях, учитывая огромную его популярность среди мусульман всей Северной Евразии. С давних времен, писал в своем дневнике известный мулла Г.Баруди, встретившись с ним летом 1920 г., Захид был известен своим благородным характером [14, б.181].

В удостоверении, подписанном председателем этого бюро татарским большевиком М. Султан-Галиевым 27 мая 1920 г., было сказано, что Захиду Шамилю доверяется управление домом в Малом Татарском переулке (дом 8), являющимся культурным центром не только московских мусульман. Он был построен в Москве на средства бакинского миллионера нефтепромышленника А.Ш. Асадуллаева в 1913 г. Здесь размещались школа, музыкальные залы, богатая библиотека,

интернат для бедных и сирот; изучались восточные и европейские языки, история, поэзия, музыка, проводились диспуты на актуальные темы с участием ученых Москвы и других городов. В обязанности Захида входило следить за вверенным ему домом и своевременно принимать меры к его ремонту. В другом мандате этого же бюро от 4 августа 1920 г., выданном «ответственному инструктору мусульманских школ тов. Шамилю», сказано, что он командирован в Петроград для приобретения учебников на татарском языке и учебных пособий, а также для ознакомления с постановкой школьного дела. В телеграмме, направленной Султан-Галиевым из Москвы в Петроград представителям петроградских мусульман, сообщалось, что 27 сентября 1920 г. З.Шамиль умер, и что похороны были назначены на 29 сентября 1920 г. [10, д. 129, л. 63; д. 185, л. 124, 223]. Год его смерти был указан в моей монографии, опубликованной в 2007 г., в научной литературе ошибочно указывается иная дата – 1924 год.

Надо полагать, что с этими же учебными делами была связана в то время его мачеха Биби-Марьям-Бану Апакова-Шамиль, дочь представителя татарской купеческой династии Казани, купца 1-й гильдии, которая в начале XX в. переехала в Петербург. Об этом свидетельствует удостоверение, которое было выдано ей в Москве председателем Дагестанского представительства Наркомата по делам национальностей РСФСР 29 марта 1921 г., согласно которому она командировалась в Петроград вместе с членом Чрезвычайной делегации Дагестана и членом ВЦИК РСФСР А.А.Тахо-Годи по поручению Наркомата просвещения Дагестанской АССР. В документе отмечалось, что гражданка Мариам-ханум Шамиль имеет право проезда в штабных и международных вагонах, что все советские учреждения обязуются оказать ей полное содействие [2, оп.21, д. 94, л. 82].

Очевидно, что Шамиль не мог поехать на Северный Кавказ, так как большевики не могли его пустить, учитывая его авторитет как потомка имама Шамиля. Конечно, на большевиков в Кремле произвело впечатление то, что, когда в Дагестан вошли войска горского правительства, город Петровск осенью 1918 г. был переименован в Шамиль-Кала. Несомненно, что под разными предлогами большевики фактически удерживали Захида в Москве. Этим, можно предположить, объясняется его «случайный» арест в сентябре 1918 г.

Вместо него в 1918 г. на Северный Кавказ отправился Цаликов, который, оказавшись в гуще событий, обратил внимание на то значение, которое имела память об имаме Шамиле для горцев. Так, в на-

чале 1919 г. он писал в тифлисской газете «Борьба», что на Северном Кавказе идет горско-деникинская война, «отбрасывающая горские народы ко времени Шамиля» [3, с. 444], т.е. война за свободу и независимость.

Эти события на Северном Кавказе были охарактеризованы на конференции политических деятелей Северного Кавказа, которая состоялась в Тифлисе 28 августа – 3 сентября 1919 г. Так, 29 августа 1919 г. осетин врач Дж. Урусов (врачебно-санитарный инспектор Горской республики, член Союзного меджлиса горцев Кавказа), очевидец событий со стороны горцев, сказал: «Насколько я познакомился с Чечней Веденского округа, я уверен, что она воевать будет. У меня свежа в памяти клятва веденцев, которую они произносили на кургане, освященном памятью имама Шамиля» [3, с. 486]. Это была демонстрация неприятия горцами русской власти, которую они считали узурпаторской.

Выступая на этой конференции 30 августа 1919 г., Цаликов так выразил сущность процессов, которые происходили на Северном Кавказе после 1917 г.: «Для ясного представления о текущих задачах горской демократии необходимо отметить, в какие формы отливалась политическая жизнь на Северном Кавказе в различные периоды Российской революции. После Февральской революции политическая жизнь нашего края завертелась вокруг трех центров. Политическая жизнь горских народов сконцентрировалась вокруг ЦК Союза горцев. Общее прошлое, общий народный дух, заветы шамилевской эпохи звали горцев на этот путь единения. Память о Шамиле и его героической борьбе за независимость и внутреннюю свободу всегда служила моментом, объединяющим различные племена горских народов. Естественно, что в час падения царской России горцы собрались вокруг того центра, создание которого было завещано им их историческим прошлым... Разве героическая борьба Шамиля не может служить для нас примером железного мужества и неослабеваемой энергии? Русская бюрократия за время своего владычества успела развратить наши народы, но угасить дух в народе окончательно она не сумела. Дух борьбы жжет сердца горцев» [3, с. 487, 488]. Здесь ясно сказано, что, несмотря на постоянные декларации царской власти о том, она принесла позитивные перемены в жизнь горцев, те ненавидели ее.

«Настоящее движение носит не только национальный, но и религиозный характер. Во главе его стоят... шейх-уль-ислам Горской

республики Али-Хаджи Акушинский и Узум-Хаджи, являющиеся в горах представителями сильных религиозных течений, – отмечал и. о. председателя Союзного межджлиса горских народов Кавказа ингуш В.-Г. Джабагиев в письме (от 6 октября 1919 г.), американскому генералу Дж. Харборду, который прибыл в Тифлис во главе американской миссии с задачей изучить политические, военные, географические, экономические, административные и другие вопросы в Армении, Азербайджане, Грузии и Малой Азии. – Движение возникло одновременно в Чечне и Дагестане, и в борьбе принимают участие все народы Терской и Дагестанской областей – чеченцы, лезгины, ингуши, кабардинцы и пр. Борьба обещает быть чрезвычайно упорной и продолжительной, приняв характер настоящей народной войны, по примеру 60-летней борьбы знаменитого имама Чечни и Дагестана Шамиля и его предшественников. За то, что это будет так, говорит лучше всего то, что движение не вызвано никакой агитацией со стороны интеллигентных руководителей-горцев или политических партий, но возникло из недр народных, стихийно, в тот момент, когда горская интеллигенция совершенно покинула народ и после тщетных попыток вызвать народ к восстанию вынуждена была удалиться с родины на чужбину» [3, с. 507]. Выдвижение героев шамилевской эпохи в эпицентр этих событий как звена между исторической памятью и их борьбой означает, что вожди XIX в. отпечатались в коллективной памяти горцев в качестве символов, стали основой их борьбы за самоопределение.

С обретением свободы в 1917 г. у горских вождей появилась потребность рассматривать историю своей страны с позиции борьбы за независимость. Свидетельств такого подхода достаточно. Так, в воззвании А. Акушинского к мусульманам Кавказа, опубликованном 9 ноября 1919 г., отмечалось, что «Совет обороны Дагестана до последней возможности будет защищать ислам, свободу, независимость и земли горцев Кавказа, которые Деникин хочет снова отдать казакам, но за которые мы будем бороться так же упорно и мужественно, как это делали наши отцы с имамом Шамилем во главе» [3, с. 529]. Такие вожди, как Акушинский, постоянно напоминали горцам о трудной жизни в царско-имперское время. В мировосприятии горской массы имам Шамиль и его соратники стали опорными константами их идентичности. Такое движение основывалось на высоком уровне поддержки горскими массами главной его цели – установления здесь исламского правления.

С точки зрения политологического анализа сложившейся здесь ситуации интересна статья Цаликова «Шариатизм горского движения» (опубликована 20 ноября 1919 г. в тифлисской газете «Вольный горец»). Автор пишет: «Когда начнется национально-политическое государственное строительство горских народов, шариат должен будет стать одним из его формирующих моментов. Только при этом условии это строительство получит естественный характер и будет санкционировано народной совестью. Конечно, это будет не тот схоластический шариат, который муллы и шейхи старой закваски выдвигали как плотину против всяких новшеств, а шариат, очищенный от рутины, строго согласованный с требованиями демократии и прогресса. Смешно было бы народам, которые сейчас живут еще теми настроениями и чувствами, какими они жили в эпоху Гамзата и Шамиля, преподнести социалистическую или, в особенности, коммунистическую идеологию с тем, чтобы они принципы этих учений воплотили немедленно в жизнь. Только безнадежные Дон-Кихоты могут заниматься такой работой. Для горских народов пока достаточно осуществления принципов демократизма, причем должна быть учтена их особенность – выкованная веками приверженность к шариату как народно-правовому институту, воплощающему всю сумму моральных понятий народа». Здесь Цаликов ответил, в какой степени идеи Всероссийского мусульманского совета, в том числе Захида Шамиля, соответствовали устремлениям всего многонационального горского населения Северного Кавказа. Конечно, приезд Захида на Северный Кавказ в такой ситуации мог бы только обострить разногласия с Акушинским и другими религиозными вождями Северного Кавказа.

Примерно через год Цаликов решил в редактируемой им тифлисской газете повторить свою речь о войне и мусульманах на общемусульманском съезде в Москве в мае 1917 г. Однако в газетном тексте имеются несколько существенных отличий от майского варианта, которые выделены мной курсивом: мусульмане являются «особой культурно-исторической формацией, особой группой населения свободной России и, как таковые, могут иметь *особые* общие мусульманские идеалы и интересы *как внутри России, так и вне ее...* Мы, демократия мусульманских народов России...» [1, 31 дек.]. Рассуждения насчет мусульманской формации есть результат раздумий Цаликова о том, что в теоретическом плане представляли собой мусульмане Северной Евразии к 1917 г., выражение определенной концепции, которая им разрабатывалась. Она опиралась прежде всего

на единство мусульманской культуры народов этого пространства, ибо мусульманин ориентирован главным образом на конфессиональную межнациональную общность, которая охарактеризована Цаликовым как формация, а только потом на те или иные локальные национальные, социальные, политические, культурные общности. В этом была принципиальная разница между позицией Ахмеда Цаликова (и, надо полагать, его близкого соратника Захида Шамиля) и позицией Али Акушинского, а также других религиозных вождей Северного Кавказа.

Захид Шамиль – один из тех, кто входил в группу политиков, которую Ахмед Цаликов называл «демократия мусульманских народов России».

Библиографический список

1. Вольный горец (Тифлис). 1920.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-1318.
3. Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 816 с.
4. История Ингушетии. Магас: Тетраграф, 2011. 483 с.
5. Исаков С. М. Ислам в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. М. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. С.274.
6. Исаков С. М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2007. 400 с.
7. Исаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М.: Институт российской истории РАН, 2003. 476 с.
8. Исаков С. М. Шамиль Захид Шафиевич // Ислам в Москве. Энциклопедический словарь. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. С.295–296.
9. Протоколы I и II всероссийских съездов коммунистических организаций народов Востока. Москва. 1918, 1919 годы. М.; СПб.: Институт российской истории РАН, 2017. 552 с.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 583. Оп. 1.
11. Тахнаева П. И. Аул Чох. Мир ушедших столетий. М.: Б.и., 2010. 709 с.
12. Ishakov S. Muslims in Russia, 1881–1918. In Russian and émigré periodicals. Leiden: IDC Publishers, 2006. 4 p.

13. Turan M. A. “Tarihin Kayıp Çocukları”na Dair Bir Derkenar: Muhammed Zahid Şamil // Kafkasya Çalışmaları – Sosyal Bilimler Dergisi / Journal of Caucasian Studies. Mart / March 2017, Yıl / Vol.2. №4. S.31–48.

14. Баруди Г. Хатирә дәфтәре: 1920 елның 12 июненнән алып сентябрь ахырына кадәр. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исемдәге Тарих институты, 2017. 236 б.

Я бы хотел жить в обществе,
которое пользуется
поддержкой власти.

Януш Васильковский

Всякая власть исходит
от народа. И никогда уже
к нему не возвращается.

Габриэль Лауб

Даниэль Камари

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

УДК
316.3

Стремительное развитие делиберативной демократии (совещательной демократии) в начале XX века привело к образованию многочисленных государственно-общественных институтов в РФ. Такими институтами являются общественные советы при органах государственной власти и парципаторные платформы. Так демократия и цифровые технологии все больше стали вытеснять устаревшие гражданские и общественные институты и способствовать появлению новых на основе электронной партиципации (участия). Настоящее исследование показывает, что на смену уходящим институтам власти не пришли другие. Общественные советы и электронные парципаторные платформы не стали двигателями общественного развития. Причина этого, по мнению автора, связана с тем, что эти институты сосредоточены исключительно на деятельности органов государственной власти.

The quick development of deliberative democracy led to the formation of numerous state-public institutions. Such institutions are public councils under state authorities and digital participation platforms. Democracy and digital technologies have increasingly begun to push out outdated civil and public institutions and promote the emergence of new ones based on electronic participation (participation). The author believes that the outgoing institutions of power have not been replaced by others. Public councils and electronic participatory platforms have not become engines of social development. The reason for this, according to the author, is due to the fact that these institutions are focused exclusively on the activities of public authorities.

Ключевые слова: делиберативная демократия; информационно-коммуникационные технологии; общественные советы; архаизация; интернет.

Key words: Deliberative democracy; Information and technologies; public councils; archaization; Internet.

E-mail: danikamari@mail.ru

В последнее время спрос на справедливость увеличивается по нарастающей траектории. Об этом свидетельствуют данные исследований, проведенных отечественными и зарубежными аналитическими агентствами. Причиной всего этого, как полагают многие, является ослабление или отсутствие контактов между государством и народом. В России вопросами, связанными с учетом и анализом интересов, потребностей и мнения граждан, а также общественным контролем, занимаются многие государственные институты власти. Среди них наиболее авторитетной является Общественная палата РФ. Подобные институты также существуют в бывших советских республиках. В Белоруссии это Правовой консультативный совет при Республике Беларусь, в Казахстане – Национальный совет общественного доверия при Президенте Республики Казахстан, в Узбекистане – Общественная палата при Президенте Республики Узбекистан, в Таджикистане – Общественная палата Республики Таджикистан. Общественная палата Российской Федерации была создана по распоряжению Б.Н.Ельцина в 1994 году. С 1996 по 2000 год она была преобразована в Консультативный совет при Президенте РФ. Этот Совет, в свою очередь, был упразднен в 2000 году. Общественная палата вновь была создана федеральным законом «Об Общественной палате Российской Федерации» от 04.04.2005 №32-ФЗ. Через Общественную палату РФ формируются непосредственно общественные советы при министерствах и федеральных органах государственной власти РФ. Все советы осуществляют свою деятельность на основе методических рекомендаций и стандартов функционирования советов и экспертных групп при федеральных органах исполнительной власти, утверждаемых решениями Общественной палатой РФ. Все решения советов носят исключительно рекомендательный характер. Любопытно, что в некоторых случаях заседания советов при министерствах и департаментах созываются по инициативе руководителей министерств, а в советы входят бывшие руководители ведомств. Этот факт вызывает критику со стороны общественности [8; 10]. В связи с этим возникает вопрос, что является общественным советом в современных условиях: экспертная группа или орган общественного контроля. Наша задача сводится к анализу состава, структуры и деятельности общественных советов при органах государственной власти на основе публичных данных для выяснения вектора развития общественных советов.

**Общественно-государственные
или государственно-
общественные советы**

Общественные советы – это самый быстроразвивающийся институт гражданского общества в России. На сегодняшний день в Москве

общественные советы есть при каждой управе, префектуре, департаменте, при уполномоченном по правам человека и мэре Москвы. Помимо этого, существует городская общественная палата города Москвы. На федеральном уровне есть общественные советы при министерствах и т. д. С 2006 года количество советов сильно увеличилось. Разросся этот институт невероятно быстро по всей стране. О проблемах общественных советов вышло немало количество исследований. Среди них работы А.Ю. Сунгурова, В.А. Иноземцевой, В.В. Гриба и др. [2, с.16–17; 4, с.175–183; 11, с.34–48; 13, с.349–355]. Однако зарубежные исследователи непрерывно критикуют общественные советы, указывая на их несовершенство [19, р.323–347; 20, р.409–419]. Некоторые из них утверждают, что общественные советы выполняют лишь отчасти свою функцию и частично обеспечивают развитие демократии в России [18, р.98–100; 15, р.10–17]. Почему так происходит? В чем же заключается функция общественного совета? Например, в функции общественного совета входит рассмотрение ежегодных планов и отчетов об их исполнении, оценка эффективности осуществления закупок товаров и услуг министерством или ведомством, участие в антикоррупционной работе, подготовка докладов по итогам рассмотрения и проверке деятельности министерства. Чтобы попасть в общественный совет при федеральном агентстве или министерстве, необходимо пройти конкурсный отбор. Члены в советы избираются от общественных или социальных объединений. Срок полномочий общественного совета составляет три года. Если гражданин не является членом такой организации, он не имеет возможности быть избранным в общественный совет. В члены могут быть избраны граждане, достигшие 21 года. Но все это относится к общеизвестным фактам, прописанным во всех положениях советов при министерствах. А что действительно представляет важность, это – состав советов. Статистические показатели весьма интересны. Возраст большинства членов общественных советов при министерствах РФ старше 60 лет.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Таблица 1. Число членов общественных советов при министерствах РФ по возрастным группам.

Общественные советы при министерствах РФ	Возрастные категории					Общее количество членов в совете
	21–30 лет	30–40 лет	40–50 лет	50–60 лет	60 лет и старше	
Министерство внутренних дел	-	2	12	13	14	41
Министерство финансов	-	-	5	6	12	23
Министерство транспорта	1	7	12	5	7	35
Министерство культуры	1	6	7	5	16	35
Министерство просвещения	1	3	3	4	2	13
Министерство высшего образования и науки	-	3	6	5	11	25
Министерство здравоохранения	-	4	4	10	15	33
Министерство сельского хозяйства	-	5	6	14	10	37
Министерство юстиций	-	1	6	6	27	40
Министерство труда и социальной защиты	3	3	6	8	13	33

Источники: сайты министерств РФ [6, с.142–148]

Представителей в возрасте от 20–40 лет крайне мало. Как правило, членом становится либо руководитель общественной организации, либо его заместитель. Внутри некоторых общественных советов РФ сформировалась иерархическая структура. Кстати, подобная структура сформировалась в общественных палатах некоторых европейских стран, как например в Экономическом, социальном и экологическом совете Франции и в его региональных представительствах. Там общественные палаты еще больше объединены с государством. Проблема общественных советов в России и в других демократических странах заключается в том, что по многим аспектам они напоминают экспертные советы. Главное отличие экспертной группы от общественного совета заключается в том, что первая выполняет независимую оценку по поручению органа государственной власти, а второй

проводит экспертизу с целью недопущения нарушения интересов граждан и защиты их прав и свобод. Когда в состав общественных советов преимущественно входят представители благотворительных фондов и ассоциаций предпринимателей, то интересы разных слоев населения ущемляются и нарушаются. Это происходит в том числе и потому, что профсоюзные организации очень плохо представлены в общественных советах.

Что касается возможностей общественных советов, то и здесь все неоднозначно. Об этом много уже было написано, особенно зарубежными исследователями [14, р. 345–362]. Коснемся лишь тех вопросов, на которые (как нам кажется) следует обратить внимание. В России проверки министерств общественными советами проводятся в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами. Но в настоящее время федеральным законодательством они не регламентированы. Поэтому обсуждаемые вопросы имеют определенные лимиты. По этой причине деятельность общественных советов в какой-то мере зависима от решений государственных структур. Так что такие общественные институты являются государственно-общественными объединениями. Некоторые исследователи разделяют общественное и гражданское начало. Первое выполняет функцию по заданию заказчика, а второе выступает за модернизацию общественных советов и развитие трудовых отношений в интересах гражданского общества [12, с. 87–98]. Вопрос о том, насколько можно отделять гражданское от общественного, остается неясным. Но, как бы то ни было, проблемы общественных структур оказывают неблагоприятное влияние на общество.

Модернизация общественных советов и развитие трудовых отношений

В России формирование и развитие общественных советов в начале XXI века шло параллельно со становлением и совершенствованием информационно-коммуникационных технологий. С переходом на рыночную экономику, в начале 1990-х гг. в России начался массовый завоз компьютеров из-за рубежа. Интернет в Россию пришел только в 1994 г. с появлением собственного домена. Примечательно, что в том же году была создана первая Общественная палата РФ. Вскоре было налажено российское производство ЭВМ, которое стало быстро развиваться. С 1996 по 1997 гг. производство отечественных компьютеров увеличилось на 40%, а расходы на компьютерную тех-

нику выросли на 12 % (с 1995 г.) [1, с.25–29]. Компьютеризация страны привела к созданию первых сетей передачи данных и к началу формирования единого информационного пространства России. Но это лишь было началом. С 2000-х гг. произошел качественный скачок на новый этап за счет изменения курса политики на централизацию капитала и производства. Информационные технологии позволили наладить этот процесс. Именно эти меры уже через несколько лет привели к идее о необходимости внедрения системы «Открытого правительства» для повышения доверия граждан к действиям власти. Главным достижением перехода на информационные технологии является запуск в 2009 г. портала государственных услуг. Ресурсами для общения с чиновниками все чаще становятся социальные сети. Согласно официальным данным, социальными сетями в 2015 году пользовались 60 % граждан [3]. В 2021 году эта цифра выросла на 13 % [17]. Это связано с увеличением числа домашних хозяйств, имеющих доступ к сети интернет как в городской, так и в сельской местности, особенно в период карантинных ограничений в 2020–2021 гг. Появились платформы для общения с гражданами на сайтах органов государственной власти. В Европе и России получили развитие парципаторные платформы. Они представляют собой интернет-ресурсы, где зарегистрированные граждане имеют право выдвигать инициативы и голосовать за уже созданные. Инициативы проходят экспертизу, после чего поступают на рассмотрение компетентным органам власти [5, с.49–53]. В результате это еще больше приоткрыло дорогу к парципаторному пути развития. Часто это явление называют делиберативной демократией. Однако, как верно отмечает А.Кустарев, делиберация может сочетаться с любым другим политическим строем [7, с.52–61]. Главное отличие делиберативной демократии от парципаторной заключается в характере участия. В парципаторной демократии граждане наделяются возможностью напрямую повлиять на ход политических событий путем голосования, тогда как делиберация предполагает больше дискуссию и обсуждение. Эта дискуссия зачастую не приносит значимых результатов для общества. Поэтому делиберация и фактическое участие разные вещи.

В самом деле, в некоторых случаях формирование и развитие демократических институтов не всегда позволяет говорить о развитии общественного участия. В Китае в 1949 году был создан Народный политический консультативный совет, который является не столько общественно-парципаторным институтом, сколько делиберативным.

В том же году появилось местное самоуправление. Несмотря на бурное развитие за счет совершенствования разных государственных программ, в том числе “one matter, one discussion” (низовая демократия) [16, p. 19–37], местное самоуправление развивается не как институт гражданской самоорганизации, а скорее как орган публичной власти [9, с.87–92]. Поэтому теория связи делиберации и общественного мнения не находит подтверждения на практике.

Как бы то ни было, технологии упрощают прямое взаимодействие между чиновниками и гражданами. В цифровом обществе это обстоятельство может привести к тому, что общественные советы будут более активно контролировать и следить не только за отношениями между чиновниками и гражданами, но и участвовать более деятельно в проблемах граждан. Особенно это важно в трудовых отношениях, которые находятся в кризисном состоянии. Из-за постоянной оптимизации государственного сектора отношения между работодателем и работником все больше усложняются. Работники в России сталкиваются с многочисленными нарушениями прав, которые зачастую не фиксируются. Профсоюзы в эти вопросы не вмешиваются. Поэтому не ведутся коллективные переговоры с работодателем. В развивающихся странах с низким участием государственного сектора в экономике происходит рост неформальной занятости. По миру уровень неформальной занятости составляет 61 %. В развивающихся странах этот показатель выше – 71 %. В развивающихся странах это приводит к стагнации социально-экономического развития.

Казалось бы, ослабление профсоюзного движения должно усилить роль общественных советов в трудовых отношениях, однако это не происходит. В одних странах отсутствуют общественные советы, а в других общественная инициатива не находит поддержки со стороны государственных органов. Усиление контроля за работодателями со стороны общественных советов может привести к существенному улучшению ситуации на рынке труда. Контроль должен охватывать как бюджетные организации, так и частные предприятия. К этому подталкивают геоэкономическая и геополитическая ситуация, необходимость интенсивного экономического роста.

Перестройка общественных советов в России является важным этапом в развитии гражданского общества и социально-экономического развития, так как в будущем цифровые технологии все больше будут выталкивать устаревшие гражданские и общественные институты и воз-

вращать их во все более недемократическое состояние. Это означает, что диалог между государством и гражданами только усложнится.

Заключение

Итак, качественное развитие общественных советов в России замедлилось во втором десятилетии XXI века. Стоит отметить, что Общественная палата РФ со времен первой созданной палаты при Б.Н.Ельцине изменилась. Однако она по-прежнему выполняет функцию консультативного совета при органах государственной власти, являясь государственно-консультативным институтом. В каких-то функциях она дублирует законодательные органы. С развитием информационно-коммуникационных технологий это все больше становится очевидным, так как общественные советы слабо участвуют в решении вопросов граждан. Чтобы сохранить свою социально-публичную функцию, общественным советам придется перестраиваться и качественно меняться. Эти изменения должны выражаться в повороте общественных советов на решение проблем общества на микроуровне. Для этого потребуется все больше включать в работу общественных советов профсоюзные организации и развивать электронные парципаторные платформы на базе государственных ведомств.

Библиографический список

1. Вершинская О.Н. Адаптация общества к новым информационным технологиям: новые возможности и новое социальное неравенство // Информационное общество. 1999. Вып.1. С.25–29.
2. Гриб В.В. Правовые формы воздействия органов государственной власти на институты гражданского общества // Конституционное и муниципальное право. 2011. №1. С.16–17.
3. Индекс цифровой грамотности 2015 Т.Голубовская, С.Давыдов и др. Москва, 2015. URL: https://www.wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-12-21-rocit.pdf
4. Иноземцева В.А., Черенкова Е.И. Экспертное сообщество Республики Карелия: опыт участия в публичной политике // Политическая наука. 2015. №3. С.175–183.
5. Камари Д.М. Куда ведет электронная парципаторная демократия? // Самоуправление. 2020. №1. С.49–53.
6. Камари Д.М. Почему социальные лифты не работают? // Мир перемен. 2020. №3. С.142–148.
7. Кустарев А. Делиберация и демократия // Неприкосновенный запас. 2021. №139. С.52–61.
8. Общественные советы не могут влиять на принимаемые властями решения // Российская газета. 23 июля 2012. URL: <https://rg.ru/2012/07/24/soveti.html>
9. Сивинцева О.В., Титова С.Р. Местное самоуправление как институт публичного участия: траектория развития в России и Китае // Власть. 2016. №12. С.87–92.
10. Сигнал не проходит. Что мешает Общественной палате доносить до власти мнение россиян // Лента. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/02/22/palata/>.
11. Сунгуров А.Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества // Полис. 1999. №6. С.34–48.
12. Сунгуров А.Ю. Общественная и гражданская экспертизы: современные российские дискуссии // Общественные науки и современность. 2019. №4. С.87–98.
13. Сунгуров А.Ю., Шамшура К.А. Взаимодействие экспертного сообщества с гражданскими организациями и властью: российский опыт // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сб. научных трудов XXXVII международного Харакского форума. В 2 т. Симферополь: «АРИАЛ», 2021. С.349–355.
14. Evans A.B. The First Steps of Russia's Public Chamber: Representation or Coordination // Demokratizatsiya The Journal of Post-Soviet Democratization. 2008. №16. P.345–362.
15. Evans A.B. The Public Chamber and Social Conflicts in Russia // Western Political Science Association 2010 Annual Meeting Paper. 2010. P.1–29. URL: https://www.researchgate.net/publication/228154396_The_Public_Chamber_and_Social_Conflicts_in_Russia.

16. He B., Zhenhua H., Jinjin W. Village Deliberative Democracy and Village Governance in China / *Deliberative Democracy in Asia*. Edited by Baogang He, Michael G. Breen and James S. Fishkin. London-New York: Routledge, 2021. P.19–37.

17. Mediascope: 73% россиян пользуются социальными сетями. URL: www.sostav.ru/publications/mediascope-51211.html.

18. Owen C., Bindman E. Civic Participation in a Hybrid Regime // *Government and Opposition*. 2019. №54. P.98–120.

19. Richter J., Hatch W. Organizing Civil Society in Russia and China: A Comparative Approach // *International Journal of Politics, Culture and Society*. 2013. №26. P.323–347.

20. Stuvøy K. Power and Public Chambers in the development of civil society in Russia // *Communist and Post-Communist Studies*. 2014. №47. P.409–419.

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECC.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киоске ИРИ РАН
по адресу ул. Дмитрия Ульянова, д.19,
тел. 8-499-126-94-18**

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2023.
Цена свободная.

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 10.03.2023. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,5 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 192002

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.

Наши авторы

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Соловьев Кирилл Андреевич

доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Писарькова Любовь Федоровна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Жбанкова Елена Васильевна

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В.Ломоносова

Волобуев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Московского государственного областного университета

Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН

Камари Даниэль Михайлович

Член Вольного экономического общества России

Our authors

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., historian, Professor, Chair of Literary Criticism,
Faculty of Journalism, Russian State University for the Humanities,
leading researcher of the Institute of Scientific Information on Social
Sciences of the Russian Academy of Sciences

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Professor Chair of Early
and Early Modern Russian History,
Russian State University for Humanities

Solov'ev Kirill Andreevich

D.Sci., historian, Professor, Higher School of Economics – National
Research University, senior researcher of Institute of Russian history
of Russian Academy of Sciences

Pisar'kova Lyubov' Fedorovna

D.Sci., historian, senior researcher of Institute of Russian history
of Russian Academy of Sciences

Zhbankova Elena Vasiljevna

D.Sci., historian, Professor, Professor, Dpt. Of Area Studies,
Foreign Languages and Regional Studies
of The Moscow State University

Volobuev Oleg Vladimirovich

D.Sci., historian, Professor, Chief Researcher
of the Moscow State Regional University

Iskhakov Salavat Midkhatovich

D.Sci. historian, Leading Researcher,
Institute of Russian History, RAS

Kamari Daniel

Member of The Free Economic Society

2. 2023 march - april

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Oksana Kiyanskaya

“The Demon of Propaganda”. To the History
of M.P.Bestuzhev-Ryumin's Activities in the
Southern Decembrists Society _____ 6

Andrey Yurganov

Dostoevsky and “Les Misérables”:
Experience Intercultural Interaction _____ 50

Kirill Solov'ev

The Ideological Search for the Times
of the Counter-Revolution _____ 60

Pages of History

Lyubov' Pizar'kova

Interaction Between Central Government
and Local Administration. According to the
Materials of the Korochansky Order Hut. 1643–1701 _____ 74

Elena Zhbankova

The role and place of salon dance
in the education of children
and adults in pre-revolutionary Russia _____ 104

Oleg Volobuev

People and Destinies: Strokes for Portraits.
Simferopol. 1965–1972 _____ 124

National Doctrine

Salavat Iskhakov

“We, the Democracy of
the Muslim Peoples of Russia...”:

Zahid Shamil _____ 154

Readers' Letters

Daniel Kamari

Public Councils
and Labour Relations _____ 170

РОССИЯ XXI